

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

ISSN 2713-2811

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

pravojournal.ru

4 (14) / 2021

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний
Вологодский государственный университет

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

**Сетевой
научно-практический журнал
частного и публичного права**

№ 4 (14) ISSN 2713-2811
Вологда 2021

Издается с июня 2018 года
Выходит пять раз в год

Учредители:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Вологодский государственный университет»

Главный редактор:
Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Представлен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по пяти научным специальностям: 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12

Дата выхода в свет: 18.11.2021

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: pravojournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-76066 от 24 июня 2019 г. ISSN 2713-2811

© ВИПЭ ФСИН России, 2021

© ВоГУ, 2021

Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penal Service of Russia Vologda State University

IUS PUBLICUM ET PRIVATUM

Online scientific and practical
journal of private and public law

№ 4 (14) ISSN 2713-2811
Vologda 2021

Published since June 2018

Published five times a year

Founders:

Federal Official Educational Institution of Higher Education
"Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service",
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vologda State University"

Editor-in-Chief:
Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors.
The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

Presented in the system of the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of PhD., for the degree of Dsc. should be published of the following scientific specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12.

Date of publication: 18.11.2021

The journal is presented on the website in free access in full-text format

Address of the editorial office:
2, Shchetinin street, Vologda, 160000, Russian Federation
Phones: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: ejournal@inbox.ru
Website: pravojournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration PI № ФС77-76066 dated June 24, 2019. ISSN 2713-2811

© VILE FPS of Russia, 2021
© VoSU, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (заместитель главного редактора);

Крюкова О. Ю. – старший научный сотрудник отделения организации и координации научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);

Барков А. В. – профессор кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Дугенец А. С. – главный редактор федерального научно-практического журнала «Административное право и процесс», заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований и сравнительного правоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Квашнин В. А. – профессор кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор;

Корень Т. А. – заместитель директора по учебной и научной работе Могилевского филиала Частного учреждения образования «БИП – институт правоведения» (Республика Беларусь), кандидат юридических наук;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Кузнецова Е. В. – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кургузкина Е. Б. – профессор Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал, г. Воронеж), доктор юридических наук;

Кучин О. С. – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик РАЕ, заслуженный деятель науки и техники РАЕ;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор наук, профессор криминологии;

Мишальченко Ю. В. – генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Попович М. М. – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Силкин В. П. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор;

Сухондяева Т. Ю. – доцент кафедры гражданского права Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Углицких Д. В. – доцент кафедры юриспруденции Института управления, экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета, кандидат юридических наук;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры судебной власти Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор;

Хатуаева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

EDITORIAL COUNCIL:

Kharkovsky E. L. – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D.in Law, Associate Professor., (Editor-in-chief);

Golodov P. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor, (Deputy Editor-in-chief);

Krukova O. Yu. – Senior Researcher of the Subbranch of Organization and Coordination of Research Activities and International Cooperation of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law (Executive secretary);

Barkov A. V. – Professor of the Civil Law Department of the Military University of the Ministry of Defense of the Russia, Dsc. of Law, Professor;

Gavrilov B. Ya. – Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dsc. in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Valid Member of the Peter Academy of Sciences and Arts;

Dvoryanskov I. V. – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Professor of the Department of Penal Law and the Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Professor;

Dugenets A. S. – Editor-in-Chief of the Federal Scientific and Practical Journal "Administrative Law and Process", Honored Lawyer of the Russian Federation, Dsc. of Law, Professor;

Zubkova V. I. – Chief Researcher of the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor;

Kvashnin V. A. – Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, Dsc. in History, Associate Professor;

Kozachenko I. Ya. – Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, Dsc. in Law, Professor;

Koren' T. A. – Deputy Director for Academic and Scientific Work of the Mogilev Branch of the Private Educational Institution "BIP - Institute of Law" (Republic of Belarus), PhD in Law;

Kruglikov L. L. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Demidov Yaroslavl State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Valid Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences;

Kuzminykh A. L. – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

Kuznetsova E. V. – Associate Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Kurguzkina E. B. – Professor of the Russian State University of Justice (Central Branch, Voronezh), Dsc. in Law;

Kuchin O. S. – Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RAN;

Meshko G. – Professor of the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia), Doctor, Professor of Criminology;

Mishalchenko Yu. V. – General Counsel of the CIS Economic Court, Dsc. in Law, Dsc. in Economics, Professor;

Nagornyykh R. V. – Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Panteleeva N. V. – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus), PhD in Law, Associate Professor;

Ponikarov V. A. – Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Associate Professor;

Popovich M. M. – Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor;

Romashov R. A. – Professor of the Department of State Law Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

Seliverstov V. I. – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Silkin V. P. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Starostin S. A. – Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dsc. in Law, Professor;

Sukhondyaeva T. Yu. – Associate Professor of the Department of Civil Law of the the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor;

Uglitskikh D. V. – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Institute of Management, Economics and Law of the Vologda State University, PhD in Law;

Shabanov V. B. – Head of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Dsc. in Law, Professor;

Shatalov A. S. – Professor of the Department of Judicial Power of the National Research University "Higher School of Economics», Dsc. in Law, Professor;

Khatuaeva V. V. – Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Dsc. in Law, Professor;

Chukmaitov D. S. – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan), Dsc. in Law, Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА.....	9
КУЛЮКИН А. А. Организационно-правовые основы исполнения наказаний органами военной полиции в Российской империи	18
ЛАПШИН В. Е., ШАХАНОВ В. В. Локальное нормотворчество как элемент локального правопорядка	23
ЯКОВЛЕВА М. А., МАРЧЕНКО Е. М. Особенности и проблемы противодействия преступности ленинградской милицией в период блокады	29
ВАЛЬКОВА Е. В. Принцип национального режима в регулировании наследования с участием иностранных лиц	33
ДВОРЯНСКОВ И. В. О соотношении функций и целей уголовного наказания во взаимосвязи с обеспечением его исполнения	38
ЗУБКОВА В. И., САНТАШОВ А. Л. Нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ): вопросы правоприменительной практики	43
КАБАНОВ В. М. Соотношение аксиом и принципов права в уголовном праве	47
КАСИМОВ Д. Р. Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона	52
КОМБАРОВ Р. В. Проблемы реализации уголовного наказания в виде принудительных работ	59
КРАСОТКИН П. Н., ЛАСТОЧКИН А. Н. О некоторых вопросах направления в исправительный центр осужденных к принудительным работам	64
ЛАТЫШЕВА Л. А. Проблемы реализации осужденными к лишению свободы женщинами прав на совместное проживание с детьми и грудное вскармливание	69
НЕКРАСОВ В. Н. Уголовно-правовая политика в области инновационной деятельности	74
САНТАШОВА Л. Л. Проблемы деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19	77
СКРИПЧЕНКО Н. Ю. К вопросу о практической целесообразности реформирования применения принудительных мер воспитательного воздействия в связи с законодательным закреплением уголовного проступка	81
СИДОРОВА Е. З., УСТЮЖАНИНА А. А. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса	86
ФОЙЕР М. В. Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности	93
ЯНЧУК И. А., ЧЕТИНА А. А. К вопросу о снятии с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания	99
ДУТОВ Ю. И., ДУТОВ Н. Ю. Нужно ли менять порядок дознания в сокращенной форме?	103
ХАРЬКОВСКИЙ Е. Л., ПАЛЬЧИКОВА Н. В. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста	109
ПАЛЬЧИКОВА Н. В. Порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста	113
МАЛКОВА Л. Л. Организационно-правовые аспекты проблемы текучести кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	118
ЛАПУТИНА Е. А., ОСТАПЕНКО В. Н. Способы сокрытия мошенничеств, совершаемых осужденными с территории исправительных учреждений	124
КУЧИН О. С. Размышление о содержании криминалистической дефиниции «противодействие расследованию преступлений»	129
СОКОЛОВА О. А. Значение прогностической функции в развитии современной дактилоскопии	133
СМИРНОВ А. В. Об особенностях применения мер ответственности в органах прокуратуры	139

CONTENT

CHIEF EDITOR'S NOTE	9
KULYUKIN A. A. Organizational and legal framework for execution of punishments by the military police in the Russian Empire	18
LAPSHIN V. YE., SHAKHANOV V. V. Local rule-making as an element of local legal order	23
YAKOVLEVA M. A., MARCHENKO E. M. Features and problems of combating crime by the Leningrad police during the blockade	29
VAL'KOVA E. V. The principle of national treatment in the regulation of inheritance with the participation of foreigners	33
DVORYANSKOV I. V. On the correlation of functions and purposes of criminal punishment in conjunction with ensuring its execution	38
ZUBKOVA V. I., SANTASHOV A. L. Violation of requirements in the field of transport security (Article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of law enforcement	43
KABANOV V. M. Correlation of axioms and principles of law in criminal law	47
KASIMOV D. R. Semantic and functional optionality in the interpretation of evaluative concepts of criminal law	52
KOMBAROV R. V. Implementation problems of forced labor	59
KRASOTKIN P. N., LASTOCHKIN A. N. On some issues of sending convicts to forced labor to a correctional center	64
LATYSHEVA L. A. Problems of realization by women sentenced to imprisonment the rights to cohabitation with children and breastfeeding	69
NEKRASOV V. N. Criminal law policy in the field of innovation	74
SANTASHOVA L. L. Problems of correctional institutions in the context of the spread the new coronavirus infection COVID-19	77
SKRIPCHENKO N. Yu. On the question of the practical appropriateness of reforming the use of compulsory measures of educational influence in connection with the legislative consolidation of a criminal misconduct	81
SIDOROVA E. Z., USTYUZHANINA A. A. Criminal liability for disclosing information about security measures applied to participants in criminal proceedings	86
FOYER M. V. The legal nature of the institution of exemption from criminal liability	93
YANCHUK I. A., CHETINA A. A. On the issue of removing from a convicted person the status of a malicious violator of the established procedure of serving a sentence	99
DUTOV Yu. I., DUTOV N. Yu. Does the order of inquiry need to be changed in an abbreviated form?	103
KHARKOVSKY E. L., PALCHIKOVA N. V. On the issue of legal regulation of house arrest	109
PALCHIKOVA N. V. The procedure for applying a preventive measure in the form of house arrest	113
MALKOVA L. L. Organizational and legal aspects of the problem of staff turnover in the penal system of the Russian Federation	118
LAPUTINA E. A., OSTAPENKO V. N. Methods of frauds concealment committed by convicts from the territory of correctional institutions	124
KUCHIN O. S. Reflection on the content of a forensic definition "Counteraction to the investigation of crimes"	129
SOKOLOVA O. A. The importance of prognostic function in the development of modern fingerprinting	133
SMIRNOV A. V. On peculiarities of application of measures of responsibility in the prosecutor's office	139

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается четвертый в 2021 г. выпуск сетевого научно-практического журнала «*ius publicum et privatum*».

На страницах журнала представлены научные дискуссии по актуальным вопросам, касающимся современного состояния российского законодательства, эффективности применения правовых норм и совершенствования нормотворческого процесса, анализа теоретических и исторических аспектов государственно-правовых явлений, зарубежного законодательства.

Журнал включает рубрики, соответствующие различным отраслям права и направлениям юридической деятельности.

Выпуск открывает поздравление с юбилеем Вячеслава Ивановича Селиверстова – известного российского ученого-пенитенциариста, специалиста в области уголовного и уголовно-исполнительного права, профессора кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Продолжают выпуск материалы в рамках специальности **«Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Российской Федерации»**. Статья «Организационно-правовые основы исполнения наказаний органами военной полиции в Российской империи» подготовлена А. А. Кулюкиным. Исследование посвящено рассмотрению вопросов исполнения наказаний в отношении военнослужащих органами военной полиции в Российской империи. Определены функции военной полиции, связанные с исполнением наказаний в армии, дана характеристика этапов развития данного института. Сформулирован вывод о том, что генезис системы исполнения наказаний представляет собой структурированный и целенаправленный процесс преобразования соответствующих учреждений. Подчеркивается необходимость применения опыта, накопленного в армии Российской империи.

В статье «Локальное нормотворчество как элемент локального правопорядка» доктора педагогических наук, кандидата юридических наук, доцента В. Е. Лапшина и кандидата юридических наук, доцента В. В. Шаханова анализируются проблемные вопросы содержания локальной нормотворческой деятельности, которая рассматривается как элемент локального правопорядка. Отмечается, что локальное нормотворчество должно носить необходимый, а не случайный характер. Локальные нормативные акты соотношены с корпоративными актами. Предлагается их рассматривать как явления самостоятельные, но частично пересекающиеся. Сегмент их пересечения зависит от направленности правового регулирования, способов объективации во вне и вида генерирующего их субъекта. Отмечаются тенденции децентрализации правового регулирования и ее влияние на локальный правопорядок.

Следующая статья – «Особенности и проблемы противодействия преступности ленинградской милицией в период блокады» – подготовлена кандидатом юридических наук М. А. Яковлевой и Е. М. Марченко. В ней на основе анализа нормативных положений, статистических данных, научных публикаций рассматриваются исторические особенности и проблемы, существовавшие в сфере противодействия преступности в период блокады. Отмечается, что вопрос историографии органов внутренних дел в целом и ленинградской милиции в частности в период блокады не теряет своей значимости на протяжении длительного периода времени, актуализируясь в связи с фактами фальсификации исторических событий Великой Отечественной войны. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на значительные сложности наиболее трагичного в истории Ленинграда и Великой Отечественной войны этапа, деятельность милиции в сфере противодействия преступности была эффективной.

Специальность **«Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»** представлена статьей Е. В. Вальковой «Принцип национального режима в регулировании наследования с участием иностранных лиц», в которой на основе российского законодательства, международных соглашений и судебной практики анализируется национальный режим в сфере регулирования вопросов наследования с участием иностранных лиц. Автором раскрыта специфика регламентации правоотношений в области применения национального режима в наследовании с последующим формированием различной правоприменительной практики.

Наиболее востребованной является специальность **«Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»**, в которую вошли тринадцать статей. Открывает раздел статья доктора юридических наук, профессора И. В. Дворянского «О соотношении функций и целей уголовного наказания во взаимосвязи с обеспечением его исполнения», которая посвящена анализу проблемы релевантности функций и целей уголовного наказания. На практике наблюдается рассогласованность реальных функций и декларируемых целей наказания, что отрицательно влияет на обеспечение его исполнения. Автор приходит к выводу о том, что современные цели наказания не соответствуют его фактическим функциям, в нынешнем своем виде имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. А самое главное, существующие цели наказания существенно затрудняют его исполнение.

Следующая статья – «Нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ): вопросы правоприменительной практики» – подготовлена доктором юридических наук, профессором, почетным профессором МГУ им. М. В. Ломоносова В. И. Зубковой и доктором юридических наук, доцентом А. Л. Санташовым. В статье анализируются проблемы квалификации деяний, связанных с нарушением требований в области транспортной безопасности. Дается характеристика преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ. Рассматриваются вопросы межотраслевой дифференциации ответственности в указанной сфере. Приводится анализ правоприменительной практики по проверке сообщений о нарушениях требований в области транспортной безопасности.

В статье «Соотношение аксиом и принципов права в уголовном праве» В. М. Кабановым анализируются понятия аксиомы и принципа права как смежные категории в их взаимосвязи друг с другом, рассматриваются их общие и отличительные признаки, приводятся примеры аксиом-принципов в уголовном праве. Раскрываются отдельные аксиомы-принципы уголовного права, их роль в системе уголовного права, влияние на его отдельные институты (назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности). Делаются соответствующие выводы, основанные на результатах проведенного исследования.

Раздел продолжает статья «Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона», подготовленная Д. Р. Касимовым. В ней анализируются семантические и функциональные возможности и пределы уголовно-правовых оценочных понятий. Выделяются два типа источников семантико-функциональной диспозитивности оценочных понятий: логико-языковые и нормативно-функциональные. В то же время отмечается, что буквальное толкование некоторых оценочных понятий уголовного закона может привести к ошибочному восприятию заложенного в них законодателем смысла и, как следствие, неправильному применению соответствующей уголовно-правовой нормы. Делается вывод о том, что уголовно-правовые оценочные понятия, будучи опосредованными правовым дискурсом, обладают исчерпывающими функциональными возможностями и одновременно инвариантным, строго определенным содержанием и самоадаптирующимся к текущим реалиям понятийным объемом.

В статье кандидата юридических наук Р. В. Комбарова «Проблемы реализации уголовного наказания в виде принудительных работ» рассматриваются некоторые существующие на сегодняшний день проблемы в сфере реализации уголовного наказания в виде принудительных работ. Анализируется практика применения данного наказания, выявляются сложности правового регулирования его реализации, предлагаются соответствующие пути их преодоления. В частности, рассматриваются вопросы назначения судами принудительных работ и направления осужденных к месту отбывания наказания, очерчивается круг лиц, в отношении которых не целесообразно назначение наказания в виде принудительных работ, проводится анализ схожих по своему содержанию порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ и лишения свободы с отбыванием наказания в колониях-поселениях. Особое внимание уделено проблемам трудоустройства осужденных к

принудительным работам как во время отбывания наказания, так и после освобождения, а также вопросам их медицинского обслуживания.

Статья «О некоторых вопросах направления в исправительный центр осужденных к принудительным работам» подготовлена кандидатом юридических наук П. Н. Красоткиным и кандидатом педагогических наук, доцентом А. Н. Ласточкиным. В статье рассматривается порядок направления в исправительный центр осужденных к принудительным работам. На основе исследования, проведенного в январе 2019 г., были выявлены такие проблемы организационно-правового характера, как неопределенность термина «уполномоченный работник», порядок направления сообщения о сроке прибытия осужденного в учреждение, особенности обеспечения осужденных денежными средствами на оплату проезда и продуктами питания на время проезда к месту дислокации учреждения, порядок оформления акта об отказе от получения предписания, сроки вручения предписания. Авторами внесены предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Статья кандидата юридических наук Л. А. Латышевой «Проблемы реализации осужденными к лишению свободы женщинами прав на совместное проживание с детьми и грудное вскармливание» посвящена изучению проблемных вопросов, связанных с реализацией осужденными к лишению свободы женщинами своих материнских прав, в частности права на совместное пребывание с ребенком как в условиях исправительного учреждения, так и вне его, а также права на грудное вскармливание. На основе анализа положительного опыта Российской Федерации утверждается целесообразность организации совместного пребывания осужденных женщин с детьми в условиях пенитенциарного учреждения. Акцентируется внимание на том, что это позволит оптимизировать процесс грудного вскармливания. Автор обосновывает необходимость внесения изменений в действующее российское уголовно-исполнительное законодательство в указанной сфере.

В статье «Уголовно-правовая политика в области инновационной деятельности», подготовленной кандидатом юридических наук В. Н. Некрасовым, анализируется уголовная политика, направленная на противодействие преступности в области инновационной деятельности. Делается вывод, что институт ответственности за преступления в сфере инновационной деятельности формально отсутствует. Нормы Особенной части УК РФ, направленные на уголовно-правовое обеспечение инновационной деятельности, расположены в различных разделах и главах кодекса.

В статье «Проблемы деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19», автором которой является кандидат юридических наук Л. Л. Сантасова, исследуются проблемы деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Изучается зарубежный опыт деятельности пенитенциарных учреждений в условиях пандемии. Отмечается, что в исправительных учреждениях России проблема противодействия инфекции стоит остро, так как болеют и сотрудники, и гражданский персонал, и осужденные. Деятельность исправительных учреждений фактически осуществляется в режиме особых условий, так как свидания осужденным не предоставляются, приостановлен прием посылок и передач, культурно-массовые мероприятия не проводятся. Вносятся предложения по совершенствованию действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Следующая статья – «К вопросу о практической целесообразности реформирования применения принудительных мер воспитательного воздействия в связи с законодательным закреплением уголовного проступка» – подготовлена доктором юридических наук, доцентом Н. Ю. Скрипченко. Идея законодательного закрепления уголовного проступка относится к числу дискуссионных, а настойчивые попытки инициатора соответствующих реформ интегрировать новую дефиницию в систему категорий преступления расширяет круг обсуждаемых вопросов. Предлагаемое императивное основание освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 90 УК РФ проекта актуализирует вопросы о законодательной неопределенности основания прекращения уголовного преследования; мерах, которые могут быть применены к подростку, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, но на момент рассмотрения дела в суде достигшем 18 лет; правилах назначения принудительных мер воспитательного воздействия подростку, совершившему уголовный проступок и преступление небольшой или средней тяжести.

В статье «Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса», авторами которой являются кандидат юридических наук Е. З. Сидорова и А. А. Устюжанина, анализируются особенности состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ. Дается уголовно-правовая характеристика состава преступления, выявляются пробелы законодательства, регулирующего порядок защиты участников уголовного судопроизводства, возможности усовершенствования норм, предусматривающих уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности названных лиц. В частности, обозначена недостаточность перечня лиц, которые могут стать субъектом рассматриваемого преступления. Отмечается, что преступление, предусмотренное ст. 311 УК РФ, является высоколатентным, поскольку участники судебного процесса подвержены влиянию со стороны субъектов преступления и зачастую не обращаются в правоохранительные органы.

Статья «Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности» подготовлена М. В. Фойер. Исследование посвящено анализу правовой природы института освобождения от уголовной ответственности, который носит поощрительный характер, поскольку законодатель учитывает позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление. Определены условия и основания освобождения от уголовной ответственности. Дана классификация условий освобождения от уголовной ответственности. Подчеркивается поощрительный характер освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Предлагается дополнить норму об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности позицией о прерывании сроков давности в случае совершения нового умышленного преступления.

Завершает рубрику статья кандидата юридических наук, доцента И. А. Янчука и А. А. Четиной «К вопросу о снятии с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания», в которой рассматриваются вопросы признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также снятия данного статуса. На основе анализа норм уголовно-исполнительного законодательства, результатов научных исследований делается вывод, что в настоящее время отсутствует процедура снятия либо погашения статуса злостного нарушителя режима. Рассматриваются возможные варианты устранения пробела в законодательстве путем сохранения данного статуса на весь период отбывания наказания, либо снятия одновременно с погашением и снятием взыскания, либо перевода из строгих условий отбывания наказания. Формулируются предложения по дополнению Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации новой статьей.

Специальность **«Уголовный процесс»** представлена тремя статьями. Статья кандидата педагогических наук, доцента Ю. И. Дутова и кандидата юридических наук, доцента Н. Ю. Дутова «Нужно ли менять порядок дознания в сокращенной форме?» посвящена исследованию особенностей производства дознания в сокращенной форме. Анализируются различные точки зрения ученых на производство дознания в сокращенной форме. Обосновывается необходимость внесения изменений в УПК РФ с целью повышения процессуальной самостоятельности дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме. Авторами сделан вывод о целесообразности данной формы ускоренного производства по уголовному делу.

Вторая статья – «К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста» – подготовлена кандидатом юридических наук Н. В. Пальчиковой и кандидатом юридических наук, доцентом Е. Л. Харьковским и посвящена исследованию норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих порядок применения домашнего ареста. В частности, рассматриваются сущность, порядок, условия избрания данной меры пресечения. Уделяется внимание вопросам установления дополнительных запретов и ограничений при избрании меры пресечения, зачета срока исполнения домашнего ареста в срок содержания под стражей. Делаются выводы по поводу законодательного закрепления некоторых положений УК РФ в нормах УПК РФ для согласования зачета срока домашнего ареста, условий более эффективного использования домашнего ареста и контроля за лицами, в отношении которых избрана такая мера пресечения.

Завершает рубрику статья кандидата юридических наук Н. В. Пальчиковой «Порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста», в которой рассматривается соотношение понятий «применение домашнего ареста», «избрание домашнего ареста», «исполнение домашнего ареста», выделяются два этапа применения домашнего ареста в ходе

расследования уголовного дела: избрание меры пресечения и исполнение меры пресечения. Также определяются стадии избрания меры пресечения (досудебная и судебная), в процедуре исполнения меры пресечения делается попытка выделить четыре стадии: 1) подготовка органами предварительного расследования документов, необходимых для осуществления контроля за подозреваемым (обвиняемым); 2) постановка подозреваемого (обвиняемого) на учет в уголовно-исполнительной инспекции; 3) контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста; 4) снятие с учета подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

В рамках специальности **«Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»** размещена статья «Организационно-правовые аспекты проблемы текучести кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», подготовленная кандидатом экономических наук, доцентом Л. Л. Малковой. Исследование посвящено научно-теоретическому анализу существующих в научной литературе точек зрения относительно содержания и причин текучести кадров. На основании результатов социологического опроса, проведенного среди практических сотрудников кадровых и иных подразделений территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, установлены основные причины снижения уровня удовлетворенности трудом и роста текучести кадров в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, увольнения со службы молодых сотрудников. Предложены меры организационно-правового характера по совершенствованию кадрового обеспечения на современном этапе.

По специальности **«Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»** размещены три статьи. Статья «Способы сокрытия мошенничеств, совершаемых осужденными с территории исправительных учреждений» кандидата юридических наук Е. А. Лапутиной и В. Н. Остапенко раскрывает способы сокрытия мошенничества, совершенного осужденными с территории исправительных учреждений ФСИН России, как элемент криминалистической характеристики данной группы преступлений. Проанализированы такие способы, как утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация, раскрыто их содержание, приведены примеры из практики расследования. Перечислены факторы, определяющие особенности деятельности по сокрытию: личность преступника и очевидцев, специфика обстановки и способ совершения мошенничества. Определено теоретическое значение данных сведений для развития методики расследования мошенничеств, а также их прикладное значение в виде разработки практических рекомендаций по выявлению, расследованию преступных действий и противодействию им.

Вторая статья – «Размышление о содержании криминалистической дефиниции “противодействие расследованию преступлений”» – подготовлена доктором юридических наук, доцентом, академиком РАН, заслуженным деятелем науки и техники РАН, почетным доктором О. С. Кучиным. Действующий УПК РФ предоставляет стороне защиты довольно широкие права, позволяющие участвовать в объективном установлении всех обстоятельств расследуемого уголовного дела даже в том случае, если позиция защиты в корне расходится с доводами обвинения. Однако в науке криминалистики в последние годы такие действия защиты стали восприниматься как противодействие расследованию преступлений. Автор аргументирует несостоятельность сложившегося подхода.

Завершает рубрику статья «Значение прогностической функции в развитии современной дактилоскопии» доктора юридических наук, доцента О. А. Соколовой. В ней представлено современное состояние дактилоскопии как наиболее разработанного в теоретическом и практическом плане направления исследований в судебной экспертизе. Научно-технический прогресс, характеризующийся непрерывным процессом развития науки, техники, появлением инновационных технологий, способствует возникновению многочисленных отраслей знания, включая дактилоскопию, что позволяет периодически пересматривать достижения и определять векторы дальнейшего движения. В связи с этим автор предлагает рассматривать прогностическую функцию в качестве одной из форм научного предвидения в дактилоскопии и обосновывает выделенные в дактилоскопии перспективные направления. Среди них, по мнению автора, помимо собственно дактилоскопического и интегрального (папилляроскопического), важное место отводится научно-техническому, связанному с разработкой новых средств, форм и методов, применяемых для выявления, фиксации, изъятия и исследования следов рук.

Завершают выпуск материалы по специальности «**Административное право; административный процесс**». В статье «Об особенностях применения мер ответственности в органах прокуратуры» А. В. Смирнова на основе анализа различных научных позиций и действующих нормативных правовых актов производится структурирование видов применяемых к работникам прокуратуры мер ответственности, выделяются их характеристики, обуславливающие особенности данного вида федеральной государственной службы, определяются проблемы их правоприменения, оказывающие негативное влияние на эффективность самой служебной деятельности. Делается вывод о том, что административно-правовой статус работников прокуратуры имеет значительное сходство со статусом служащих других государственных органов, выполняющих правоохранительные функции, при этом он содержит целый ряд элементов, свидетельствующих о его исключительности, что подтверждает особое положение служащих данного вида в системе государственной службы. Обосновывается необходимость корректировки отдельных положений нормативно-правового регулирования служебных отношений в органах прокуратуры.

Мы приглашаем активных читателей и авторов журнала обмениваться научными идеями на страницах нашего издания. Надеемся, что статьи, представленные в данном выпуске журнала, способствуют пополнению и обновлению научной базы исследователей по разным правовым вопросам и подвигнут наших читателей к активизации научной работы.

Желаем интересных научных статей, дискуссий и творческих успехов в работе!

С уважением,
главный редактор
кандидат юридических наук, доцент
Харьковский Евгений Леонидович

30 ноября 2021 г. отмечает 70-летие **ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ** – известный российский ученый-пенитенциарист, специалист в области уголовного и уголовно-исполнительного права, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В. И. Селиверстов опубликовал свыше 500 научных и учебно-методических работ, включая монографии, учебники, учебные пособия, комментарии к УК РФ, УИК РФ и другим федеральным законам.

Вячеслав Иванович входил в авторские коллективы ученых по подготовке доктринальной модели Основ уголовно-исполнительного законодательства и проекта УИК РФ, который был принят в 1996 г., и Модельного УИК стран СНГ, который был принят в 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ (г. Санкт-Петербург), принимал участие в подготовке федеральных законов от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о

содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Неоднократно приглашался в качестве эксперта при подготовке УИК и других законов стран СНГ. Представлял российскую науку на обсуждениях проблем исполнения уголовных наказаний в комитетах и комиссиях ООН и Совета Европы, парламентах Российской Федерации и стран СНГ, зарубежных международных конференциях, конгрессах, стажировках и семинарах.

Профессор В. И. Селиверстов плодотворно сотрудничает с ВИПЭ ФСИН России. С 2006 г. Вячеслав Иванович неоднократно принимал участие в международных научно-практических конференциях, посвященных вопросам уголовной и уголовно-исполнительной политики Российской Федерации, проводимых на базе института, входил в состав оргкомитета конференции, выступал с докладами.

В декабре 2018 г. Вячеслав Иванович Селиверстов в рамках учебного семинара по изучению установленных правил обращения с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными выступил с лекцией «История международных конгрессов. Контроль за обеспечением прав человека при исполнении уголовных наказаний. Международные правовые акты в отношении обращения с заключенными» перед руководством правоохранительных органов Вологодской области и курсантами института. Кроме того, Вячеслав Иванович провел тренинги с членами общественных наблюдательных комиссий, сотрудниками полиции и уголовно-исполнительной системы.

Вячеслав Иванович внес значительный вклад в развитие научно-педагогического состава института: около семи лет работал в качестве профессора кафедры уголовно-исполнительного права, под его руководством три сотрудника защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (А. С. Александров, О. Ю. Крюкова, С. И. Паканич).

Вячеслав Иванович и сегодня активно взаимодействует с институтом: является научным руководителем по подготовке диссертационного исследования на соискание ученой степени кандидата юридических наук научного сотрудника организационно-научного отдела А. М. Рудакова на тему «Реализация свободы совести и свободы вероисповедания несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы (организационные и правовые проблемы)», входит в состав редколлегии двух журналов, включенных в перечень ВАК, издаваемых ВИПЭ ФСИН России.

Вячеслава Иванович – блистательный ученый и прекрасный педагог. Личность В. И. Селиверстова характеризуют такие качества, как интеллигентность, глубокая порядочность, бескомпромиссность, верность учителям и науке, чувство юмора, доброжелательность к коллегам и ученикам.

Уважаемый Вячеслав Иванович! Примите наши искренние поздравления с днем рождения! Желаем Вам здоровья, семейного счастья, реализации всех планов, новых творческих свершений!

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-18-22

УДК 344.15

Организационно-правовые основы исполнения наказаний органами военной полиции в Российской империи

А. А. КУЛЮКИН – аспирант кафедры теории государства и права Мурманского арктического государственного университета

В статье рассматриваются вопросы исполнения наказаний в отношении военнослужащих органами военной полиции в Российской империи. Определены функции военной полиции, связанные с исполнением наказаний в армии, дана характеристика этапов развития данного института (с XVII в. до XX в.). В частности в зависимости от реформирования законодательства, создания новых учреждений исполнения наказаний выделены четыре этапа: 1) 1621–1716 гг., 2) 1717–1826 гг., 3) 1827–1867 гг., 4) 1868–1917 гг. Сделан вывод о том, что генезис системы исполнения наказаний представляет структурированный и целенаправленный процесс преобразования соответствующих учреждений. Подчеркивается необходимость применения опыта, накопленного в армии Российской империи.

Ключевые слова: исполнение наказаний; русская императорская армия; военно-полицейские органы; правоохранительная деятельность; дисциплинарные воинские части; отбывание наказания; арест военнослужащих.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки).

Для цитирования: Кулюкин А. А. Организационно-правовые основы исполнения наказаний органами военной полиции в Российской империи. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 18–22, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-18-22.

Organizational and legal framework for execution of punishments by the military police in the Russian Empire

A. A. KULYUKIN – Postgraduate Student of the Department of State and Law Theory of the Murmansk Arctic State University

The article examines the issues of execution of punishments against military personnel by the military police in the Russian Empire. The functions of the military police related to the execution of punishments in the army are determined, a description of the stages of development of this institution (from the 17th century to the 20th century) is given, in particular, depending on the reform of legislation, the creation of new institutions for the execution of sentences, four stages are identified: 1) 1621–1716, 2) 1717–1826, 3) 1827–1867, 4) 1868–1917. It is concluded that the genesis of the penal system is a structured and purposeful process of transforming the relevant institutions. The need to apply the experience accumulated in the army of the Russian Empire is emphasized.

Keywords: execution of punishments; Russian imperial army; military police bodies; law enforcement activities; disciplinary military units; serving a sentence; arrest of military personnel.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state (legal sciences).

For citation: Kulyukin A. A. Organizational and legal framework for execution of punishments by the military police in the Russian Empire. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 4 (14), pp. 18–22, DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-18-22.

Исполнение отдельных видов наказаний в отношении военнослужащих органами военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации актуализирует проблему

изучения исторического опыта, связанного с применением специализированных подразделений для реализации указанной функции.

Наделение военной полиции функциями по исполнению наказаний, включение в ее состав дисциплинарных батальонов и гауптвахт обуславливают научную значимость исторических материалов, характеризующих формирование и развитие органов исполнения наказаний в армии Российской империи.

В последние годы проблема применения специализированных органов в составе армии Российской империи, предназначенных для исполнения наказаний, изучалась такими учеными, как В. Н. Воронов, Т. С. Сливин, которые определили основные цели создания таких органов: «выявление отрицательных качеств у осужденных военнослужащих и искоренение их, а также сформирование у военнослужащих стремления к самовоспитанию и самоорганизации»¹.

Значительный вклад в изучение рассматриваемой темы внес О. А. Егшин, в работах которого подробно охарактеризована деятельность военно-исправительных учреждений как Российской империи, так и Советского Союза.

Вызывают интерес работы А. С. Овчаренко, где содержатся сравнительные характеристики различных военных учреждений, предназначенных для исполнения наказаний с XIX по XXI в. Кроме того, данной теме были посвящены работы П. В. Жестерова, А. А. Бочарова, С. В. Гвоздкова, Л. М. Сатовой.

Один из ранних законодательных актов России – Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки (1621 г.) – не устанавливал определенных видов наказаний для военнослужащих. Право выбора наказания предоставлялось командирам войсковых подразделений «смотря по делу». Тем не менее уже здесь упоминается такая мера дисциплинарного характера, как «посаждение в железа», которая предусматривала надевание железных оков виновному на руки, ноги и даже на шею и содержание в специальном помещении полка². Исполнял такое наказание с указания командира полка специальный чин, называемый большой воинский пристав. За совершение преступлений военнослужащие отбывали наказание в тюрьмах на тех же основаниях, что и гражданские лица, что свидетельствует об отсутствии в то время специальных мест для содержания военнослужащих.

Формирование регулярной армии потребовало преобразования законодательства и систематизации военно-уголовных норм, в том числе касающихся исполнения наказания в отношении военнослужащих. Уставом воинским 1716 г. и приложением к нему (Артикулом воинским) были установлены такие наказания, как арест за караулом, содержание на хлебе и воде, содержание в окопах, тюремное заключение, арест у профоса (полицейский чин в армии XVIII в.), который применялся к офицерам.

Арест военнослужащие отбывали в специальных помещениях, устроенных в полках при карауле или на гарнизонных гауптвахтах. Последние находились в ведении комендантов гарнизонов и главным своим назначением имели размещение караула. Также был предусмотрен домашний арест для офицеров, исключавший исполнение служебных обязанностей.

Домашний арест, арест у профоса, содержание под караулом назначались властью военных начальников и применялись в качестве дисциплинарных взысканий. За совершение преступлений военнослужащие отбывали наказание в тюрьмах гражданского ведомства.

В конце XVIII в. при всех гарнизонных комендатурах были созданы ордонансгаузы (специальные места для содержания арестованных военнослужащих), в которых содержались подследственные и арестованные военнослужащие, производились следственные действия и суд³. Изданный Павлом I Воинский устав о полевой пехотной службе (1796 г.) предусматривал новые виды наказаний: заточение в крепость и заключение в крепостных гауптвахтах.

Начало XIX в. было ознаменовано реорганизацией системы исполнения наказаний, которая была направлена на создание специализированных мест содержания осужденных военнослужащих. Результатом преобразований стало формирование в 1823 г. инженерных военно-арестантских рот и в 1826 г. арестантских рот морского ведомства. Правовой основой деятельности создаваемых подразделений стало Положение о военно-арестантских ротах (1826 г.). Военно-арестантские роты подчинялись комендантам гарнизонов.

Немаловажное значение имела реформа порядка этапирования осужденных в Российской империи 1835 г. Новая система стала называться конно-этапной. Ее отличало то, что каждая этапная команда состояла из 1/3 конных и 2/3 пеших нижних чинов, аре-

станты перевозились по трактам на подводах⁴.

Институт военно-арестантских рот существовал сравнительно недолго, не получив поддержки в войсках по причине практиковавшихся в них изнурительного труда и жестокого обращения с солдатами.

2 ноября 1864 г. было утверждено Положение о военно-исправительной тюрьме морского ведомства, которая была учреждена в Санкт-Петербурге для содержания морских нижних чинов, осужденных на тюремное заключение (фактически начала действовать 3 января 1865 г.). Тюрьма находилась в подчинении директора Инспекторского департамента морского министерства, а непосредственное руководство осуществлял начальник тюрьмы в чине морского штаб-офицера.

В 1867 г. арестантские роты были заменены военно-исправительными, в этом же году было утверждено Положение о военных тюрьмах, крепостных военно-арестантских отделениях. Арест на гауптвахте оставался видом наказания дисциплинарного характера, а также мерой пресечения уклонения от суда.

Благодаря военным реформам Д. А. Милютина этапирование стало осуществляться по железным дорогам и водным путям.

1 января 1874 г. высочайшим манифестом было объявлено о введении в России всеобщей воинской повинности, что привело к реформированию военного законодательства.

С 1875 г. стали работать военные тюрьмы. Первая была открыта 18 января в Варшаве, позже стали функционировать военные тюрьмы в Санкт-Петербурге (6 марта 1876 г.), Кронштадте, Москве (5 июля 1881 г.). Срок пребывания в тюрьме по приговору составлял до четырех лет, заключенные могли покидать камеры во время занятий или прогулок, при этом они должны были хранить «безусловное молчание»⁵. Тюрьмами руководили начальники тюрем, которые пользовались правами командира полка.

В 1883 г. была организована плавучая военная тюрьма в Севастополе, входившая в состав Черноморского флота. Она размещалась на бывшем корвете «Память Меркурия», поставленном на вечный якорь в одной из бухт⁶.

В 1874 г. комиссией Главного штаба было пересмотрено Положение о военно-исправительных ротах и было предложено произвести их реорганизацию, переименовав в дисциплинарные батальоны. 27 мая 1875 г.

был сформирован первый дисциплинарный батальон в Бобруйске. Но только 6 мая 1878 г. вышло Положение о дисциплинарных батальонах. 17 мая 1878 г. военно-исправительные роты были преобразованы в дисциплинарные батальоны (всего преобразовано семь военно-исправительных рот) и дисциплинарные роты (две военно-исправительные роты) либо упразднены (последняя смоленская военно-исправительная рота перестала существовать в 1881 г.).

В дисциплинарные воинские части направлялись нижние чины по решению военно-окружного или полкового суда, в основном за преступления против военной службы на срок от одного года до трех лет. Главной задачей таких частей было приучение заключенных к порядку и соблюдению установленных правил военной службы. При этом время отбывания наказания в дисциплинарной воинской части засчитывалось в срок действительной службы, а заключенные оставались в списках своих частей.

Дисциплинарные воинские части подчинялись либо начальникам местных войск (местные войска были предназначены для несения внутренней и гарнизонной службы в городах и крепостях), либо губернским воинским начальникам (прообраз современного военного комиссара), либо комендантам городов, а непосредственное руководство ими осуществляли командиры батальонов, пользовавшиеся правами командира полка⁷.

30 октября 1892 г. было введено новое Положение о дисциплинарных батальонах, которое сохранило главную цель этих частей – приучение солдат к требованиям дисциплины.

Дисциплинарные воинские части создавались и в морском ведомстве. Так, в 1906–1907 гг. действовал временный морской дисциплинарный батальон в Кронштадте, в котором содержались матросы Балтийского флота. 30 июля 1907 г. был сформирован Архангельский флотский дисциплинарный экипаж.

Окончательно сложившаяся система исполнения наказаний в русской армии конца XIX в. включала: 1) дисциплинарные батальоны, роты и команды; 2) военные тюрьмы и тюремные отделения; 3) крепости; 4) гауптвахты.

В годы Первой мировой войны в русской армии функционировали 18 дисциплинарных воинских частей, которые были преобразованы в штрафные батальоны и роты⁸.

После Февральской революции дисциплинарные воинские части были упразднены⁹.

Система исполнения наказаний в русской армии прошла длительный путь своего развития. Структурируя этапы становления органов исполнения наказаний в армии, можно выделить четыре основных:

– 1 этап (1621–1716 гг.) характеризуется отсутствием разграничения видов наказания за те или иные преступления, а также конкретных сроков отбывания наказания. Осужденные за преступления военнослужащие содержались в гражданских тюрьмах, арестованные в дисциплинарном порядке – в специальных помещениях полка;

– 2 этап (1717–1826 гг.) характеризуется становлением системы исполнения наказаний за определенные незаконные деяния. Осужденные за преступления военнослужащие содержались в тюрьмах гражданского ведомства, крепостях, арестованные в дисциплинарном порядке – в специальных помещениях полка, на гарнизонной гауптвахте, под домашним арестом (офицеры), подследственные и арестованные – в ордонансгаузах при гарнизонных комендатурах;

– 3 этап (1827–1867 гг.) характеризуется созданием специальных исправительных подразделений: инженерных военно-арестантских рот и арестантских рот морского ведомства, предназначенных в основном для использования труда заключенных (в 1867 г. заменены на военно-исправительные роты). За общие преступления военнослужащие содержались в тюрьмах граждан-

ского ведомства, крепостях, арестованные в дисциплинарном порядке – в специальных помещениях полка, на гарнизонной гауптвахте, под домашним арестом (офицеры). В 1860-х гг. были упразднены ордонансгаузы;

– 4 этап (1868–1917 гг.) характеризуется созданием специальных мест содержания осужденных военнослужащих – военных тюрем – и преобразованием военно-исправительных рот в дисциплинарные батальоны. Арестованные в дисциплинарном порядке содержались в специальных помещениях полка, на гарнизонной гауптвахте.

Следует отметить, что система исполнения наказаний, существовавшая в армии Российской империи, была взята за основу Красной армией. Дисциплинарные батальоны и роты в Красной армии были созданы уже в 1919 г. и представляли собой исправительно-воспитательные учреждения, куда направлялись военнослужащие рядового состава, осужденные к лишению свободы¹⁰. Дисциплинарный арест, как и в царское время, отбывался военнослужащими на гарнизонных гауптвахтах. Институт дисциплинарных частей и гарнизонных гауптвахт оставался практически неизменным на протяжении всего XX в.

В заключение можно сделать вывод, что система исполнения наказаний, существовавшая в армии Российской империи, стала той основой, благодаря которой ныне действуют дисциплинарные воинские части, гауптвахты и военные комендатуры, входящие в состав органов военной полиции Вооруженных сил Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воронов В. Н., Сливин Т. С. К проблеме перевоспитания военнослужащих в дисциплинарных воинских частях Российской империи // Вестн. Самар. юрид. ин-та. 2019. № 5 (36). С. 106.

² Сатанова Л. М. Правовое положение военно-тюремных учреждений в Российском государстве до возникновения постоянной регулярной армии // Историко-правов. проблемы: новый ракурс. 2017. № 4 (22). URL: <https://ipp.kursksu.ru/#new-number?id=132> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Егошин О. А. Исполнение и отбывание наказаний нижними чинами царской армии в военно-исправительных учреждениях // Марийс. юрид. вестн. 2007. № 5. С. 202.

⁴ Гвоздков С. В. Военно-тюремная система Российского государства в 1825–1914 гг.: историческое исследование: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2011. С. 9.

⁵ Жестеров П. В., Симмонс П. Уголовная репрессия за преступления военнослужащих в России: историко-правовой аспект // Austrian Journal of Humanities and Sciences. 2015. № 11–12. С. 125.

⁶ Бочаров А. А. Из истории дисциплинарных воинских частей военно-морского флота Российской империи. 1906–1916 гг. // Воен.-истор. журн. 2009. № 2. С. 28.

⁷ Овчаренко А. С. Сравнительная характеристика военно-арестантских/военно-исправительных рот, дисциплинарных рот/батальонов и штрафных рот/батальонов Российской Федерации, Украины и Беларуси (1823–2013) // Пролог: журн. о праве. 2013. № 2. С. 66.

⁸ Воронов В. Н., Сливин Т. С. К проблеме перевоспитания военнослужащих в дисциплинарных воинских частях Российской империи. С. 108.

⁹ Егошин О. А. Нужны ли армии дисбаты? // Марийс. юрид. вестн. 2005. № 4. С. 44.

¹⁰ Военная энциклопедия. М., 1995. С. 84.

¹ Voronov V. N., Slivin T. S. K probleme perevospitaniya voennosluzhashchih v disciplinarny`h voinskih chastyah Rossijskoj imperii // Vestn. Samar. jurid. in-ta. 2019. № 5 (36). S. 106.

² Satanova L. M. Pravovoe polozhenie voenno-tyuremny`h uchrezhdenij v Rossijskom gosudarstve do vznikoveniya postoyanno`j reguljarnoj armii // Istoriko-pravov. problemy: novy`j rakurs. 2017. № 4 (22). URL: <https://ipp.kursksu.ru/#new-number?id=132> (data obrashheniya: 12.05.2021).

³ Egoshin O. A. Ispolnenie i otby`vanie nakazaniy nizhnimi chinami czarskoj armii v voenno-ispravitel`ny`x uchrezhdeniyax // Marijs. jurid. vestn. 2007. № 5. S. 202.

⁴ Gvozdokov S. V. Voennno-tyuremnaya sistema Rossijskogo gosudarstva v 1825–1914 gg.: istoricheskoe issledovanie : avtoref. dis. ... kand. istor. nauk. M., 2011. S. 9.

⁵ Zhesterov P. V., Simmons P. Ugolovnaya repressiya za prestupleniya voennosluzhashhix v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt // Austrian Journal of Humanities and Sciences. 2015. № 11–12. S. 125.

⁶ Bocharov A. A. Iz istorii disciplinarny`x voinskix chastej voenno-morskogo flota Rossijskoj imperii. 1906–1916 gg. // Voenn.-istor. zhurn. 2009. № 2. S. 28.

⁷ Ovcharenko A. S. Sravnitel`naya xarakteristika voenno-arestantskix/voenno-ispravitel`ny`x rot, disciplinarny`x rot/batal`onov i shtrafnny`x rot/batal`onov Rossijskoj Federacii, Ukrainy` i Belarusi (1823–2013) // Prolog: zhurn. o prave. 2013. № 2. S. 66.

⁸ Voronov V. N., Slivin T. S. K probleme perevospitaniya voennosluzhashhix v disciplinarny`x voinskix chastyax Rossijskoj imperii. S. 108.

⁹ Egoshin O. A. Nuzhny` li armii disbaty`? // Marijs. jurid. vestn. 2005. № 4. S. 44.

¹⁰ Voennaya e`nciklopediya. M., 1995. S. 84.

Локальное нормотворчество как элемент локального правопорядка

В. Е. ЛАПШИН – профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент;

В. В. ШАХАНОВ – доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры публично-правовых дисциплин факультета права и управления Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируются проблемные вопросы содержания локальной нормотворческой деятельности, которая рассматривается как элемент локального правопорядка. Отмечается, что локальное нормотворчество должно носить необходимый, а не случайный характер. Локальные нормативные акты соотношены с корпоративными актами. Предлагается их рассматривать как явления самостоятельные, но частично пересекающиеся. Сегмент их пересечения зависит от направленности правового регулирования, способов объективации во вне и вида генерирующего их субъекта. Отмечается тенденция децентрализации правового регулирования и ее влияние на локальный правопорядок. Делается вывод, что локальное правовое регулирование имеет ограниченную сферу регулирования (внутри коллективного образования), носит подзаконный характер, реализует общедозволительный подход в условиях строго очерченных правовых рамок, формирует локальный правопорядок.

Ключевые слова: локальное нормотворчество; локальный правопорядок; локальное регулирование; локальный нормативный акт; корпоративные акты; децентрализация правового регулирования.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Лапшин В. Е., Шаханов В. В. Локальное нормотворчество как элемент локального правопорядка. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 23–28, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-23-28.

Local rule-making as an element of local legal order

V. Ye. LAPSHIN – Professor of the Department of Personality Psychology and Special Pedagogy of the Vladimir State University named after V.I. A.G. and N.G. Stoletovs, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Psychological Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Pedagogy, PhD. of Law, Associate Professor;

V. V. SHAKHANOV – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines of the Faculty of Law and Management of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor

The article analyzes the problematic issues of the content of local rule-making activity, which is considered as an element of the local legal order. It is noted that local rule-making should be necessary, not accidental. Local regulations acts are correlated with corporate acts. It is proposed to consider them as independent but partially overlapping phenomena. The segment of their intersection depends on the direction of legal regulation, methods of objectification outside and the type of the subject that generates them. The tendency of decentralization of legal regulation and its influence on the local legal order is noted. Local legal regulation has a limited scope of regulation (within a collective formation), is subordinate in nature, implements a generally permissible approach in a strictly defined legal framework and forms a local legal order.

Key words: local rule-making; local law and order; local regulation; local normative act; corporate acts; decentralization of legal regulation.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Lapshin V. Ye., Shakhanov V. V. Local rule-making as an element of local legal order. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 23–28, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-23-28.

Локальные нормативные акты объективируют во вне на низовом уровне нормативность как неотъемлемое свойство права. Соглашаясь с С. С. Алексеевым, отметим, что «в нормативности выражается потребность утверждения в общественных отношениях нормативных начал, связанных с обеспечением упорядоченности общественной жизни, движение общества к свободе, согласия и компромисса в общественной жизни, защищенного статуса автономной личности, ее прав и свободы передвижения»¹. Нормативность позволяет формулировать правовые предписания наиболее общим образом, распространяя их действие на неограниченный круг лиц.

Занимая низшую ступень в иерархии подзаконных нормативных правовых актов, локальные нормативные правовые акты играют ключевую роль в повседневной жизни многих людей, работающих в организациях, учреждениях или на предприятиях. В каждой организации есть локальный акт, посвященный распорядку дня (правила внутреннего распорядка), а также положения о различных видах деятельности, осуществляемых в данной организации, и т. п. Конечно, организация может существовать без подобных документов, но такое положение вещей детерминирует произвол со стороны работодателя (который также может быть облечен в форму локального нормативного правового акта). Следует понимать, что проблемы произвола не ограничиваются только вопросами локального нормативного регулирования. Тем не менее наличие такого регулирования в организациях, учреждениях и

на предприятиях является важной предпосылкой соблюдения трудовых прав работников. Правовые предписания, объективированные в локальных нормативных правовых актах, составляют предмет исследования со стороны надзорных органов, что снижает вероятность произвола работодателя.

В первую очередь необходимо определиться с терминами. На наш взгляд, понятия «локальное нормотворчество» и «локальное правотворчество» можно рассматривать как синонимы, поскольку в правотворческой практике разграничение данных терминов не будет иметь существенного значения, ведь локальное нормотворчество, как правило, исчерпывается локальным правотворчеством. Хотя понятие «нормотворчество» безусловно шире, чем понятие «правотворчество».

Т. П. Пестова и Ю. В. Никитенко предлагают понимать под локальным правотворчеством «деятельность работодателя, работников и их представителей, а также учредителей (участников) и органа управления юридического лица по установлению, изменению или отмене локальных правовых норм, регулирующих трудовые, гражданско-правовые и организационно-управленческие решения»².

Данное определение охватывает не весь спектр отношений, подверженных локальному регулированию. Так, в нем не упомянуты служебные отношения, которые не совпадают с трудовыми и имеют свою специфику. Соответственно, и субъектный состав, осуществляющий деятельность по установлению, изменению или отмене локальных

правовых норм, должен быть расширен с учетом участия в них такой категории, как сотрудники (правоохранительных органов и пр.) или служащие (государственные, муниципальные и пр.).

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем следующую формулировку: локальное нормотворчество (правотворчество) – это деятельность субъектов трудовых, служебных и иных правоотношений по созданию, изменению или отмене правовых норм, регулирующих их деятельность в связи с правоотношениями внутри учреждений, организаций и прочих коллективных образований (локальных правовых норм).

Локальные нормативные правовые акты занимают определенное место в правовой системе – в системе подзаконных актов. Законы не должны опускаться до чрезмерной детализации. Но и локальные нормативные акты не должны превращаться в ликбез для работников и служащих. Локальное нормотворчество должно носить необходимый, а не случайный характер.

«Становление новой общеправовой российской парадигмы и строящейся на ее основе правовой системы, как представляется, без ведомственного нормотворчества невозможно, поскольку из законов, которые должны регулировать наиболее важные общественные отношения, нельзя делать подробные инструкции, регламентирующие отдельные детали поведения субъектов», – справедливо отмечает Ю. А. Арзамасов³. Несмотря на то что приведенная цитата относится к ведомственному нормотворчеству, она справедлива для всех видов подзаконной нормотворческой деятельности, в том числе и для локального нормотворчества.

В целом классификация видов нормотворчества может выглядеть следующим образом:

- нормотворчество народных масс в виде референдума, когда принимается какой-либо нормативный акт, имеющий глобальное значение в государстве;
- законодательная деятельность Федерального Собрания;
- нормотворчество Президента и Правительства;
- ведомственное нормотворчество;
- нормотворчество законодательных и исполнительных органов субъектов Федерации;
- локальное нормотворчество⁴.

Каково же место локальных нормативных актов в системе правовых актов?

Термин «правовой акт» имеет несколько аспектов. «Во-первых, он означает действие (поведение). Причем как правомерное, так и противоправное... Во-вторых, к правовым актам следует отнести результаты как правомерных, так и противоправных действий... В-третьих, под правовым актом понимается юридический документ, т. е. внешнее словесно-документально оформленное выражение воли, закрепляющее правомерное либо противоправное поведение и соответствующий результат», – отмечает А. В. Малько⁵.

В зависимости от их природы (содержания) правовые акты-документы подразделяются на нормативные, правоприменительные акты, интерпретационные акты и акты договорного права⁶. Очевидно, что локальные нормативные акты выступают разнообразно нормативных актов-документов, в частности подзаконных актов. В этой связи следует отметить, что «система подзаконных актов достаточно разнообразна и многочисленна. Подзаконные акты различаются по юридической силе, которая не всегда очевидна в силу сложнейшего построения системы органов государственной власти»⁷.

С юридической силой локальных нормативных актов все гораздо проще, поскольку они занимают низшую ступень в системе подзаконных правовых актов.

Полагаем, что локальное нормотворчество возможно и в рамках общественных объединений, которые могут и не быть зарегистрированными в качестве юридических лиц. Оппоненты могут, конечно, возразить, полагая, что в последнем случае речь идет о корпоративных актах как отдельном, неправовом социальном регуляторе. Но это спорная позиция, не имеющая однозначной поддержки в научном сообществе. К тому же, приводя примеры корпоративных норм, доказывающих отличие их от иных нормативных регуляторов, авторы фактически используют примеры из сферы локального нормотворчества (нормы, содержащиеся в уставах и положениях негосударственных организаций⁸).

Для устранения указанного противоречия М. Л. Давыдова предлагает применить «более широкий – социологический, а не юридический подход к социальным нормам»⁹. Использование широкого подхода к понятию терминов встречается довольно часто в научной литературе и является следствием полисемии многих гуманитарных терминов. Тем не менее такой подход позволяет выходить из весьма проблемных ситуаций.

Е. Ю. Калюжнов отмечает, что «понятие “корпоративный” характеризует происхождение акта, а “локальный” – его положение в системе источников права, масштаб действия. Что касается круга субъектов – источников локальных (корпоративных) нормативных правовых актов, к ним следует относить как государственные, так и негосударственные предприятия, учреждения, организации; как коммерческие, так и некоммерческие юридические лица, общественные, религиозные объединения, профсоюзы и другие организации, имеющие статус юридического лица. Иногда в этот список включаются также частнопрактикующие субъекты, использующие наемный труд»¹⁰.

Научные воззрения в отношении корпоративных норм имеют и более крайние течения. Как правило, они свойственны представителям науки, выделяющим корпоративное право в качестве самостоятельной отрасли. Хотя даже в этом случае одной из теорий корпоративного акта выступает нормативная теория. «Ее основа, которую также составляют воззрения дореволюционных цивилистов (С. И. Гальперина, Д. К. Лаврентьева, Е. А. Нефедьева, Л. И. Петражицкого и др.), нашла себе мощное подкрепление в трудах советских ученых – главным образом, апологетов концепций советского хозяйственного и советского трудового права», – отмечает В. А. Белов¹¹.

Таким образом, корпоративные правовые акты и локальные нормативные акты, на наш взгляд, явления самостоятельные, но частично пересекающиеся. Сегмент их пересечения зависит от направленности правового регулирования, способов объективации во вне и вида генерирующего их субъекта.

Современное состояние правопорядка ориентировано на относительную децентрализацию регулирования. Речь идет о том, что отдельные общественные объединения, в частности коммерческие юридические лица, приобретают делегированное право на издание правовых норм. Ярким примером может служить Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», который в ч. 4 ст. 2 закрепляет право Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» и Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» издавать обязательные требования. Учитывая роль и значение обязательных требований, регламентирующих отношения в

сферах государственного контроля, лицензирования, аккредитации, экспертизы соответствия продукции, локальные акты становятся важнейшими элементами локального правопорядка. В качестве примера можно привести приказ Госкорпорации «Росатом» от 22.01.2021 № 1/2-НПА¹².

Следует отметить, что децентрализация правопорядка проявляется в существующих возможностях привлечения коммерческих организаций для надлежащего и качественного оказания государственных услуг. Так, в соответствии с ч. 1.1 ст. 16 Федерального закона № 210-ФЗ «О порядке предоставления государственных услуг и муниципальных услуг»¹³ в целях повышения территориальной доступности государственных и муниципальных услуг, предоставляемых по принципу «одного окна», для реализации функций, установленных настоящей статьей, уполномоченный многофункциональный центр вправе привлекать иные организации. К примеру, ответственным субъектом за выдачу градостроительного плана земельного участка на территории Санкт-Петербурга является ООО «Фирма “РОСС”»¹⁴, а на территории Вологды – администрация муниципального образования город Вологда¹⁵.

Таким образом, следует констатировать, что государство стремится передать часть своих властных полномочий (причем как нормотворческих, так и правоприменительных) на локальный уровень отдельных организаций. Тем самым порядок, содержащийся в локальных актах, приобретает правовые черты, становится локальным правопорядком, охраняемым и обеспеченным государством.

Необходимо отметить и ряд проблемных моментов в сфере обеспечения локального правопорядка. Масштабы локального регулирования так велики, что контроль всей этой сферы со стороны государства весьма затруднителен. Предлагаем на законодательном уровне определить направления деятельности, которые могут быть урегулированы исключительно по усмотрению работодателя, а также те, регламентация которых возможна лишь при наличии контроля со стороны институтов гражданского общества (профсоюзных или иных организаций, специализирующихся на защите нарушенных прав). Например, это может касаться вопросов приема пищи (запрет на использование чайников, микроволновых печей, употребление пищи на рабочем месте и т. п.), порядка использования гаджетов. Работодатели, пользуясь правом в сфере ло-

кального нормотворчества, порой грубо нарушают права работников, которые являются заведомо слабой стороной по отношению к работодателю в трудовых отношениях¹⁶. И хотя учет мнения представительного органа при принятии локальных нормативных актов возможен, исходя из содержания ч. 2 ст. 8 ТК РФ, императивного требования о согласовании инициатив работодателя в сфере локального нормотворчества с представительным органом работников трудовое законодательство не содержит. Правовое предписание ч. 3 ст. 8 ТК РФ о возможности включения в коллективный договор условия о принятии локальных нормативных актов по согласованию с представительным органом работников для работодателя носит лишь вероятностный характер.

С учетом вышесказанного можно утверждать, что локальное правовое регулирование имеет ограниченную сферу регулирования (внутри коллективного образования), носит подзаконный характер, реализует общедозволительный подход в условиях строго очерченных правовых рамок, формирует локальный правопорядок.

На основании изучения локального нормативного регулирования как элемента локального правопорядка можно сделать следующие выводы:

1. Существующие дефиниции локального нормотворчества не свободны от недостатков (неточное выделение субъектного состава, связанного с их преимущественным ориентированием на сферу трудовых отношений). В этой связи нами предложено определение локального нормотворчества (правотворчества): это деятельность субъектов трудовых, служебных и иных правоотношений по созданию, изменению или

отмене правовых норм, регулирующих их деятельность в связи с правоотношениями внутри учреждений, организаций и прочих коллективных образований (локальных правовых норм).

2. Корпоративные правовые акты и локальные нормативные акты – явления самостоятельные, но частично пересекающиеся. Сегмент их пересечения зависит от направленности правового регулирования, способов объективации во вне и вида генерирующего их субъекта.

3. Локальные нормативные правовые акты имеют свое место в правовой системе – в системе подзаконных актов. Законы не должны опускаться до чрезмерной детализации. Локальное нормотворчество должно носить необходимый, а не случайный характер.

4. Локальные правовые акты занимают низшую ступень в системе подзаконных правовых актов, являются разновидностью нормативных актов-документов.

5. Локальное правовое регулирование имеет следующие существенные признаки: имеет ограниченную сферу регулирования (внутри коллективного образования), носит подзаконный характер, реализует общедозволительный подход в условиях строго очерченных правовых рамок, формирует локальный правопорядок.

6. Локальный правопорядок – это правопорядок, установленный локальными правовыми актами, содержащими юридические нормы поведения отдельных субъектов на ограниченной (локальной) территории.

7. Локальный правопорядок становится неотъемлемой и важнейшей частью регионального и федерального правового порядков в силу формирующейся тенденции децентрализации правового регулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 87.

² Пестова Т. П., Никитенко Ю. В. Локальная правотворческая политика // Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А. В. Малько. Саратов, 2013. С. 256.

³ Арзамасов Ю. Г. Ведомственное нормотворчество как тип юридической деятельности // Гос-во и право. 2006. № 9. С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Малько А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Гос-во и право. 2001. № 5. С. 11.

⁶ Там же. С. 11, 12.

⁷ Бошно С. В. Нормативные правовые акты Российской Федерации : науч.-практ. изд. М., 2005. С. 64.

⁸ Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 2015. С. 290.

⁹ Давыдова М. Л. Локальный (корпоративный) нормативно-правовой акт как предмет теории права: модификация понятия и терминологические дискуссии // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5. Юриспруденция. 2016. № 1 (30). С. 96.

¹⁰ Калужнов Е. Ю. Теоретико-правовые основания правил техники локального нормотворчества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

¹¹ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть. Т. II. Лица, блага, факты : учеб. М., 2011. С. 772.

¹² Об утверждении критериев отнесения объектов всех форм собственности, правообладателями которых являются Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», организации, в отношении которых Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» осуществляет координацию и регулирование деятельности, к потенциально опасным объектам : приказ Госкорпорации «Росатом» от 22.01.2021 № 1/2-НПА. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102160041> (дата обращения: 10.09.2021).

¹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179; 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5027.

¹⁴ ООО «Фирма «РОСС». Выдача градостроительных планов земельных участков. URL: <https://gu.spb.ru/orgs/696463/services/?from=c> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁵ Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги по выдаче градостроительного плана земельного участка : постановление Администрации города Вологды от 25.12.2013 № 10417 // Вологод. новости. 2014. 15 янв.

¹⁶ Шаханов В. В. Юридическая наука как источник права и его основание (метафеноменальный анализ) // Роль юридических наук и институтов в укреплении доверия между властью и обществом: российский и зарубежный опыт : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2021. С. 264.

¹ Alekseev S. S. Teoriya prava. M., 1995. S. 87.

² Pestova T. P., Nikitenko Yu. V. Lokal'naya pravotvorcheskaya politika // Pravotvorcheskaya politika v sovremennoj Rossii : kurs lekcij / pod red. A. V. Mal'ko. Saratov, 2013. S. 256.

³ Arzamasov Yu. G. Vedomstvennoe normotvorchestvo kak tip yuridicheskoy deyatel'nosti // Gos-vo i pravo. 2006. № 9. S. 11.

⁴ Tam zhe. S. 12.

⁵ Mal'ko A. V. Kategoriya «pravovaya zhizn'»: problemy stanovleniya // Gos-vo i pravo. 2001. № 5. S. 11.

⁶ Tam zhe. S. 11, 12.

⁷ Boshno S. V. Normativny'e pravovy'e akty' Rossijskoj Federacii : nauch.-prakt. izd. M., 2005. S. 64.

⁸ Komarov S. A. Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. M., 2015. S. 290.

⁹ Davy'dova M. L. Lokal'ny'j (korporativny'j) normativno-pravovoj akt kak predmet teorii prava: modifikaciya ponyatiya i terminologicheskie diskussii // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 5. Yurisprudenciya. 2016. № 1 (30). S. 96.

¹⁰ Kalyuzhnov E. Yu. Teoretiko-pravovy'e osnovaniya pravil texniki lokal'nogo normotvorchestva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015. S. 8.

¹¹ Belov V. A. Grazhdanskoe pravo. Obshhaya chast'. T. II. Licza, blaga, fakty' : ucheb. M., 2011. S. 772.

¹² Об утверждении критериев отнесения объектов всех форм собственности, правообладателями которых являются государственная корпорация по атомной энергии «Rosatom», организации, в отношении которых государственная корпорация по атомной энергии «Rosatom» осуществляет координацию и регулирование деятельности, к потенциально опасным объектам : приказ Госкорпорации «Rosatom» от 22.01.2021 № 1/2-NPA. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202102160041> (дата обращения: 10.09.2021).

¹³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179; 2020. № 31 (Ч. I). Ст. 5027.

¹⁴ ООО «Фирма «РОСС». Выдача градостроительных планов земельных участков. URL: <https://gu.spb.ru/orgs/696463/services/?from=c> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁵ Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги по выдаче градостроительного плана земельного участка : постановление Администрации города Вологды от 25.12.2013 № 10417 // Вологод. новости. 2014. 15 янв.

¹⁶ Шаханов В. В. Юридическая наука как источник права и его основание (метафеноменальный анализ) // Роль юридических наук и институтов в укреплении доверия между властью и обществом: российский и зарубежный опыт : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2021. С. 264.

Особенности и проблемы противодействия преступности ленинградской милицией в период блокады

М. А. ЯКОВЛЕВА – преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук;

Е. М. МАРЧЕНКО – преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

В статье на основе анализа нормативных положений, статистических данных, научных публикаций рассматриваются исторические особенности и проблемы, существовавшие у органов милиции, в сфере противодействия преступности в период блокады. Отмечается, что вопрос историографии органов внутренних дел в целом и ленинградской милиции в частности в период блокады не теряет своей значимости на протяжении длительного периода времени, актуализируясь в связи с фактами фальсификации исторических событий Великой Отечественной войны. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на значительные сложности наиболее трагичного в историографии Ленинграда и Великой Отечественной войны этапа, деятельность милиции в сфере противодействия преступности была эффективной.

Ключевые слова: историография; Великая Отечественная война; блокада Ленинграда; органы внутренних дел; исторические особенности; противодействие преступности.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Яковлева М. А., Марченко Е. М. Особенности и проблемы противодействия преступности ленинградской милицией в период блокады. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 29–32, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-29-32.

Features and problems of combating crime by the Leningrad police during the blockade

M. A. YAKOVLEVA – Lecturer of the Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. of Law;

E. M. MARCHENKO – Lecturer of the Department of History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Based on the analysis of regulations, statistical data, scientific publications the article examines the historical features and problems that existed among the police in the field of combating crime during the blockade. It is noted that the issue of historiography of the internal affairs bodies in general and the Leningrad militia in particular during the blockade does not lose its significance for a long period of time, being actualized in connection with the facts of falsification of the historical events of the Great Patriotic War. The authors come to the conclusion that, despite the significant difficulties of the most tragic stage in the historiography of Leningrad and the Great Patriotic War, the activity of the police in the field of combating crime was effective.

Keywords: historiography; the Great Patriotic War; Leningrad blockade; internal affairs bodies; historical features; counteraction to crime.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Yakovleva M. A., Marchenko E. M. Features and problems of combating crime by the Leningrad police during the blockade. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 29–32, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-29-32.

Во время мировых войн и глобальных катастроф одной из основных угроз, препятствующих борьбе с противником, выступает преступность, противодействие которой должно предшествовать любым карательным мерам, что нашло отражение в концепции мыслителей глубокой древности, получив развитие в трудах классической школы юриспруденции¹.

Не является исключением и период блокады города Ленинграда (8 сентября 1941 г. – 18 января 1943 г.), который имел для государства особое культурное, экономическое и стратегическое значение².

В осажденном городе проживало 2 млн 544 тыс. населения, численность которого увеличилась на 300 тыс. за счет беженцев из регионов и прибалтийских республик (вместе с пригородами – 2 млн 887 тыс. чел.).

В данный период были приняты стратегически важные документы, повлиявшие на профессиональную деятельность ленинградской милиции (в частности, указы Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении»³, от 06.07.1941 «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», от 19.04.1943 № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных», приказ главнокомандующего Северо-Западным направлением от 20.08.1941 «Об организации обороны Ленинграда»⁴, ряд других нормативных источников).

В качестве проблем, влиявших на эффективность деятельности милиции г. Ленинграда в сфере противодействия преступности, следует признать многоаспектную подчиненность. Являясь подразделением в системе УНКВД СССР по Ленинградской области, милиция находилась в подчинении партийных органов, а с принятием указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» – военных ведомств. В связи с этим помимо функций по противодействию преступности на ленинградскую милицию были возложены полномочия по выявлению актов антисоветской агитации, контролю за эвакуацией населения, куль-

турных ценностей, по борьбе со слухами, дезорганизующими население, полномочия в сфере противовоздушной и противоведомственной обороны, по устранению опасности распространения инфекций, по захоронению. При этом личный состав испытывал все тяготы жителей блокадного города⁵.

В чрезвычайных условиях препятствием для противодействия преступности являлся дефицит кадров: если в начале блокады численность сотрудников милиции г. Ленинграда составляла 13 508 чел., то в декабре 1941 г. – 5600 чел., среди которых большинство были женщины⁶. Данный факт имел отношение к реализации положений указа Верховного Совета о мобилизации граждан 1905–1918 года рождения⁷. Многие милиционеры противодействовали проявлениям фашизма на фронте⁸ в сводном отряде милиции УНКВД по Ленинградской области в составе 12 батальонов, 15 специальных батальонов, комсомольско-молодежного полка охраны правопорядка, Особого батальона Управления НКВД по Ленинградской области, в дивизиях народного ополчения, партизанских отрядах⁹.

Деятельность ленинградской милиции осложнялась массовой гибелью людей. Количество умерших и погибших составило до 1,5 млн чел., при этом от бомбежек погибло около 3 % жителей Ленинграда, остальные умерли от голода (ежедневная смертность составляла около 4 тыс. чел.)¹⁰. При прорыве блокады реальные потери войск превысили 170 тыс. чел.¹¹ Общий индекс смертности вырос с 15,9 на 1 тыс. населения (в 1939 г.) до 389,8 в 1942 г.¹² При этом в первую блокадную зиму от голода умерли 970 сотрудников ленинградской милиции, 125 чел. погибли при артобстрелах, спасая население города.

Всего за годы блокады зарегистрировано 1236 умерших и погибших милиционеров¹³.

Особые функции в обороне города, как и в решении вопросов противодействия преступности, в соответствии с Приказом Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления от 25.07.1941 «О создании Комиссии по строительству укрепленной полосы вокруг г. Ленинграда» возлагались на Комиссию по строительству

укрепленной полосы вокруг г. Ленинграда¹⁴. Реализуя положения данного нормативного акта, а также Постановления Военного Совета Ленинградского фронта от 18.09.1941 № 00274 «Об усилении борьбы с дезертирством и проникновением вражеских элементов в город»¹⁵, по южной стороне города были возведены три линии укрепительных ограждений, одну из которых контролировали сотрудники милиции в составе пяти комендатур, значительного числа контрольно-пропускных пунктов и комендантских участков¹⁶. Постепенно количество постов увеличилось до 30, а численность сотрудников выросла до 356 чел., реализующих полномочия при взаимодействии с 20 пикетами ГАИ, личным составом городских отделений милиции и Октябрьской дорожной милиции¹⁷. В результате с октября по ноябрь 1941 г. были задержано 15 149 чел., в том числе лиц, совершивших преступления, диверсии и акты дезертирства¹⁸.

Несмотря на экстремальные условия блокады, эффективность в сфере противодействия преступности отмечена в других подразделениях органов ленинградской милиции. Из справки начальника УНКВД Ленинградской области в ГК ВКП(б) о числе арестованных, осужденных и высланных за время войны от 01.10.1942 следует, что за совершение преступлений арестовано 9574 чел., в том числе 1246 шпионов и диверсантов, ликвидировано 625 контрреволюционных формирований, предано суду 22 166 чел., среди них за бандитизм и разбой около тысячи человек. За хищение грузов на Дороге жизни задержано 818 чел., изъято 33,5 т продуктов питания, 16,5 млн руб. советских денег, 5 тыс. долларов США, 146 кг изделий из золота и иных драгоценных металлов, золотых монет в количестве 1680 шт.¹⁹

Криминологическая характеристика преступности рассматриваемого периода следующая: наиболее распространенными ви-

дами деяний в блокадном городе являлись кражи, грабежи, подделка документов, а также спекуляция, убийства. Так, в 1942 г. было зарегистрировано 587 убийств²⁰, что превысило довоенный уровень в 5–10 раз (с 1938 по 1940 г. на 10 тыс. чел. совершалось 0,6, 0,7 и 0,5 убийств, то есть 150–220 в год)²¹.

Новым видом преступлений стал каннибализм, фигурирующий в отчетах (ввиду отсутствия соответствующего состава в Уголовном кодексе РСФСР) как «преступление особой категории» и квалифицируемый по аналогии с бандитизмом (ст. 16-59-3 УК РСФСР). Согласно Справке начальника Управления УНКВД Ленинградской области с начала блокады зарегистрированы 2015 актов каннибализма²², с декабря 1941 г. до февраля 1942 г. привлечены к ответственности 896 чел., 311 чел. осуждены (2 % лиц имели судимость)²³.

В 1943 г. благодаря активизации оперативно-служебной деятельности личному составу удалось добиться снижения всех видов преступлений, повысить раскрываемость до уровня 80,2 %. К концу блокады снизилось количество убийств, грабежей, хулиганств, краж, а акты бандитизма сократились с 645 (1942 г.) до 11 (1944 г.) при стопроцентной раскрываемости. В целях профилактики преступности было изъято 13 913 винтовок и автоматов, 831 пулемет, 340 ящиков гранат, 2 млн патронов, 1937 кг взрывчатки²⁴.

Таким образом, несмотря на проблемы с кадрами, разноплановость деятельности, голод и др., осложнявшие реализацию функций в сфере противодействия преступности, сотрудникам ленинградской милиции удалось адаптироваться к условиям блокады и реализовывать наряду с иными государственными полномочиями важнейшие функции в сфере обеспечения общественного порядка и личной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клейменов М. П. Криминология. М., 2018. С. 223.

² Савинченко Т. И. Современные публикации и новые документы по блокаде Ленинграда // Соц.-гуманит. знания. 2020. С. 32.

³ Ведомости Верхов. Совета СССР. 1941. № 29.

⁴ 900 героических дней: сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. М.; Л., 1966. С. 54.

⁵ Дадаян А. Ю. Роль советской милиции в борьбе с преступностью в блокадном Ленинграде // Сев.-Кавказ. юрид. вестн. 2020. № 2. С. 170.

⁶ Панфилец А. В., Удальцов А. А. Деятельность органов милиции по борьбе с дезертирством в годы блокады Ленинграда // Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД России. 2015. № 4 (68). С. 10

⁷ О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому особому, Западному особому, Киевскому особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам : указ Президиума Верхов. Совета СССР от 22.06.1941 // Цифры, документы. М., 2002. С. 492–493.

- ⁸ Панфилец А. В., Федоров А. Б. Навстречу 300-летию российской полиции // Вестн. С.-Петербург. ун-та МВД Рос-сии. 2018. № 1 (77). С. 30.
- ⁹ Филатов В. П. Ленинградская милиция в период обороны города. 1941–1944. М., 1965. С. 10.
- ¹⁰ Соболев Г. Л. Блокада Ленинграда: постижение правды // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 72–87.
- ¹¹ Масунов В. Прорыв блокады Ленинграда. Операция «Искра». М., 2018. С. 238.
- ¹² Строев Ю. И., Чурилов Л. П., Васильев И. Г. Блокада Ленинграда и здоровье пожилых и старых «блокадников» // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути решения. 2010. Вып. 1. Т. 5. С. 469.
- ¹³ Филатов В. П. Ленинградская милиция в период обороны города. 1941–1944. М., 1965. С. 29–30.
- ¹⁴ 900 героических дней: сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 47.
- ¹⁵ Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной во-йны. СПб., 1995. С. 57–58.
- ¹⁶ 900 героических дней: сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. С. 16.
- ¹⁷ Панфилец А. В. Ленинградская милиция в годы блокады (сентябрь 1941 г. – январь 1944 г.) : дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2000. С. 94.
- ¹⁸ Янгол Н. Г. Деятельность ленинградской милиции в составе внутренней обороны города в период блокады // Ле-нинградская милиция, органы УНКВД Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Л., 1985. С. 60.
- ¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2-б. Д. 1323. Л. 83–85; Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995.
- ²⁰ Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной во-йны. 1941–1944. С. 76.
- ²¹ Черепенина Н. Ю. Демографическая обстановка и здравоохранение в Ленинграде накануне Великой Отечествен-ной войны // Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект / под ред. Дж. Д. Барбе-ра, А. Р. Дзенискевича. СПб., 2001, С. 22; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 3. Д. 13. Л. 87.
- ²² Справка начальника Управления УНКВД Ленинградской области комиссара Кубаткина от 25.12.1941. URL: <https://5rim.ru/text-news/o-kannibalizme-v-blokadnom-leningrade/> (дата обращения: 15.09.2021).
- ²³ Волковский Н. Д. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М. ; СПб., 2005. С. 679–680.
- ²⁴ Гриднев В. П. Подвиг ленинградской милиции в обороне города на Неве (1941–1944) // Управленческое консуль-тирование. 2018. № 2. С. 102.

¹ Klejmenov M. P. Kriminologiya. M., 2018. S. 223.

² Savinchenko T. I. Sovremennyye publikacii i novyye dokumenty` po blokade Leningrada // Socz.-gumanist. znaniya. 2020. S. 32.

³ Vedomosti Verhov. Soveta SSSR. 1941. № 29.

⁴ 900 geroicheskikh dnei: sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoy bor`be trudyashhihsya Leningrada v 1941–1944 gg. M. ; L., 1966. S. 54.

⁵ Dadayan A. Yu. Rol` sovetskoy milicii v bor`be s prestupnost`yu v blokadnom Leningrade // Sev.-Kavkaz. yurid. vestn. 2020. № 2. S. 170.

⁶ Panfilecz A. V., Udal`czov A. A. Deyatel`nost` organov milicii po bor`be s dezertirstvom v gody` blokady` Leningrada // Vestn. S.-Peterbur. un-ta MVD Rossii. 2015. № 4 (68). S. 10

⁷ O mobilizacii voennoobyazanny`h po Leningradskomu, Pribaltijskomu osobomu, Zapadnomu osobomu, Kievskomu osobomu, Odesskomu, Har`kovskomu, Orlovskomu, Moskovskomu, Arhangel`skomu, Ural`skomu, Sibirskomu, Privolzhskomu, Severo-Kavkazskomu i Zakavkazskomu voenny`m okrugam : ukaz Prezidiuma Verhov. Soveta SSSR ot 22.06.1941 // Cifry` , dokumenty` . M., 2002. S. 492–493.

⁸ Panfilecz A. V., Fedorov A. B. Navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii // Vestn. S.-Peterburg. un-ta MVD Rossii. 2018. № 1 (77). S. 30.

⁹ Filatov V. P. Leningradskaya miliciya v period oborony` goroda. 1941–1944. M., 1965. S. 10.

¹⁰ Soboлев G. L. Blokada Leningrada: postizhenie pravdy` // Novejshaya istoriya Rossii. 2012. № 2. S. 72–87.

¹¹ Masunov V. Proryv blokady` Leningrada. Operaciya «Iskra». M., 2018. S. 238.

¹² Stroeв Yu. I., Churilov L. P., Vasil`ev I. G. Blokada Leningrada i zdorov`e pozhily`h i stary`h «blokadnikov» // Zdorov`e – osnova chelovecheskogo potenciala: problemy i puti resheniya. 2010. Vy`p. 1. T. 5. S. 469.

¹³ Filatov V. P. Leningradskaya miliciya v period oborony` goroda. 1941–1944. M., 1965. S. 29–30.

¹⁴ 900 geroicheskikh dnei: sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoy bor`be trudyashhihsya Leningrada v 1941–1944 gg. S. 47.

¹⁵ Ленинград в осаде: сборник документов о гeroicheskoy oborone Leningrada v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. SPb., 1995. S. 57–58.

¹⁶ 900 geroicheskikh dnei: sbornik dokumentov i materialov o geroicheskoy bor`be trudyashhihsya Leningrada v 1941–1944 gg. S. 16.

¹⁷ Panfilecz A. V. Leningradskaya miliciya v gody` blokady` (sentyabr` 1941 g. – yanvar` 1944 g.) : dis. ... kand. istor. nauk. SPb., 2000. S. 94.

¹⁸ Yangol N. G. Deyatel`nost` leningradskoj milicii v sostave vnutrennej oborony` goroda v period blokady` // Leningradskaya miliciya, organy` UNKVD Leningrada v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` (1941–1945 gg.). L., 1985. S. 60.

¹⁹ CzGAIPD SPb. F. 24. Op. 2-б. Д. 1323. Л. 83–85; Ленинград в осаде: сборник документов о гeroicheskoy oborone Leningrada v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. 1941–1944. SPb., 1995.

²⁰ Ленинград в осаде: сборник документов о гeroicheskoy oborone Leningrada v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`. 1941–1944. S. 76.

²¹ Cherepenina N. Yu. Demograficheskaya obstanovka i zdavooxranenie v Leningrade nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny` // Zhizn` i smert` v blokirovannom Leningrade. Istoriko-medicinskij aspekt / pod red. Dzh. D. Barbera, A. R. Dzeniskevicha. SPb., 2001, S. 22; CzGA SPb. F. 7384. Op. 3. Д. 13. Л. 87.

²² Справка nachhal`nika Upravleniya UNKVD Leningradskoj oblasti komissara Kubatkina ot 25.12.1941. URL: <https://5rim.ru/text-news/o-kannibalizme-v-blokadnom-leningrade/> (data obrashheniya: 15.09.2021).

²³ Volkovskij N. D. Blokada Leningrada v dokumentah rassekrechenny`x arhivov. M. ; SPb., 2005. S. 679–680.

²⁴ Gridnev V. P. Podvig leningradskoj milicii v oborone goroda na Neve (1941–1944) // Upravlencheskoe konsul`tirovanie. 2018. № 2. S. 102. DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-

Принцип национального режима в регулировании наследования с участием иностранных лиц

Е. В. ВАЛЬКОВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье на основе российского законодательства, международных соглашений и судебной практики анализируется национальный режим в сфере регулирования вопросов наследования с участием иностранных лиц. Раскрывается специфика регламентации правоотношений в сфере применения национального режима в наследовании с последствиями формирования различной правоприменительной практики.

Ключевые слова: национальный режим; принцип равенства; принцип уравнивания в правах; принцип исключения из национального режима; внутреннее законодательство; международные договоры; наследование; иностранные лица.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право, семейное право, международное частное право.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Валькова Е. В. Принцип национального режима в регулировании наследования с участием иностранных лиц. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 33–37, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-33-37.

The principle of national treatment in the regulation of inheritance with the participation of foreigners

E. V. VAL'KOVA – Lecturer of the Department of Civil Law Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article analyzes the national regime in the field of regulation of inheritance issues with the participation of foreign persons on the basis of Russian legislation, international agreements and judicial practice. The author discloses the specifics of the regulation of legal relations in the field of application of the national regime in inheritance with the consequences of the formation of various law enforcement practices.

Key words: national regime; the principle of equality; equalization of rights; exclusions from national regime; domestic legislation; international treaties; inheritance; foreign persons.

12.00.03 – Civil law; business law, family law, international private law.

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state.

For citation: Val'kova E. V. The principle of national treatment in the regulation of inheritance with the participation of foreigners. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 33–37, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-33-37.

Конституция Российской Федерации с учетом норм международного права уравнивает иностранных граждан и лиц без гражданства с гражданами России относительно их прав и обязанностей, предоставляя им национальный режим. Иными словами,

государство в соответствии с международными соглашениями применяет российский закон, исключая действие иностранного закона, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Консти-

туционный Суд России уточняет указанное выше положение: имеются в виду ситуации, когда российский гражданин обладает некоторыми правомочиями, а также обязанностями, исходя из особой связи между государством и его гражданами¹.

При осуществлении прав наследования граждане другой страны либо лица без гражданства могут являться участниками наследственных отношений: быть субъектом наследования, завещателем и др. Соответствующие права иностранных лиц регламентированы не только в Конституции Российской Федерации, но и в ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»², а также в ГК РФ. Наследование имущества и иностранными лицами, и российскими гражданами осуществляется по любому основанию: завещанию, наследственному договору и закону. Так, например, правило о свободе завещания, которое отражено в ч. 3 ГК РФ, распространяется и на граждан иностранного государства: завещатель свободно может определить наследников, их доли в наследстве, иным образом распорядиться своим имуществом и т. д.

Следует иметь в виду, что действие национального режима в сфере наследования никогда не обуславливалось фактом проживания иностранных лиц в России. Данная позиция прочно укоренилась в отечественной доктрине. Так, в частности, М. М. Богуславский и А. А. Рубанов в своих исследованиях указывали, что иностранным гражданам национальный режим устанавливается независимо от их гражданства или места жительства³. Также в отечественной юридической литературе предусматривается, что национальный режим в целом, в том числе в области наследования, носит безусловный характер, то есть не ограничен требованием о взаимности⁴.

Нормы о взаимности отражены в отечественном гражданском законодательстве: иностранное право подлежит применению в Российской Федерации независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к отношениям такого рода российское право, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законом.

Аналогичная позиция отражена и в судебной практике. Так, Вологодский областной суд при рассмотрении спора о наследстве в порядке апелляции не поддержал истца

В. и его требования об отказе в выдаче обязательной доли, подтвердив тем самым решение нижестоящего суда⁵. В деле наследник по завещанию (истец) обратился в суд с иском к сыну наследодателя (ответчику) об отказе в присуждении обязательной доли в наследстве, поскольку тот был нетрудоспособным и мог стать обязательным наследником. Указывалось также, что ответчик не являлся гражданином Российской Федерации и личного волеизъявление на принятие обязательной доли в наследстве не выражал. Представитель ответчика возражал, указывая на возможность принятия наследства через представителя, что и было сделано. Судебная коллегия Вологодского областного суда по гражданским делам поддержала ответчика, указав на конституционные нормы, гарантирующие право наследования не только гражданам России, но и иностранцам, за изъятиями, которые предусмотрены законом либо международным соглашением. Поэтому наследство может перейти в собственность и не гражданам Российской Федерации, если не имеется прямого законодательного запрета, например в отношении отдельных видов имущества.

В целом российское законодательство распространяет принцип национального режима на достаточно обширную сферу правоотношений, в которых участвуют иностранные лица, в том числе и на наследование. Отдельные положения международных соглашений также конкретизируют принцип национального режима применительно к сфере наследования.

Так, региональное международное законодательство государств – участников СНГ, в частности ст. 44 «Принцип равенства» Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, предусматривает возможность гражданам государств – участников этой конвенции наследовать права и имущество по завещанию и закону равным образом и в том же объеме⁶. Положения о национальном режиме, касающиеся наследования, закреплены в двусторонних соглашениях об оказании правовой помощи с участием СССР, а позже Российской Федерации.

Двусторонние соглашения об оказании правовой помощи содержат положения о национальном режиме в сфере наследования, при этом нормы могут быть даже более содержательными, чем в указанной конвенции. Так, например, двустороннее соглашение между Россией и Польшей конкретизирует принцип равенства при наследовании, до-

пускающая возможность делать распоряжения на случай смерти (читай завещания) равным образом гражданам России в Польше и, наоборот, польским гражданам в России⁷.

Несколько по-иному сформулирован данный принцип в двусторонних соглашениях об оказании правовой помощи между Россией и бывшими советскими республиками, ставшими независимыми государствами (Арменией, Беларусью, Киргизией, Латвией, Литвой и др.): граждане одной договаривающейся стороны приравниваются в правах к гражданам другой договаривающейся стороны, проживающим на ее территории, в отношении способности составления или отмены завещания на имущество, находящееся на территории другой договаривающейся стороны, или на права, которые должны быть там осуществлены, а также в отношении способности приобретения по наследству имущества или прав. Имущество или права переходят к ним на тех же условиях, какие установлены для собственных граждан договаривающейся стороны, проживающих на ее территории⁸. Как видим, данная группа международных соглашений на двустороннем уровне содержит более подробный механизм действия принципа равенства.

Таким образом, в одной группе соглашений о правовой помощи принцип национального режима относится ко всей сфере наследования, во второй – имеет более узкую сферу действия, касаясь только передачи имущества по наследству. В договорах также остается нерешенным вопрос о квалификации юридических понятий и терминов, имеющей определенное значение для установления сферы действия принципа приравнивания. Так, например, соглашения не содержат указания о том, какое правопреемство следует считать наследственным. В этих случаях каждая из сторон будет квалифицировать это понятие в соответствии с собственным правом (чаще всего, по закону места нахождения имущества), что в отдельных случаях может привести к расхождению норм о приравнивании.

Во всех договорах эталоном приравнивания являются граждане другой стороны. Вместе с тем договоры первой группы граждан одной стороны просто приравнивают к гражданам другой, договоры второй группы – к гражданам другой, проживающим на территории своего государства. Разница в формулировках связана с тем, что внутреннее национальное законодательство может по-разному регулировать способность

местных граждан приобретать имущество путем наследования в случаях, когда они проживают в стране и за ее пределами.

Следует иметь в виду, что национальный режим, как правило, имеет изъятия, которые в соответствии с Конституцией Российской Федерации могут быть установлены внутренним законом страны либо международным соглашением. Подзаконное регулирование, то есть различного рода приказы, инструкции или постановления, касающиеся иностранных лиц, неправомерно.

Об этом же свидетельствует и судебная практика. Так, в Верховном Суде Российской Федерации в свое время оспаривались положения Инструктивных указаний Министерства юстиции СССР от 15.11.1983 «О применении законодательства о государственном нотариате к иностранным гражданам, лицам без гражданства, к иностранным предприятиям и организациям, а также о применении законодательства иностранных государств, международных договоров о правовой помощи в нотариальной практике», где иностранный гражданин мог принять наследство путем обращения за адвокатской помощью в Инюрколлегия в установленный шестимесячный срок со дня открытия наследства. Данная норма была признана недействительной, так как создавала для иностранцев особые условия принятия наследства, отличные от тех, которые содержатся в ГК РФ. Суд признал норму недействительной, поскольку нарушаются права физических лиц в результате действия указанного оспариваемого нормативного акта⁹.

Изъятия из национального режима достаточно обширны и предусмотрены во внутреннем законодательстве каждого государства. Причины изъятий объективны: отсутствие особой правовой связи (гражданства) с государством, а также обеспечение национальной безопасности государства¹⁰. Так, в частности, практически повсеместно иностранные граждане и апатриды ограничены в избирательных правах, в возможности занимать определенные государственные должности, например руководителя страны, и т. п. В отношении вопросов частного права, прежде всего наследования отдельных видов имущества, такие ограничения предусмотрены российским земельным законодательством. Так, например, в соответствии со ст. 15 Земельного кодекса Российской Федерации иностранцам запрещено иметь в собственности земельные участки, которые расположены

на приграничных территориях либо иных особых зонах, таких как закрытые административно-территориальные образования.

Данные положения земельного законодательства рассматривались и на уровне Конституционного Суда Российской Федерации. Было отмечено, что иностранные лица могут в известной мере приобретать на праве собственности землю, а также осуществлять триаду правомочий собственника земельного участка в определенных пределах. Тем не менее российские физические и юридические лица должны, по мнению судебного органа, иметь приоритет в сфере права собственности на земельные участки в целях обеспечения рационального и эффективного использования земли и ее охраны, защиты экономического суверенитета Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории (ч. 1, 3 ст. 4 Конституции Российской Федерации).

Здесь видим проявление суверенных прав России на ее природные ресурсы, возможность в полной мере использовать ее экономический потенциал, в том числе равные условия конкуренции с иностранным капиталом, возможность свободного использования иностранными и российскими лицами имущества в сфере предпринимательства.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации достаточно определена: положения земельного законодательства о невозможности иностранным лицам иметь в собственности землю в особых территориях, например на границе, не противоречит Конституции Российской Федерации, конкретизирует ее положения о назначении земли в Российской Федерации и ее конституционно-правовом статусе¹¹.

Законодательством об обороте земель сельскохозяйственного назначения предусматривается возможность обладания такими земельными участками только на праве аренды, если мы говорим о иностранных гражданах, лицах без гражданства либо иностранных юридических лицах. В том случае если на законных основаниях у та-

ких субъектов оказались земельные участки сельхозназначения, то они должны быть отчуждены владельцами таких участков¹². Так, например, несмотря на возражения ответчика гражданина Республики Украины Н., суд поддержал требования истца о необходимости продажи своей доли на земельный участок сельхозназначения в Брянской области¹³. Областным судом было не поддержано решение нижестоящего суда, который принял решение в пользу ответчика, поскольку не были определены земельная доля и границы земельного участка.

Отсутствие международно-правовых обязательств между государствами как на многостороннем, так и двустороннем уровне, например договора о правовой помощи, не отменяет принципа уравнивания в правах при наследовании, поскольку будут действовать внутренние нормы государства. Так, рассматривая одно из дел, суд посчитал отказ нижестоящего суда необоснованным, поскольку в принятии иска истцу было отказано на том основании, что он является гражданином страны (ФРГ), с которой отсутствует двустороннее международное соглашение об оказании правовой помощи. Однако гражданское процессуальное законодательство содержит норму о предоставлении национального режима, то есть имеются все основания обратиться в российские суды за защитой своих нарушенных прав. Из этого следует, что само по себе отсутствие между Россией и ФРГ договора об оказании правовой помощи роли не играет¹⁴.

Таким образом, соблюдение принципа национального режима в области наследования является непреложным независимо от того, выражено ли оно в международном соглашении между странами или нет. Конституция Российской Федерации, международные соглашения и внутреннее право уравнивают иностранных лиц с гражданами России. При этом следует подчеркнуть, что любые изъятия из принципа национального режима в отношении иностранцев могут устанавливаться только законами либо международными соглашениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17.02.1998 № 6-П. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-sudarf-ot-17021998-n/> (дата обращения: 01.06.2021).

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 3. Ст. 3032.

³ Богуславский М. М., Рубанов А. А. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1962. С. 77.

⁴ Наследственное право / под ред. К. Б. Ярошенко. М., 2005. С. 377.

⁵ Апелляционное определение Вологодского областного суда от 29.08.2014 № 33-3522/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472.

⁷ Там же. 2002. № 7. Ст. 634.

⁸ Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25.02.1993 г. // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 7.

⁹ Там же. 2000. № 12. Ст. 3, 4.

¹⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть третья. М., 2002. С. 226.

¹¹ Марышева Н. И., Хлестова И. О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журн. рос. права. 2013. № 8. С. 5–12.

¹² Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : федер. закон Рос. Федерации от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

¹³ Апелляционное определение Брянского областного суда от 12.04.2016 № 33-1613/2016; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 18.05.2016 по делу № 33-3963/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» (1994 г.) : обзор судеб. практики Верхов. Суда Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Ях'я Дашти Гадур : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 17.02.1998 № 6-П. URL: [https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17021998-n/\(data obrashheniya: 01.06.2021\)](https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17021998-n/(data obrashheniya: 01.06.2021)).

² Собр. законодательств Рос. Федерации. 2002. № 3. Ст. 3032.

³ Богуславский М. М., Рубанов А. А. Правовое положение иностранцев в СССР. М., 1962. С. 77.

⁴ Наследственное право / под ред. К. В. Ярошенко. М., 2005. С. 377.

⁵ Апелляционное определение Вологодского областного суда от 29.08.2014 № 33-3522/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Собр. законодательств Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472.

⁷ Там же. 2002. № 7. Ст. 634.

⁸ Договор между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25.02.1993 г. // Бюл. междунар. договоров. 1995. № 7.

⁹ Там же. 2000. № 12. Ст. 3, 4.

¹⁰ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (постатейный). Часть третья. М., 2002. С. 226.

¹¹ Марышева Н. И., Хлестова И. О. Конституционный принцип национального режима иностранных граждан // Журн. рос. права. 2013. № 8. С. 5–12.

¹² Об обороте земель сельскохозяйственного назначения : федер. закон Рос. Федерации от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собр. законодательств Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3018.

¹³ Апелляционное определение Брянского областного суда от 12.04.2016 № 33-1613/2016; Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 18.05.2016 по делу № 33-3963/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации» (1994 г.) : обзор судеб. практики Верхов. Суда Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-38-42
УДК 343.9.01

О соотношении функций и целей уголовного наказания во взаимосвязи с обеспечением его исполнения

И. В. ДВОРЯНСКОВ – главный научный сотрудник НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор

В статье рассматривается проблема релевантности функций и целей уголовного наказания. Функции наказания недостаточно исследованы в науке уголовного права. Между тем именно они отражают сущность и социальное предназначение наказания и, соответственно, должны определять его цели. На практике наблюдается рассогласованность реальных функций и декларируемых целей наказания, что отрицательно влияет на обеспечение его исполнения. Автор приходит к выводу о том, что современные цели наказания не соответствуют его фактическим функциям, в нынешнем своем виде имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при благородстве посылы они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неверифицируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция). А самое главное, существующие цели наказания ввиду указанных недостатков существенно затрудняют его исполнение.

К л ю ч е в ы е с л о в а : функции наказания; цели наказания; соотношение и взаимосвязь с обеспечением исполнения уголовных наказаний.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дворянсков И. В. О соотношении функций и целей уголовного наказания во взаимосвязи с обеспечением его исполнения. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 38–42, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-38-42.

On the correlation of functions and purposes of criminal punishment in conjunction with ensuring its execution

I. V. DVORYANSKOV – Chief Researcher of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. of Law, Professor

The article deals with the problem of relevance of the functions and purposes of criminal punishment. The functions of punishment have not been sufficiently studied in the science of criminal law. Meanwhile they reflect the essence and social purpose of punishment and, accordingly, should determine its goals. In practice there is a discrepancy between the real functions and the declared goals of punishment, which negatively affects the assurance of its execution. The author comes to the conclusion that the modern goals of punishment do not correspond to its actual functions, in their current form they are declarative and conceptually imperfect. This means that given the nobility of the message they do not meet the condition of attainability due to a number of reasons: conceptual imprecision (restoration of social justice), redundancy, inconsistency and practical non-verifiability (correction and special prevention), archaism (general prevention). And most importantly the existing goals of punishment, due to the indicated shortcomings, significantly complicate its implementation.

Key words: functions of punishment; the purpose of the punishment; correlation and relationship with execution of criminal penalties.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Dvoryanskov I. V. On the correlation of functions and purposes of criminal punishment in conjunction with ensuring its execution. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 38–42, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-38-42.

В науке результативность наказания принято рассматривать с позиции формулировки его целей, то есть параметров ожидаемого эффекта от применения. Данные параметры отражают статику явления, тогда как изучение исполнения наказания требует критериев, позволяющих измерить динамику процесса. В качестве таковых выступают функции наказания. Очевидно, что они должны соотноситься с целями как форма и содержание, в силу того что цели воплощаются в реализации наказания посредством его функций. Применительно к предмету настоящего исследования более всего подходит определение функции как внешнего проявления свойств объекта в данной системе отношений¹.

Проблеме функций наказания в литературе уделяется недостаточно внимания. Обычно называют четыре основные функции уголовного наказания – возмездие, предупреждение, исправление и восстановление социальной справедливости². Отдельные авторы отводят функциям наказания место в объективной стороне состава его исполнения и сводят их, по сути, к карательной деятельности³. Очевидно, что данная функция является ключевой, поскольку вытекает из сущности наказания⁴, но далеко не единственной. Более того, реальные функции современного уголовного наказания не совпадают с его декларируемыми целями. Цели наказания представляют собой исторически изменчивую категорию, обусловленную тенденциями и уровнем развития общественного сознания. Полагаем при этом, что эффективность наказания может быть обеспечена только постановкой научно обоснованных целей, в основу которых положена теоретически цельная и непротиворечивая концепция целеполагания. Цели наказания в отечественном уголовном праве менялись исторически. Со времен Русской Правды это возмездие и имущественные выгоды. Однако уже русское средневековое право этим не ограничивается. Соборное уложение 1649 г. отличается от уголовного права Русской Правды и судебных новыми карательными ориентирами публичного характера, состоящими в защите государства и общества от преступников и преступлений. Основной целью петровского уголовного законодательства, представленной прежде всего в Артикулах воинских, признавалось устрашение, что следовало из оговорок типа: «дабы через то страх подать и оных от таких непристойностей удержать». Устрашение сочеталось с публичностью наказа-

ний. Казнь производилась в людном месте, о ней предварительно объявлялось.

Главной целью наказания по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., явившему собой итог карательной политики Николая I, выступало возмездие, которое связывалось со стремлением предотвратить под страхом наказания другие преступления. В указанном уложении были подробно определены все правовые признаки, характеризующие преступные деяния, виды наказаний и условия их применения. Наряду с Уложением о наказаниях 1845 г. и Уголовным уложением, утвержденным Николаем II в 1903 г., действовали Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Военный 1875 г. и Военно-морской 1886 г. уставы о наказаниях, не отличавшиеся иным содержанием целей наказания.

В Уголовном уложении 1903 г., последнем уголовно-правовом акте Российской империи, серьезных изменений в формулировке целей не наблюдалось⁵.

Однако с приходом советской власти все резко меняется. Цели наказания стали носить ярко выраженный социальный характер, что было обусловлено новой государственной (социалистической) идеологией. В УК РСФСР 1922 г. в качестве целей были закреплены: предупреждение новых правонарушений, приспособление нарушителя к условиям общежития, лишение преступника возможности совершать новые преступления, правовая защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов путем применения к нарушителям наказания или других мер социальной защиты.

Согласно УК РСФСР 1926 г. целью мер социальной защиты являлось общее предупреждение новых нарушений со стороны как нарушителя, так и других лиц.

И только в УК РСФСР 1960 г. были закреплены цели, более-менее близкие к существующим в настоящее время. В ст. 20 кодекса говорилось: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Наказание не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства».

Очевидно, что данная совокупность целей представляла собой эклектичный кон-

гломерат, сочетающий догматы классической и социологической школ уголовного права, и поэтому, на наш взгляд, не имеющий крепкого доктринального фундамента. Как представляется, это было обусловлено исторической целесообразностью отхода от намного более цельной и научно обоснованной, но скомпрометировавшей себя уголовной политики сталинского периода. Иными причинами трудно объяснить откат к уже устаревшим на тот период и буржуазным по сути концепциям предупреждения и исправления.

Возникает вопрос, насколько релевантны эти формулировки подлинным функциям и возможностям наказания. Считаем необходимым высказать в связи с этим некоторые соображения относительно природы наказания и его способности достигать указанные цели.

Наказание, на наш взгляд, выступает средством достижения положительного социального эффекта, моделируемого с учетом двух показателей: 1) что ждет от наказания общество; 2) на что действительно способно наказание, возможности которого, разумеется, не беспредельны. Последняя позиция важна потому, что государство рассчитывает обеспечить наказанием не только слепую кару за совершенное преступление, но и достижение социального идеала в сфере борьбы с преступностью.

Ввиду того что наказание представляет собой реакцию на событие прошлого – преступление, оно является ретроактивной мерой. Иными словами, выступать превентивной мерой оно вряд ли может, поскольку таковые предпринимаются до предупреждаемого события, а не после его совершения. Наказание имеет дело с последствиями преступления, но не может воздействовать на его причины, поскольку они вплетены в сложную систему социально-личностной детерминации с мощными факторами, остающимися вне досягаемости закона. Следовательно, надежда на то, что на них повлияет наказание, не имеет под собой достаточных оснований. В этой связи наказание лишь фиксирует общественную и государственную оценку содеянного, а оценка, как известно, должна быть справедливой, иначе в ней просто не будет смысла. В этом проявляются функции оценки и официального порицания преступления.

Представляется, что наказание, конкретно представленное в санкциях норм Особенной части УК РФ, выполняет и аксиологическую функцию, поскольку выступает

правовым измерителем ценности охраняемых благ и наносимого им ущерба. Соответственно, чем ценнее благо, тем строже наказание за посягательство на него. Так, максимальное наказание за простое убийство – пятнадцать лет лишения свободы, а за неквалифицированную кражу – два года лишения свободы. Получается, отбросив квалифицирующие признаки, можно сделать вывод о том, что жизнь ценнее собственности в 7,5 раз.

Полагаем, что наказание представляет собой форму реагирования на преступность и может быть эффективно только в сочетании с мерами профилактики. По своей сути это мера уголовной ответственности за содеянное, накладывающая на виновного обязанность претерпеть кару, предполагающая в качестве дополнительного функционала возможность дифференциации ответственности (например, посредством замены одного наказания другим, назначения дополнительного наказания).

Кроме того, представляется, что наказание выполняет функцию коммуникации между государством и обществом, посредством которой первое выражает свою позицию относительно того, что является преступным и, соответственно, опасным.

Наказание происходит от древнерусского слова «наказ» (наставление, поучение, распоряжение). Таким образом, реальные функции наказания – это социальное управление, а также утверждение воли государства, репрессия (подавление), официальная оценка преступления, выраженная в фиксации нанесенного ущерба, эквивалируемая в качественных и количественных характеристиках наказания, порицание содеянного.

Говоря о существующих целях наказания, следует обратить внимание на то, что у них нет единого концептуального основания. Так, цели исправления и предупреждения преступлений противоречат друг другу. Первая ориентирована на то, что под воздействием наказания личность человека, совершившего преступление, подвергнется определенной трансформации, связанной с формированием у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулированием правоопослушного поведения (ст. 9 УК РФ). Таким образом, исправление в его существующем виде предполагает рассмотрение преступной склонности как внутренней патологии, которая поддается коррекции посредством изменения отношения преступника к со-

циальным ценностям. Цель же предупреждения преступления, особенно в аспекте специальной превенции, постулирует страх в качестве сдерживающего механизма в отношении возможного в дальнейшем криминального поведения, что само по себе обесценивает те эффекты, которые достигаются целью исправления.

Кроме того, формулируя обе указанные цели, законодатель фактически игнорирует социальную (внешнюю) детерминацию преступности, рассматривает преступника абстрагированно от условий его жизни как до, так и после наказания. Между тем проблемы социальных детерминант преступности отнюдь не новы и были краеугольным камнем оппозиции классической и социологической школ уголовного права еще в XIX в.

Вернемся к сегодняшнему дню. В результате существования выявленного противоречия в целях наказания, а также несоответствия их реальным (фактическим) функциям этого уголовно-правового института на практике возникают серьезные проблемы.

Формулируемые в действующем уголовном законе цели исправления и предупреждения ставят в весьма сложное положение и правоприменителя. Рассмотрим в качестве примера деятельность уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), исполняющих большинство наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Как известно, само наказание состоит в принуждении осужденного к выполнению определенных обязанностей (трудиться, учиться, пройти лечение, отмечаться в УИИ и т. п.). За уклонение предусмотрен ряд карательных мер, в том числе и замена условного наказания реальным, а реального – более строгим. Вместе с тем УИИ в рамках исполнения наказания организуют проведение с осужденными воспитательной и социальной работы.

Территориальные органы и УИИ ориентированы на реализацию требований Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Им предусматривается система мер, применяемых субъектами в форме специальной и общей профилактики правонарушений. К общепрофилактическим мерам относятся комплексные мероприятия по социальной реабилитации лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, к специальным – профилактический учет, профилактический надзор и т. п.

Социально ориентированные задачи выполняются УИИ в соответствии с приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы». Согласно п. 4 инструкции на уголовно-исполнительные инспекции возложена обязанность по осуществлению взаимодействия с органами местного самоуправления и социальными службами в решении вопросов оказания осужденным к ограничению свободы помощи в трудоустройстве, а также с медицинскими организациями, производящими лечение больных наркоманией, путем запроса информации о прохождении осужденными лечения и с организациями, реализующими медицинскую реабилитацию больных наркоманией, путем запроса информации о прохождении осужденными реабилитации⁶.

Думается, что с рациональных позиций сложно совмещать во взаимоотношениях УИИ с осужденным карательный и социально-реабилитирующий аспекты. По крайней мере, оба субъекта оказываются в противоречивых ролях. УИИ, с одной стороны, должна осуществлять карающее воздействие, а с другой – оказывать социальную помощь. Осужденный же выступает объектом карательного воздействия и практически одновременно партнером в процессе оказания социальной помощи. Происходит смешение ролей. Этому, безусловно, способствует цель исправления, достижение которой требуется именно в процессе карательного воздействия, что и логически, и психологически не обосновано.

Очевидно, осужденному сложно приспособиться к постоянной смене образа инспектора и по-настоящему испытать к нему доверие.

Что касается цели предупреждения преступлений, то, как уже отмечалось, она основана на постулировании страха перед наказанием, что в корне противоречит концепции исправления.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания, в свою очередь, также не имеет непротиворечивой концептуальной основы. На наш взгляд, справедливость является относительно стабильной аксиологической категорией, которая сама по себе нарушена быть не может, а выступает некой константой, системой измерения, идеальной моделью, с помощью которой можно оценивать как преступные деяния, так и властные (судебные) акты, принимаемые по их поводу. При таком понимании

мы должны не восстанавливать социальную справедливость, а приводить общественные отношения (конкретные обстоятельства) в соответствие с относительно устойчивыми (стабильными) аксиологическими требованиями (критериями), которые должны обретать своего рода статус-кво.

Если же исходить из концепции восстановления социальной справедливости, то автоматически надо допускать, что последняя является нестабильной, часто нарушаемой категорией. Но раз мы допускаем, что справедливость нужно восстанавливать, то где тот эталон (шаблон), по которому это должно происходить? Или мы говорим о двух видах справедливости (нарушаемой и эталонной)? Думается, в этом нет никакого смысла.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на противоречие данной цели принципу справедливости, закрепленному в ст. 6 УК РФ, соблюдение которого однозначно свидетельствует о том, что уже при назначении наказания должна обеспечиваться (восстанавливаться) справедливость. Цель же восстановления социальной справедливости означает, что после вынесения наказания ее только предстоит достичь, то есть речь идет об определенной перспективной функции. Иными словами, соблюдение принципа

справедливости делает ненужным достижение цели восстановления социальной справедливости и, наоборот, требование достижения такой цели фактически свидетельствует, что указанный принцип был нарушен.

Таким образом, в нынешнем своем виде цели наказания имеют декларативный и концептуально несовершенный характер. Это означает, что при благородстве посылы они не отвечают условию достижимости в силу ряда причин: понятийной неточности (восстановление социальной справедливости), избыточности, противоречивости и практической неverifiedируемости (исправление и специальная превенция), архаичности (общая превенция). А самое главное, существующие цели наказания ввиду указанных недостатков существенно затрудняют его исполнение.

Если наказание – это реакция государства на преступность, то она должна быть современной и отвечающей реальным социальным потребностям. Очевидно, что, исходя из сущности наказания и его современного понимания, целями его могут быть возмездие (кара), правовая защита общества от преступлений и лиц, их совершающих, а также государственное порицание преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М., 1975. С. 448.

² Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права : учеб. пособие для студентов вузов. Ростов н/Д, 2002. С. 164–165.

³ Уголовно-исполнительное право России: Общая часть : учеб. для бакалавров / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. М., 2016. С. 161–163.

⁴ Дворянсков И. В. Эффективность альтернативных наказаний (компенсационная модель) : учеб.-метод. пособие. М., 2005. С. 57–60.

⁵ Он же. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциар. наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.

⁶ Курс уголовно-исполнительного права : учеб. : в 3 т. / под общ. ред. Г. А. Корниенко, под науч. ред. А. В. Быкова. М., 2019. Т. 2. Особенная часть. С. 164–165.

¹ Filozofskij slovar' / pod red. M. M. Rozentalja. M., 1975. S. 448.

² Kas'yanov V. V., Nechipurenko V. N. Sociologiya prava : ucheb. posobie dlya studentov vuzov. Rostov n/D, 2002. S. 164–165.

³ Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: Obshhaya chast' : ucheb. dlya bakalavrov / pod red. V. E. E`minova, V. N. Orlova. M., 2016. S. 161–163.

⁴ Dvoryanskov I. V. E`ffektivnost' al'ternativny`x nakazaniij (kompensacionnaya model') : ucheb.-metod. posobie. M., 2005. S. 57–60.

⁵ On zhe. Konceptual'ny`e problemy` celej nakazaniya // Penitenciar. nauka. 2021. T. 15, № 2 (54). S. 247–259.

⁶ Kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava : ucheb. : v 3 t. / pod obshh. red. G. A. Kornienko, pod nauch. red. A. V. By`kova. M., 2019. T. 2. Osobennaya chast'. S. 164–165.

Нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ): вопросы правоприменительной практики

В. И. ЗУБКОВА – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова;

А. Л. САНТАШОВ – главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

В статье анализируются проблемы квалификации деяний, связанных с нарушением требований в области транспортной безопасности. Дается характеристика преступления, предусмотренного ст. 263.1 УК РФ. Рассматриваются вопросы межотраслевой дифференциации ответственности в указанной сфере. Приводится анализ правоприменительной практики по проверке сообщений о нарушениях требований в области транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспортная безопасность; транспортная инфраструктура; транспортное средство; уголовная ответственность; административная ответственность; тяжкий вред здоровью; крупный ущерб.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Зубкова В. И., Санташов А. Л. Нарушение требований в области транспортной безопасности (ст. 263.1 УК РФ): вопросы правоприменительной практики. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 43–46, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-43-46.

Violation of requirements in the field of transport security (Article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of law enforcement

V. I. ZUBKOVA – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Dsc. of Law, Professor, Honorary Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University;

A. L. SANTASHOV – Chief Researcher of the Research Department of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Dsc. of Law, Associate Professor

The article analyzes the problems of qualification of acts related to violation of requirements in the field of transport security. There is given characterization of the crime under Art. 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The issues of intersectoral differentiation of responsibility in this area are considered. The analysis of law enforcement practice for checking reports of violations of requirements in the field of transport security is given.

Keywords: transport safety; transport infrastructure; vehicle; criminal liability; administrative responsibility; serious harm to health; major damage.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Zubkova V. I., Santashov A. L. Violation of requirements in the field of transport security (Article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of law enforcement. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 4 (14), pp. 43–46, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-43-46.

В настоящее время вопросы обеспечения безопасности в различных сферах жизнедеятельности приобретают все большее значение. В условия распространения пандемии и борьбы с COVID-19 усиливаются требования и ответственность должностных лиц, работников предприятий и организаций общественного транспорта, а также самих пассажиров. Пожалуй, сегодня состояние внутренней защищенности от различного рода угроз желает испытывать каждый человек, будь то находящийся в поезде, самолете, на морском судне или в метрополитене.

Как показывает практика, к сожалению, не всегда собственники транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры, работники предприятий и организаций транспорта да и рядовые граждане неукоснительно выполняют требования в области транспортной безопасности. В этой связи особое значение имеют нормы действующего административного и уголовного законодательства в сфере охраны транспортной безопасности.

Транспортная безопасность – это состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О транспортной безопасности» обеспечение транспортной безопасности – это реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства.

Как справедливо отмечает А. В. Борисов, помимо актов незаконного вмешательства транспортный комплекс подвергается и другим угрозам, оставшимся неохваченными в указанном определении¹. Так, например, не учтено влияние неосторожного причинения вреда транспортным средствам и транспортной инфраструктуре, обеспечивающим функционирование экономики страны и регионов².

Получается, что границы существующего определения отражают только часть понятия транспортной безопасности. Законодатель же транспортную безопасность во многом связывает с мерами противодействия терроризму.

В настоящее время законодателем проведена межотраслевая дифференциация ответственности за нарушение требований в рассматриваемой области.

Во-первых, в ст. 11.15.1 КоАП РФ установлена административная ответственность за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности либо неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности, совершенные по неосторожности, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния. Причем данная ответственность ужесточается в случае повторного совершения данного административного правонарушения, а также если данное противоправное действие (бездействие) совершено умышленно (ч. 2 ст. 11.15.1 КоАП РФ).

Во-вторых, ст. 263.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба.

По данным официальной статистики, в 2020 г. по ст. 263 и 263.1 УК РФ в правоохранительные органы поступило порядка 5 тыс. сообщений о совершении преступлений. При этом 57 уголовных дел были направлены прокурору, 53 – в суд, 87 – прекращены³. Анализ судебно-следственной практики по привлечению к уголовной ответственности по ст. 263.1 УК РФ свидетельствует, что в большинстве случаев уголовные дела либо прекращаются, либо выносятся постановления об отказе в их возбуждении.

В силу ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на совершение преступления. Состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 263.1 УК РФ, выражается в неисполнении требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. В соответствии с примечанием к ст. 263.1 УК РФ крупным ущербом в данной статье при-

знается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Рассмотрим пример. В ходе проверки было установлено, что в акватории, прилегающей к Камчатскому краю и Чукотскому автономному округу, в морских портах Петропавловска-Камчатского, Усть-Камчатска, Анадыря, Провидения и Эгвекинота числятся затонувшими 82 морских объекта⁴.

Согласно ч. 2 ст. 55 Водного кодекса Российской Федерации при использовании водных объектов физические лица, юридические лица обязаны осуществлять водохозяйственные мероприятия и мероприятия по охране водных объектов в соответствии с настоящим кодексом и другими федеральными законами, а также правилами охраны поверхностных водных объектов и правилами охраны подземных водных объектов, утвержденными Правительством Российской Федерации.

В силу ч. 1 ст. 56 Водного кодекса Российской Федерации сброс в водные объекты и захоронение в них отходов производства и потребления, в том числе выведенных из эксплуатации судов и иных плавучих средств (их частей и механизмов), запрещаются.

Согласно ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 109 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации в случае, если затонувшее имущество создает угрозу безопасности мореплавания или причинения ущерба морской среде загрязнением либо препятствует осуществлению рыболовства, деятельности порта и проводимым в нем работам (гидротехническим и другим), собственник затонувшего имущества обязан по требованию капитана морского порта в установленный им срок поднять затонувшее имущество и при необходимости удалить или уничтожить его.

В соответствии с ч. 1 ст. 111 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации администрация морских портов имеет право поднять затонувшее имущество и при необходимости удалить или уничтожить его в случае, если: собственник затонувшего имущества обязан поднять затонувшее имущество и при необходимости удалить или уничтожить его в соответствии с п. 1 ст. 109 настоящего кодекса, но собственник затонувшего имущества не установлен или он не поднял затонувшее имущество и при необходимости не удалил или не уничтожил его

в установленный срок; затонувшее имущество создает серьезную и непосредственную угрозу безопасности мореплавания или непосредственную угрозу причинения значительного ущерба морской среде загрязнением либо значительно препятствует осуществлению рыболовства, деятельности в порту и проводимым в нем работам (гидротехническим и другим).

Анализ приведенных требований законодательства Российской Федерации указывает на наличие обязанности собственника затонувшего имущества осуществить его подъем при наличии угрозы безопасности мореплавания или причинения ущерба морской среде загрязнением, а также в случае если затонувшее имущество препятствует осуществлению рыболовства, деятельности порта и проводимым в нем работам (гидротехническим и др.). При неисполнении вышеуказанной обязанности администрация морского порта вправе произвести необходимые мероприятия собственными силами с последующим возложением понесенных расходов на собственника затонувшего имущества.

Как следует из материалов проверки, факт наличия угрозы причинения вреда морской среде загрязнением был установлен в отношении морского судна «Ронд», в связи с чем Тигильским районным судом Камчатского края на собственника указанного судна гражданина М. возложена обязанность по его подъему. В отношении иных затонувших объектов сведений о наличии угрозы безопасности мореплавания и судоходства, причинения ущерба морской среде и загрязнения окружающей среды, а также препятствий рыболовству, деятельности портов и водного транспорта в ходе проведения проверки не получено. Сведений о причинении в рассматриваемой ситуации вреда здоровью человека какой-либо степени тяжести, а также материального ущерба не получено, в связи с чем общественно опасные последствия, наличие которых необходимо для возбуждения уголовного дела по ст. 263.1 УК РФ, не наступили.

Наличие угрозы наступления вышеуказанных последствий, а равно угроза безопасности мореплавания или причинения ущерба морской среде загрязнением либо препятствие осуществлению рыболовства, деятельности порта и проводимым в нем работам (гидротехническим и другим) в качестве последствий, являющихся основанием для возбуждения уголовного дела по

ст. 263.1 УК РФ, уголовным законом не названы.

С учетом изложенного следователь пришел к выводу, что достаточных данных для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 263.1 УК РФ не имеется, событие рассматриваемого преступления отсутствует. Обстоятельств, препятствующих принятию решения об отказе в возбуждении уголовного дела, обуславливающих необходимость принятия иного решения, не имеется, проведение дополнительных проверочных мероприятий на суть принятого решения не повлияет.

С учетом изложенного, дальнейшее совершенствование уголовного законодательства в сфере обеспечения соблюдения требований в области транспортной безопасности предполагает соответствующую редакцию ст. 263.1 УК РФ. К сожалению, правоприменительная практика в настоящее время по реализации данной уголовно-правовой нормы складывается не вполне удовлетворительно. В этой связи представляется необходимым принятие соответствующих разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борисов А. В. Нормативно-правовое регулирование обеспечения транспортной безопасности в отдельных законодательных актах российской Федерации // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2021. № 1. С. 47–50.

² Зюзин В. Л., Митяков С. Н. Концептуальные основы транспортной безопасности региона // *Мир современ. науки*. 2016. № 6 (40). С. 24–31.

³ URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.06.2021).

⁴ Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 01.06.2021).

¹ Borisov A. V. Normativno-pravovoe regulirovanie obespecheniya transportnoj bezopasnosti v otdel'ny'x zakonodatel'ny'x aktax rossijskoj Federacii // *Rassledovanie prestuplenij: problemy' i puti ix resheniya*. 2021. № 1. S. 47–50.

² Zyuzin V. L., Mityakov S. N. Konceptual'ny'e osnovy' transportnoj bezopasnosti regiona // *Mir sovremen. nauki*. 2016. № 6 (40). S. 24–31.

³ URL: <http://www.cdep.ru> (data obrashheniya: 01.06.2021).

⁴ Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema Rossijskoj Federacii «Pravosudie». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (data obrashheniya: 01.06.2021).

Соотношение аксиом и принципов права в уголовном праве¹

В. М. КАБАНОВ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова

В статье анализируются понятия аксиомы и принципа права как смежные категории в их взаимосвязи друг с другом, рассматриваются их общие и отличительные признаки, приводятся примеры аксиом-принципов в уголовном праве. Анализируются отдельные аксиомы-принципы уголовного права, их роль в системе уголовного права, влияние на его отдельные институты (назначения наказания и освобождения от уголовной ответственности). Делаются соответствующие выводы, основанные на результатах проведенного исследования.

Ключевые слова: аксиомы права; принципы права; юридическая техника; аксиомы-принципы права; уголовное право.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Кабанов В. М. Соотношение аксиом и принципов права в уголовном праве. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 47–51, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-47-51.

Correlation of axioms and principles of law in criminal law²

V. M. KABANOV – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the P. G. Demidov Yaroslavl State University

The article analyzes the concepts of axiom and the principle of law as related categories in their relationship with each other, considers their common and distinctive features, gives examples of axioms-principles in criminal law. The article analyzes certain axioms-principles of criminal law, their role in the system of criminal law, the impact on its individual institutions (sentencing and exemption from criminal liability). Appropriate conclusions are made based on the results of the study.

Key words: axioms of law; principles of law; legal technique; axioms-principles of law; criminal law.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kabanov V. M. Correlation of axioms and principles of law in criminal law. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 47–51, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-47-51.

Аксиомы права большинством правоведов признаются в качестве самоочевидных истин, раскрывающихся, как правило, через «простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившихся в результате многовекового опыта институциональных взаимодействий»¹, в которых выражены представления о праве, практике его реализации в форме готовых утверждений, вари-

антов решений различных юридических вопросов².

Под правовыми аксиомами также понимается описание факта, явления в форме утверждения или отрицания тех причинно-следственных закономерностей, которые имеют основания для существования и считаются очевидными (не подлежащими доказыванию), например: «нет преступления без

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00042.

² The publication is prepared within the framework of the RFBR grant No. 20-011-00042.

наказания», «никто не может быть наказан дважды за одно и то же деяние».

В структуре права наряду с правовой аксиомой в некоторой пограничной связи имеются схожие по определенным параметрам категории, такие как правовые нормы, принципы, презумпции и фикции, рассмотрение которых в диалектическом единстве как объектов правового восприятия имеет принципиальное значение для правовой науки.

В статье подробно остановимся на соотношении таких категорий, как аксиомы и принципы права.

Следует отметить, что аксиомы по своей форме представляют предельно сжатые очевидно ясные суждения, не допускающие противоречивых толкований, использование которых в качестве средства правотворческой техники подразумевает наличие специальных приемов, позволяющих перенести эти положения в законодательный текст, не только не утратив их смысла, но и сохранив соответствующую эстетику. Именно по этой причине некоторые правовые аксиомы нашли отражение в правовых принципах, в том числе и уголовного права.

Под принципом права понимается положение какой-либо теории, учения и т. д.; руководящая идея, основное правило деятельности, научное или нравственное начало, основание, правило, основа, от которой не отступают³; исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения⁴. В юридической науке традиционно используются термины «принцип права» или «правовой принцип», которые не дифференцируются и чаще всего определяются как «основные руководящие идеи (начала)»⁵. Исходные юридические положения и идеи, которые не вошли в содержание действующего права, соответственно, не зафиксированы в нормах права и свойствами нормативности не обладают.

Рассматривая проблему соотношения аксиомы права и правового принципа, С. С. Алексеев отмечал, что правовые аксиомы представляют собой важнейшие принципы права, закрепленные в нормативно-правовых актах⁶. Л. С. Явич считал, что они выступают предпосылками принципов права, обращал внимание на тот факт, что в принципах права любого типа должны быть заложены идеи, которые отражают несомненную специфику правового регулирования, то есть элементарные истины, не требующие доказательств⁷. Аналогичного мнения придерживается Н. А. Чечина, которая отме-

чает, что принципы гражданского процессуального права выводятся из аксиом⁸. Как следует из приведенных суждений, данные авторы определяют аксиомы и принципы права в их диалектическом единстве.

Следуя закону единства и борьбы противоположностей, А. А. Ференс-Сороцкий указывает больше на отличие этих категорий. По его убеждению, в аксиомах права воплощается преемственность в диалектическом развитии права от одного исторического типа к другому, в пределах определенного исторического типа. Правовые аксиомы составляют своего рода «золотой фонд» правовых норм, сложившихся в процессе развития человечества, и воплощают общечеловеческое содержание права. Именно поэтому возможна преемственность между правовыми аксиомами и аксиомами различных исторических эпох. В этом заключается их отличие от принципов права, воплощающих прежде всего классовые, групповые интересы в праве, поэтому они и являются разными в различных типах правовых систем. Вместе с тем принципы права строятся с учетом правовых аксиом, ибо они отражают не только экономические, политические, но и моральные устои общества⁹. По этому факту М. Л. Давыдова делает интересный вывод о том, что противопоставление аксиом и принципов вполне логичный для советской правовой теории процесс, поскольку он позволял в тот период разрешать серьезные научные противоречия, например обоснование принципов приоритета государственных интересов над личными, отличавших советское право от права других государств¹⁰. Однако для современной юриспруденции, думается, оно практически теряет свое значение. Тот факт, что отдельный принцип требует доказательств и не является аксиоматичным, заставляет задаваться вопросом: является ли он вообще принципом права? Не зря исследователь С. А. Мосин, устанавливая тождество этих категорий, утверждает, что на основе правовых аксиом строится вообще вся правовая система; правовые аксиомы имеют многие признаки правовых принципов¹¹. Например, основополагающие конституционные принципы содержат в себе признаки правовых аксиом. Так, аксиома «отягчающий ответственность закон не имеет обратной силы» закреплена в Конституции Российской Федерации: «закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет».

В противоположность позиции С. А. Мосина М. Л. Давыдова не соглашается с тем, что

понятия «аксиома» и «принцип» тождественны, поскольку они различаются не столько по смыслу, сколько по масштабу действия. Концептуально правовые аксиомы и принципы права очень близки друг другу, однако полностью не совпадают. Принципы права, развиваясь и конкретизируясь в различных нормах права приобретают общеправовое или отраслевое значение. «Аксиомы являются средствами законодательной техники, представляя собой выводы из нормативных предписаний»¹². Наличие таких аксиом вполне согласуется с юридической природой этих правовых феноменов как элементарных истин, не допускающих иных толкований, не требующих доказательств, а следовательно – дальнейших уточнений и конкретизации.

В. Н. Карташов нетождественность аксиом и принципов права аргументирует тем, что по сравнению с принципами права аксиомы – более широкое и абстрактное понятие, охватывающие как сформулированные юристами фундаментальные идеи и идеалы, отражающие достижения правовой мысли и практического опыта, так и обособленные в виде относительно самостоятельных элементов исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования и т. п), определяющие общую направленность, качество и эффективность правового регулирования общественных отношений¹³.

Сходство аксиом с принципами права, как отмечает Е. В. Воронов, состоит в том, что «эти категории являются основополагающими идеями права, универсальны, придают логичность и последовательность правовой действительности»¹⁴. Другие отправные точки сближения аксиом с принципами права проявляются через такие свойства, как способность быть отправной идеей правового бытия, универсальность, общезначимость, способность направлять и синхронизировать механизм правового регулирования, придавать логичность, последовательность и сбалансированность правовой действительности¹⁵. Т. В. Власова к указанным положениям добавляет, что аксиомы и принципы права, являясь результатом длительной правотворческой и правоприменительной практики, впитали в себя не только юридические, но и морально-нравственные начала¹⁶.

Аксиомы формулируются развернуто, в форме суждений, принципы же можно определить кратко без ущерба для понимания их смысла. Например, «принцип законности», «принцип состязательности» и др. Различия

между принципами и аксиомами обусловлены, в частности, происхождением данных категорий. Аксиомы появляются в результате обобщения юридической практики (хотя не стоит недооценивать и роль науки) как элементарные положения, принципы же – это результат научной рефлексии, в которой отражается более высокий уровень правового мышления.

Таким образом, аксиомы и принципы имеют общую природу, заключающуюся в том, что это определенный фундамент, который сложен из основополагающих руководящих идей и начал, определяющий эволюционное развитие юридического права. Между принципами и аксиомами права имеется существенная диалектическая взаимосвязь и взаимообусловленность, вытекающие из самой сущности права. Как отмечает Д. М. Слинко, аксиомы раскрывают содержание принципов, делают их более доступными для понимания; они, в отличие от принципов, имеют давнее происхождение, являются более устойчивыми образованиями, менее зависимы от типа общественных отношений и могут закрепляться в правовых нормах и даже институтах. Преемственность же принципов различных исторических типов права возможна лишь постольку, поскольку они воплощают содержание аксиом. Таким образом, взаимосвязь между аксиомами и принципами вытекает из самой сущности права. Определение принципов права как самостоятельной формы права дает возможность рассматривать их как непосредственные регуляторы общественных отношений, а аксиомы права – как исходные начала правового регулирования. Кроме того, и аксиомы, и принципы являются основаниями, из которых развиваются другие положения.

Можно резюмировать, что аксиомы и принципы права имеют больше сходств, чем различий, в частности сравниваемые категории:

- являются непреложными истинами;
- основополагающими, фундаментальными положениями, на которых базируются юридический процесс и судопроизводство;
- служат ориентирами для его участников правовых и судебных процессов;
- имея общие цели и задачи, они дополняют друг друга;
- аксиомы могут быть составными частями принципов, а в некоторых случаях даже с ними отождествляться.

Понятие аксиомы шире понятия принципа права. Так, все принципы – аксиомы, что не

вызывает сомнения, ведь нормативно закреплённые принципы должны выражать наиболее общепризнанные аксиоматические идеи, но не все аксиомы – принципы.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании такого понятия, как «аксиома-принцип права», появившегося на стыке указанных терминов. Рассмотрим соотношение указанных понятий на примере отдельных положений уголовного закона.

Аксиомы-принципы уголовного права закреплёны в гл. 1 УК РФ: законность (ст. 3), равенство граждан перед законом (ст. 4), вина (ст. 5), справедливость (ст. 6) и гуманизм (ст. 7). В данном случае речь идет о тех аксиомах, которые нашли прямое отражение в принципах уголовного права. Так, например, аксиома «все равны перед законом» тождественна закреплённому в уголовном законе принципу равенства граждан перед законом, аксиома «нельзя дважды судить за одно преступление» – принципу справедливости. В свою очередь аксиома, объявляющая, что «можно нести уголовную ответственность только за запрещенное законом поведение», не является принципом, но косвенно закреплена в ст. 8 УК РФ, указывающей, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Следует отметить, что аксиомы-принципы законности и равенства граждан перед законом пронизывают нормы всех отраслей права, но в некоторых из них уголовно-правовая аксиома обозначена более конкретно. Так, в ст. 14 УК РФ раскрывается понятие преступления как виновного общественно опасного деяния, запрещенного под угрозой наказания. Уголовным законом установлено, что уголовной ответственности подлежит только физическое лицо, достигшее возраста, установленного ст. 19 УК РФ. Аксиома равенства заключается в том, что все лица, совершившие преступления, независимо от признаков, указанных в ст. 4 УК РФ (пол, раса, национальность, язык, происхождение, имущественное и должностное положение, место жительства, отношение к религии, судимость, принадлежность к общественным объединениям и другие обстоятельства), равны перед законом и в равной степени подлежат уголовной ответственности.

Суть аксиомы равенства перед законом состоит в том, что все лица, совершившие преступление, обязаны предстать перед законом и судом; они могут быть привлечены к

ответственности, осуждены и наказаны. В то же время это не означает одинаковой меры уголовной ответственности и одинакового наказания даже за одно и то же преступление для разных лиц. Уголовный кодекс содержит подробный перечень обстоятельств, являющихся основанием для освобождения от уголовной ответственности и наказания, перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств и иных обстоятельств, влияющих на меры воздействия и наказания. Даже деяния, содержащие признаки одного и того же состава преступления, совершаются по разным мотивам, при разных обстоятельствах, с разным поведением потерпевшего. Поэтому равенство граждан перед законом не означает одинаковое наказание. Более того, уравнивание наказаний для людей разного пола, возраста, семейного положения будет несправедливым и незаконным, не будет способствовать уважению закона и законности.

Так, например, смертная казнь не может применяться к женщинам, несовершеннолетним, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и к мужчинам старше 65 лет (ст. 59 УК РФ). В то же время существует ряд условий для привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий граждан Российской Федерации и иностранных граждан. Речь идет об институте иммунитетов, которые предусмотрены законодательством нашей страны и международным правом. Суть иммунитета заключается в предоставлении дополнительных гарантий лицам, занимающим ответственные государственные должности, являющимся государственными служащими, профессиональная деятельность которых сопряжена с повышенной ответственностью.

Необходимо обратить внимание на то, что аксиома «незнание закона не является оправданием, незнание факта является оправданием», нашла частичное отражение в принципе вины, гласящем, что объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается. Но, несмотря на этот факт, данная аксиома лежит в основе квалификации деяния как преступления, в том числе при наличии юридической субъективной ошибки. Это так называемая одиночная аксиома, которой отказано в полноценном статусе принципа, в том числе и в силу ее элементарного характера.

В свою очередь, закреплённая в указанном уголовно-правовом принципе вины аксиома «без вины нет ответственности» (в

нашем случае уголовной) лежит не только в основе квалификации уголовно наказуемого деяния, но и института освобождения от уголовной ответственности (гл. 8 УК РФ), так как на основании именно данной аксиомы осуществляется не только оценка субъективной составляющей деяния, но и устанавливается наличие обстоятельств, исключающих его преступность в случаях, когда объективная его сторона подпадает под конкретный состав преступления, предусмотренный Особенной частью УК РФ.

Кроме того, наказание, как и другие уголовно-правовые последствия (иные меры уголовно-правового характера), наступает только по решению суда, при этом для привлечения лица к уголовной ответственности должно наступить определенное событие, содержащее признаки преступного деяния. Определенным связующим звеном между уголовной ответственностью и уголовно-правовым наказанием является со-

ответствующая уголовно-правовая санкция, основой которой выступает названная выше аксиома-принцип.

Таким образом, аксиома-принцип уголовного права не только прямо закреплена в качестве такового в УК РФ, но и косвенным образом целиком пронизывает всю его структуру, наглядно демонстрируя свое существование, значение и роль в уголовном праве. При этом следует обратить внимание, что в данном случае уголовно-правовая аксиома выходит за рамки соответствующего принципа, что в свою очередь демонстрирует нам тот факт, что аксиома по своей сути объемнее правового принципа.

Таким образом, аксиомы и принципы права соотносятся как целое и часть. Как было показано, аксиомы являются идеей принципов, материалом для их возникновения и в ряде случаев могут отождествляться с ними, образуя так называемые аксиомы-принципы права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Манов Г. Н. Аксиомы в советской теории права // Совет. гос-во и право. М., 1986. № 9. С. 29.

² Палашевская И. В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Науч. диалог. 2017. № 11. С. 145.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание : в 4 т. М., 2004. С. 194.

⁴ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; СПб., 1997. С. 960.

⁵ Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 2000. С. 186.

⁶ Алексеев С. С. Проблемы теории права: основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 111.

⁷ Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королев. Л., 1976. С. 160.

⁸ Чечина Н. А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л., 1987. С. 91–94.

⁹ Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права : дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 27–31.

¹⁰ Давыдова М. Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юрид. техника. 2007. № 1. С. 204.

¹¹ Мосин С. А. Правовые аксиомы в основах правового государства // Юрид. наука. 2015. № 3. С. 41–42.

¹² Слинько Д. М. Аксиомы и принципы уголовного права: различия и сходства // Юридические записки молодых ученых и аспирантов. Ярославль, 2012, Вып. 12. С. 48–49.

¹³ Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. пособие : в 2 т. Ярославль, 2005. Т. 1. С. 101–102.

¹⁴ Воронов Е. Н. Принципы и аксиомы в судебном праве // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. 2016. № 3. С. 58.

¹⁵ Масленников А. В. Правовые аксиомы : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 13.

¹ Manov G. N. Axiomy v sovetskoj teorii prava // Sovet. gos-vo i pravo. M., 1986. № 9. S. 29.

² Palashevskaya I. V. Aksiologicheskie osnovaniya yuridicheskogo diskursa: aksiomy prava // Nauch. dialog. 2017. № 11. S. 145.

³ Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazy'ka. Sovremennoe napisanie : v 4 t. M., 2004. S. 194.

⁴ Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. M. Proxorov. 2-e izd., pererab. i dop. M. ; SPb., 1997. S. 960.

⁵ Cherdancev A. F. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. dlya vuzov. M., 2000. S. 186.

⁶ Alekseev S. S. Problemy teorii prava: osnovny'e voprosy obshhej teorii socialisticheskogo prava : kurs lekcij : v 2 t. Sverdlovsk, 1972. T. 1. S. 111.

⁷ Yavich L. S. Obshhaya teoriya prava / pod red. A. I. Korolev. L., 1976. S. 160.

⁸ Chechina N. A. Osnovny'e napravleniya razvitiya nauki sovetskogo grazhdanskogo processual'nogo prava. L., 1987. S. 91–94.

⁹ Ferens-Soroczkij A. A. Aksiomy i principy grazhdansko-processual'nogo prava : dis. ... kand. jurid. nauk. L., 1989. S. 27–31.

¹⁰ Davy'dova M. L. K voprosu o ponyatii pravovy'x aksiom: teoreticheskie i texniko-yuridicheskie aspekty // Yurid. texnika. 2007. № 1. S. 204.

¹¹ Mosin S. A. Pravovy'e aksiomy v osnovax pravovogo gosudarstva // Yurid. nauka. 2015. № 3. S. 41–42.

¹² Slin'ko D. M. Aksiomy i principy ugolovnogogo prava: razlichiya i sxodstva // Yuridicheskie zapiski molody'x uchenny'x i aspirantov. Yaroslavl', 2012, Vy'p. 12. S. 48–49.

¹³ Kartashov V. N. Teoriya pravovoj sistemy obshhestva : ucheb. posobie : v 2 t. Yaroslavl', 2005. T. 1. S. 101–102.

¹⁴ Voronov E. N. Principy i aksiomy v sudebnom prave // Izv. Yugo-Zapad. gos. un-ta. 2016. № 3. S. 58.

¹⁵ Maslennikov A. V. Pravovy'e aksiomy : dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2006. S. 13.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-52-58

УДК 343.214

Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона

Д. Р. КАСИМОВ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Удмуртского государственного университета

В статье анализируются семантические и функциональные возможности и пределы уголовно-правовых оценочных понятий. Выделяются два типа источников семантико-функциональной диспозитивности оценочных понятий: логико-языковые (содержание и объем оценочного понятия) и нормативно-функциональные (регулятивно-функциональный контекст уголовного закона и его конкретной нормы). Отмечается, что буквальное толкование некоторых оценочных понятий уголовного закона может привести к ошибочному восприятию заложенного в них законодателем смысла и, как следствие, неправильному применению соответствующей уголовно-правовой нормы. Делается вывод, что уголовно-правовые оценочные понятия, будучи опосредованными правовым дискурсом, обладают исчерпывающими функциональными возможностями и одновременно инвариантным, строго определенным (хотя и в генерализованном виде) содержанием и самоадаптирующимся к текущим реалиям понятийным объемом.

Ключевые слова: теория правового толкования; оценочные понятия; толкование оценочных понятий; семантико-функциональная диспозитивность; пределы оценочных понятий.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Касимов Д. Р. Семантико-функциональная диспозитивность в интерпретации оценочных понятий уголовного закона. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 52–58, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-52-58.

Semantic and functional optionality in the interpretation of evaluative concepts of criminal law

D. R. KASIMOV – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Udmurt State University

The article analyzes the semantic and functional capabilities and limits of criminal law evaluative concepts. There are two types of sources of semantic and functional optionality of evaluative concepts: logical and linguistic (the content and scope of the evaluative concept) and normative and functional (regulatory and functional context of the criminal law and its specific norm). At the same time it is noted that the literal interpretation of some evaluative concepts of the criminal law can lead to an wrong perception of the meaning laid down in them by the legislator and, as a consequence, to the incorrect application of the corresponding criminal law norm. It is concluded that criminal-legal evaluative concepts, being mediated by legal discourse, have exhaustive functional capabilities and at the same time invariant, strictly defined (albeit in generalized form) content and conceptual volume self-adapting to the current realities.

Key words: theory of legal interpretation; evaluative concepts; interpretation of evaluative concepts; semantic and functional optionality; the limits of evaluative concepts.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kasimov D. R. Semantic and functional optionality in the interpretation of evaluative concepts of criminal law. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 4 (14), pp. 52–58, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-52-58.

Отечественное уголовное законодательство конституируется на различных по характеру семантической определенности правовых нормах и их элементах (терминах, понятиях, категориях). Одни уголовно-правовые нормы (их элементы) характеризуются абсолютной семантической определенностью, не предоставляя субъектам права возможности их понимания, интерпретации и применения в отличном от нормативно подразумеваемого значения и смысла. При этом важно заметить, что в такого рода случаях законодателем может быть также предусмотрена семантическая альтернативность, что зависит от функционального предназначения нормы, характера означаемого такой нормой понятия и иных факторов. Другие же правовые нормы и входящие в них элементы, будучи точно и исчерпывающе не раскрытыми в УК РФ, являются источниками семантико-функциональной диспозитивности, что таит в себе опасность проявления субъективизма, приводящего к ошибочной интерпретации такой нормы и ее элементов, а в практической деятельности – к неправильному правоприменению. Именно ко второй группе относится такой вид юридических абстракций, как оценочные понятия.

Отсутствие точных, исчерпывающих и в то же время нормативно закрепленных условий применения оценочного понятия к конкретным ситуациям придает данным терминам юридико-техническую ценность не только с точки зрения текстуальной оптимизации уголовного закона, но и с позиции пробельной превенции, обеспечения повышенной стабильности и эффективности в правовом регулировании общественных отношений. Наряду с этим важно заметить, что использование законодателем оценочных понятий вовсе не свидетельствует о неопределенности содержания нормативного предписания, на что в своем определении акцентировал внимание Конституционный Суд Российской Федерации¹, поскольку семантический диапазон оценочного суждения (как впрочем, и функциональный его диапазон, коль скоро он исходит от языковых знаков) задается естественным языком и, что немаловажно, конкретизируется языком права, а потому такое понятие всегда будет иметь ядро своей определенности (хотя бы в виде лексического(-их) значения(-ий)). В то же время неопределенность, хотя и содержится в оценочных понятиях (причем в различных своих проявлениях), не обладает абсолютным характером, а представляется

в более конкретизированном для той или иной правовой ситуативной модели виде.

Говоря о семантической и функциональной диспозитивности оценочных понятий уголовного закона, следует обратить внимание на типы ее источников: логико-языковой (относится к логическим атрибутам оценочного понятия) и нормативно-функциональный (связан с функциональным предназначением соответствующей нормы права и ролью оценочного понятия в ее фактической реализации).

В первую очередь необходимо обозначить логико-языковой источник диспозитивности. Как известно, оценочное понятие, опосредуясь юридическим дискурсом, существует в той же логико-лингвистической действительности, что и иные лексические единицы естественного языка, вследствие чего ему также свойственны и общелогические атрибуты – содержание (отличительно-существенные признаки понятия и означаемого им объекта – предмета, явления, процесса, статуса и т. п.) и объем (предметная совокупность понятийно обозначаемого). Важно также отметить следующее: содержание оценочного понятия является неизменным в течение действия соответствующей редакции уголовного закона, в то время как объем понятия является динамичным атрибутом, самоадаптирующимся к сложившимся к моменту интерпретации социальным, экономическим, политическим, научно-техническим, морально-нравственным и иным реалиям действительности. Это обусловлено тем, что, во-первых, правом добавления к уголовно-правовому оценочному понятию новых существенных признаков наделен лишь законодатель, в противном случае интерпретатор будет волен самостоятельно изменять закон, что недопустимо, а во-вторых, объем такого понятия не поддается исчерпывающей сущностной и аксиологической детерминации в силу различных причин объективного характера (неизмеримость или трудноизмеряемость на данный момент состояний понятийно означаемых объектов, отсутствие способов точного и исчерпывающего определения их правозначимых состояний, отсутствие общепринятой системы оценки сущностных атрибутов понятийно обобщенных объектов и др.).

Исходя из изложенного, следует не согласиться с мнениями тех ученых², которые считают, что к оценочному понятию, обладающему открытой логической структурой, всегда может(-гут) быть добавлен(-ы) по-

мимо нормативно закрепленных признаков новый(-е) признак(-и). Интерпретатор, сталкиваясь с той или иной ситуацией, обнаруживает не новые сущностные признаки оценочного понятия, а новые формы проявления понятийно означаемого объекта (его конкретные состояния, характеризующиеся индивидуальным набором признаков, свойств и качеств, охватываемых содержанием оценочного понятия). Поэтому в суждении данных авторов ошибочно отождествляются существенные признаки оценочного понятия с индивидуальными, проявившимися в конкретной ситуации существенными признаками объекта, входящего в объем (а значит, и соответствующие содержанию) оценочного понятия. Однако УК РФ все же определяет содержание оценочного понятия, но не предусматривает прямой ссылки на потенциально возможные формы проявления означаемого таким содержанием.

Также следует подчеркнуть, что сведения о той или иной характеристике (признаке, свойстве, качестве) состояния объекта, подразумеваемого оценочным понятием, находятся не столько в норме права, сколько вне нормативного контекста – во неправовых стандартах оценки, эпистемологическим источником которых может быть любая сфера человеческого знания (химия, медицина, история, социология и др.). Поэтому содержание и объем оценочных понятий уголовного закона сущностно и аксиологически детерминируются и одновременно ограничиваются соответствующим(-и) неправовым(-и) стандартом(-ами) оценки, который(-е) должен(-ны) основываться на достоверных и объективно выраженных данных, так как результат интерпретации должен обладать верифицирующей потенциальностью – быть проверяемым не только с точки зрения самого интерпретатора, но и с позиций третьих лиц. Как отмечает О. М. Фисс, объективность в интерпретации закона означает, что предлагаемый субъектом вариант (результат) интерпретации «может быть измерен с помощью набора норм, которые выходят за рамки конкретной точки зрения лица, предлагающего интерпретацию»³.

Между тем в некоторых случаях законодатель конкретизирует логические атрибуты оценочного понятия нормативным контекстом, что возможно благодаря системности права, существованию функционально-систематических связей и отношений как между нормами уголовного закона, так и между нормами УК РФ и нормами функционально-

комплементарного ему нормативно-правового или иного акта. Причем такая нормативная конкретизация, осуществляемая законодателем лишь в отношении гомогенных по характеру обстоятельств (например, в отношении последствий деяния), проявляется либо в виде формально-номинативной дефиниции (когда содержащая оценочное понятие норма права лишь в обобщенном виде обозначает характер проявления такого понятия), либо посредством указания на конкретные, исключаемые из объема оценочного понятия формы проявления понятийно означаемых объектов. Так, в ч. 1 ст. 6 УК РФ для оценочных понятий «справедливое наказание» (ч. 1 ст. 6 и ч. 1 ст. 60 УК РФ) и «справедливая иная мера уголовно-правового характера» (ч. 1 ст. 6 УК РФ) установлена общая формально-номинативная дефиниция: назначаемое наказание или иная мера уголовно-правового характера должна «...соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Или, к примеру, законодателем конкретизировано такое оценочное понятие, как «тяжкие последствия» (ч. 4 ст. 183 УК РФ): исходя из контекста ст. 183 УК РФ в объем данного понятия не входит причинение любого материального ущерба, поскольку в ч. 3 ст. 183 УК РФ присутствует понятие «крупный ущерб», значение которого точно определено в примечании к ст. 170.2 УК РФ (ущерб, превышающий два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей). В таких случаях оценочное понятие мыслится в более конкретном виде, сужающем область познавательного-интерпретационного поиска. Однако такая конкретизация все же не способна уточнить смыслофункциональный потенциал оценочного понятия применительно к конкретной ситуации, так как он должен быть уточнен самим интерпретатором в рамках процесса истолкования и конкретизации такого понятия по отношению к проявившемуся ситуативному контексту.

Что касается нормативно-функционального источника диспозитивности, следует отметить, что функциональный потенциал оценочного понятия напрямую зависит от места и роли конкретной уголовно-правовой нормы в функционально-регулятивном механизме уголовного закона. Между тем функциональный потенциал оценочного понятия строго ограничен, во-первых, отведенной законодателем для той или иной нормы права регулятивной потенциальностью (характером и типом диспозитивности), а во-

вторых, нормативно предусмотренным модификационным влиянием оценочного понятия (каким образом и в какой мере) на функциональную реализацию соответствующей нормы к потенциально возможным случаям, функциональной синергетичностью такого понятия с другими элементами правовой нормы (если таковые имеются).

Выделяют следующие типы функционального применения уголовно-правовой нормы и входящего в нее оценочного понятия:

1. Однозначный (безальтернативный) тип. Данному типу свойственно то, что законодателем в соответствующей уголовно-правовой норме предусматривается безальтернативность в урегулировании общественных отношений, то есть наличие лишь одного способа применения и функционирования нормы в регулятивном механизме уголовного закона. В связи с чем оценочное понятие обладает точной и исчерпывающей функциональной потенцией, выход за которую влечет нарушение принципа законности (ст. 3 УК РФ). Так, функциональная потенция оценочного понятия «систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия» (ч. 4 ст. 90 УК РФ) выражена одним способом применения нормы – отменой названной меры и направлением материалов дела в суд для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности. Наряду с этим при однозначном типе те формы проявления понятийно означаемого, которые сущностно и аксиологически превышают минимально допустимый порог вхождения в семантику (нижний семантический предел) оценочного понятия, являются функционально и юридически инертными, неспособными более индивидуализировать условия общей применимости нормы к конкретной ситуации.

2. Альтернативный тип. Характеризуется наличием у соответствующей нормы, содержащей оценочное понятие, нескольких, явно выраженных и исчерпывающих вариантов ее функционального применения. При этом альтернативность может выражаться в следующих двух формах. Во-первых, как правомочие, то есть когда в отношении единственного функционального применения нормы уголовным законом предоставлено правомочие (а не обязанность) на реализацию такого нормативного положения, о чем свидетельствуют используемые законодателем формулировки «может», «может быть» и др. (как, например, в п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ для оценочного понятия «злостное уклонение осужденного от исполнения обязанно-

стей, возложенных на него судом»). Кроме того, необходимо также указать, что в крайне редких случаях управомочивающей по форме альтернативе может сопутствовать императивно обязывающее функциональное основание: например, для оценочного понятия «психическое расстройство, лишаящее лицо возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» (ч. 1 ст. 81 УК РФ), где безальтернативность проявляется в освобождении лица от наказания (в том числе уже применяемого к нему наказания), а управомочивающая альтернатива – в назначении либо неназначении принудительных мер медицинского характера. Во-вторых, в наличии двух или более (причем различных между собой) вариаций функциональной применимости конкретной уголовно-правовой нормы (а значит, и оценочного понятия). Так, для оценочного понятия «лицо, не представляющее опасности по своему психическому состоянию» (ч. 4 ст. 97 УК РФ) уголовным законом предусмотрены три правоприменительные альтернативы: либо лечение лица в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, либо направление лица в стационарные учреждения социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами, либо отказ от применения принудительных мер медицинского характера и решение вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности или освобождении от нее.

3. Поливариантный тип. В первую очередь следует подчеркнуть, что, в отличие от альтернативного типа, поливариантность, хотя и характеризуется исчерпывающим и в то же время семантически ясным функциональным потенциалом, однако в норме права (в той же, что и оценочное понятие, или в смежной ей норме) эксплицитно выражается лишь в генерализованной форме, указывая, как правило, на минимально и максимально допустимые пределы функциональной реализации такой нормы и оценочного понятия. К тому же при поливариантности количество потенциально возможных функциональных значений уголовно-правовой нормы (оценочного понятия) значительно больше, чем при обозначенном ранее альтернативном типе, так как функциональный потенциал задается либо только континуально-интервальным типом (что особенно характерно для оценочных понятий, напрямую обуславливающих срок или размер наказания, поскольку каждый единично возможный срок

(размер) конкретного вида наказания есть соответствующее функциональное значение), либо смешанным (детерминируемым как альтернативность между континуально-интервальным и дискретным (абсолютно определенным, в виде однозначного правоприменительного условия) характеристиками функциональных значений). К примеру, оценочное понятие «исключительные обстоятельства» (ч. 1 и 2 ст. 64, ч. 3 ст. 68 УК РФ) обладает как континуально-интервальным (в отношении наказания ниже низшего предела), так и дискретным (в отношении назначения более мягкого вида наказания, чем предусмотрен соответствующей статьей, а также неприменения дополнительного вида наказания, предусмотренного в качестве обязательного, либо положения ст. 64 УК РФ вообще) характеристиками функциональных значений.

Относительно альтернативного и поливариантного типов следует также указать, что решение о применении того или иного функционального значения нормы зависит не только от характера соответствующих обстоятельств, но и от убежденности правоприменителя в необходимости, целесообразности и эффективности применения конкретного положения в отношении сложившейся ситуации.

Обозначенные типы функционального применения уголовно-правовой нормы и оценочного понятия свидетельствуют, с одной стороны, о многообразии их функционально-регулятивного предназначения, а с другой – об их конечных функциональных возможностях, проявляющихся в семантически точных (например, конкретный диапазон сроков или размеров того или иного наказания, установленный статьями Общей части и санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ, название законодателя в норме конкретного (не обладающего неясностью) правоприменительного действия и т. п.) и одновременно типовых по характеру формах выражения.

Таким образом, логико-языковые и нормативно-функциональные источники диспозитивности оценочных понятий устанавливают те семантико-функциональные параметры понятийно означаемого, которые соответствуют подлинному смыслу уголовного закона, его регулятивному предназначению.

Между тем резонно возникает вопрос: может ли уголовно-правовое оценочное понятие подлежать ограничительному и распространительному толкованию? Исходя из

анализа УК РФ, следует указать, что если говорить о нормативно подлинной семантико-функциональной сущности оценочных понятий, то такие понятия, во-первых, лишь в некоторых уголовно-правовых нормах действительно подлежат ограничительному или распространительному толкованию, в других же они толкуются по своему буквальному значению, а во-вторых, не способны одновременно интерпретироваться и представлять конечный (пригодный для практического использования) результат с позиций разных видов толкования (буквального, ограничительного и распространительного). Это объясняется тем, что если бы оценочное понятие всегда могло применяться как по буквальному, так и по ограничительному и распространительному смыслам и значениям, то нарушался бы в первую очередь принцип законности (ст. 3 УК РФ), а потому воспринимать и толковать оценочное понятие интерпретатор смог бы по своему разумению и собственному видению конкретной ситуации; однако все же применять такое понятие и содержащую его норму права интерпретатор не смог бы шире тех функциональных пределов, которые заложены в норме, в противном случае налицо явное пренебрежение нормами права, влекущее предусмотренную законом ответственность.

Так, оценочное понятие «значительный ущерб гражданину» (к примеру, в п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 160 УК РФ и др.) при буквальном толковании подразумевает определенный, необходимый для образования состава преступления статус потерпевшего – гражданин, то есть лицо, обладающее каким-либо гражданством (российским, иностранным или несколькими одновременно). При таком толковании оценочного понятия апатрид (лицо без гражданства) не сможет являться потерпевшим, а потому на него не распространяются те уголовно-правовые нормы, которые содержат названное оценочное понятие. Рассуждая подобным образом, интерпретатор, конечно же, искажает действительную волю законодателя, так как уголовный закон основывается на фундаментальном принципе равенства лиц перед законом (ст. 4 УК РФ), исключение которого из интерпретационной и, в особенности, правоприменительной деятельности попросту недопустимо, иначе это приведет к дискриминации по признаку гражданства. Поэтому оценочное понятие «значительный ущерб гражданину» в соответствующих уголовно-правовых нормах следует отчасти (в

отношении термина «гражданин») толковать распространительно.

Применительно к ограничительному толкованию следует привести следующий пример. Если в контексте п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ буквально интерпретировать оценочное понятие «иные тяжкие последствия», то в объем данного понятия может быть включено любое, помимо указанных в ст. 334 УК РФ, последствие тяжкого характера, даже, например, «умышленное причинение смерти человеку» (п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ; при отсутствии иных квалифицирующих деяние обстоятельств). Однако в данном случае оценочное понятие «иные тяжкие последствия» нельзя толковать буквально, потому что нарушается один из фундаментальных принципов построения и существования правовой материи – ее системность; в связи с чем убийство не является одной из форм проявления «иных тяжких последствий» в контексте п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ.

Поскольку «возможность искажения изначального смысла в ходе его интерпретации вполне реальна»⁴, то, прибегая к ограничительному или распространительному толкованию уголовно-правовых оценочных понятий, следует иметь в виду, что, во-первых, при интерпретации адаптивной корректировке подлежит не функциональный потенциал оценочного понятия (изменить который может лишь законодатель), а его семантический диапазон, а во-вторых, предельность допустимых и одновременно необходимых семантических изменений напрямую регулируется целями, задачами, принципами, а также функционально-систематическими связями (отношениями) уголовного закона, общими положениями о применении той или иной функциональной группы уголовно-правовых норм (например, положениями о назначении наказания), семантикой оценочного понятия и содержащей его нормы права и т. п. Как верно подмечает Т. Я. Хабриева, «...нельзя истолковать шире того содержания норм, которое означает их максимально допустимый радиус регулирования»⁵.

Помимо этого, следует заметить, что, например, Г. С. Беляева и К. А. Белоусова указывают на невозможность истолковать оценочные понятия (любые, не только уголовно-правовые) распространительно или ограничительно, так как «правоприменитель при их уяснении находится в рамках вербальной содержательной структуры, созданной законодателем»⁶. Поскольку оценочное понятие есть языковой

знак, опосредованный юридическим дискурсом, а значит, имеющий свои, отличные от общеупотребительного (лексического) поля специально-юридических значений и смыслов, то, по мнению автора, прибегать только лишь к буквальному (естественно-языковому) истолкованию такого понятия означает «объективно вменять» семантическому диапазону оценочного понятия те значения и смыслы, которые постулируются исключительно естественным языком (то есть без учета особенностей семантики языка права). В связи с чем ценно замечание М. Д. Шаргородского, который акцентировал внимание на том, что невозможно «следовать одному лишь буквальному применению закона», поскольку «такое слепое применение закона может часто привести к выводам, которых законодатель вовсе не желал»⁷, в чем можно было убедиться на вышеуказанных примерах. К тому же, если бы нормы права всегда толковались лишь буквально, то в юридической науке не существовали бы иные способы толкования, кроме как языкового и логического, в связи с чем не было бы необходимости использовать функциональный, исторический, систематический и иные способы интерпретации. Поэтому, толкуя уголовно-правовое (как и любое другое) оценочное понятие, необходимо прежде всего в превентивных целях скептически относиться к текстуально отображенному в норме права (иначе говоря, буквальному) значению какого-либо оценочного понятия (в том числе конституирующих его слов), поскольку такое значение, являясь по своей сути значением «по умолчанию», так или иначе семантически и тем более функционально конкретизируется нормативным контекстом, ведь праву свойственно «регулировать общественные отношения не только по “букве”, но и по “духу закона”»⁸. Между тем нельзя преуменьшать роль естественного языка в интерпретации (как и в праве в целом, потому что «без языка нет и не может быть правового регулирования»⁹), так как именно естественный язык, являясь одним из основных инструментов семантического препарирования текстуально выраженной законодательной мысли, обеспечивает для субъектов права доступность восприятия и уяснения семантики оценочного понятия, задавая инвариантное ядро его определенности в виде лексического(-их) значения(-й).

Таким образом, ограничительно или распространительно толковать оценочные понятия уголовного закона интерпретатор может лишь в строго определенных, регу-

лятивно подразумеваемых случаях, обнаружению которых содействуют его теоретические знания (включая знание действующего законодательства), индивидуальное правосознание, а также иные факторы. Кроме этого, важно подчеркнуть, что интерпретатор в процессе толкования любых оценочных понятий может ограничительно или распространительно истолковать такое понятие (например, в рамках логического приема «*reductio ad absurdum*» – доведение до абсурда) в целях семантико-функциональной

верификации принимаемого им решения, повышения уверенности и необходимости принятия именно такого, а не какого-либо другого решения.

В заключение следует сказать, что уголовно-правовое оценочное понятие все же не есть абсолютная абстракция, а представляет собой контекстно соотнесенную (а значит, семантически конкретизированную) и функционально предельную лексическую единицу, существующую в едином дискурсивном пространстве уголовного закона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21.02.2008 № 120-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Жеребкин В. Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 136; Кобзева Е. В. Оценочные признаки в уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 114; Фетисов О. Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 43; Рясина А. С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 54.

³ Fiss O. M. Objectivity and interpretation // *Stanford Law Review*. 1982. Vol. 34, no. 4. P. 744.

⁴ Грязин И. Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983. С. 52.

⁵ Хабриева Т. Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 6. Теория толкования права. Теория правотворчества. Концепции развития законодательства. М., 2018. С. 111.

⁶ Белоусова К. А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019. С. 111; Беляева Г. С., Белоусова К. А. Оценочные категории в праве: общетеоретическое исследование : моногр. М., 2020. С. 62.

⁷ Шаргородский М. Д. Толкование уголовного закона // Учен. зап. ЛГУ. Сер. : Юрид. науки. 1948. № 106. Вып. 1. С. 290.

⁸ Иншаклова А. О. Трудности использования оценочных категорий в межотраслевых юридических исследованиях: причины и следствия // Правов. парадигма. 2019. Т. 18. № 2. С. 8.

⁹ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : моногр. М., 2012. С. 13.

¹ Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Yanovicha Maksima Vladimirovicha na narushenie ego konstitucionny`h prav punktom 1 stat`i 1064, punktom 1 stat`i 1079 i abzecem vtory`m punkta 2 stat`i 1083 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii : opredelenie Konstitucz. Suda Ros. Federacii ot 21.02.2008 № 120-O-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».

² Zhrebkin V. E. Logicheskij analiz ponyatij prava. Kiev, 1976. S. 136; Kobzeva E. V. Ocenochny`e priznaki v ugovolnom zakone : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2002. S. 114; Fetisov O. E. Ocenochny`e ponyatiya v prave: problemy` teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk. Tambov, 2009. S. 43; Rjasina A. S. Ocenochny`e kategorii: obshheteoreticheskij i npravstvenno-pravovoj aspekty` : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2012. S. 54.

³ Fiss O. M. Objectivity and interpretation // *Stanford Law Review*. 1982. Vol. 34, no. 4. P. 744.

⁴ Gryazin I. Tekst prava (opy`t metodologicheskogo analiza konkuriruyushhix teorij). Tallin, 1983. S. 52.

⁵ Habrieva T. Ya. Izbranny`e trudy`: v 10 t. T. 6. Teoriya tolkovaniya prava. Teoriya pravotvorchestva. Konceptii razvitiya zakonodatel`stva. M., 2018. S. 111.

⁶ Belousova K. A. Ocenochny`e kategorii v prave: voprosy` teorii i praktiki : dis. ... kand. yurid. nauk. Belgorod, 2019. S. 111; Belyaeva G. S., Belousova K. A. Ocenochny`e kategorii v prave: obshheteoreticheskoe issledovanie : monogr. M., 2020. S. 62.

⁷ Shargorodskij M. D. Tolkovanie ugovolnogo zakona // Uchen. zap. LGU. Ser. : Yurid. nauki. 1948. № 106. Vy`p. 1. S. 290.

⁸ Inshakova A. O. Trudnosti ispol`zovaniya ocenochny`x kategorij v mezhotraslevy`x yuridicheskix issledovaniyax: prichiny` i sledstviya // Pravov. paradigma. 2019. T. 18. № 2. S. 8.

⁹ Cherdancev A. F. Logiko-yazykovy`e fenomeny` v yurisprudencii : monogr. M., 2012. S. 13.

Проблемы реализации уголовного наказания в виде принудительных работ

Р. В. КОМБАРОВ – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Статья посвящена рассмотрению некоторых существующих на сегодняшний день проблем в сфере реализации уголовного наказания в виде принудительных работ. Анализируется практика применения данного наказания, выявляются сложности правового регулирования его реализации, предлагаются соответствующие пути их преодоления. В частности, рассматриваются вопросы назначения судами принудительных работ и направления осужденных к месту отбывания наказания, очерчивается круг лиц, в отношении которых не целесообразно назначение наказания в виде принудительных работ, проводится анализ схожих по своему содержанию порядка и условий отбывания наказания в виде принудительных работ и лишения свободы с отбыванием наказания в колониях-поселениях. Особое внимание уделено проблемам трудоустройства осужденных к принудительным работам как во время отбывания наказания, так и после освобождения, а также вопросам их медицинского обслуживания.

Ключевые слова: уголовное наказание; принудительные работы; исправительный центр; осужденный; труд; колония-поселение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Комбаров Р. В. Проблемы реализации уголовного наказания в виде принудительных работ. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 59–63, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-59-63.

Implementation problems of forced labor

R. V. KOMBAROV – Associate Professor of the Department of Penitentiary Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law

The article is devoted to the consideration of some of the current problems in the implementation of criminal punishment in the form of forced labor. The practice of applying this punishment is analyzed, the difficulties of legal regulation of its implementation are revealed and appropriate ways to overcome them are proposed. In particular the issues of the appointment of forced labor by the courts and the direction of convicts to the place of serving the sentence are considered, the circle of persons in relation to whom it is not advisable to impose a sentence in the form of forced labor is considered, the analysis is carried out of the similar in content order and conditions for serving a sentence in the form of forced labor and deprivation freedom with serving punishment in colonies-settlements. Particular attention is paid to the problems of employment of those convicted to forced labor both during serving their sentences and after their release as well as to the issues of their medical care.

Keywords: criminal punishment; forced labor; correctional center; convict; work; colony-settlement.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Kombarov R. V. Implementation problems of forced labor. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 59–63, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-59-63.

Широкое применение наказания в виде лишения свободы как традиционного метода борьбы с преступностью показало свою недостаточную эффективность. На сегодняшний день уголовно-исполнительная политика направлена на широкое применение уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, что позволяет не изолировать осужденного от общества и не разрывать его социально полезные связи.

Кроме того, система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением, как это устанавливается в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением.

Принудительные работы были включены в систему уголовных наказаний с целью расширения возможностей суда в сфере назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Первоначально датой начала его исполнения было обозначено 1 января 2013 г. Вместе с тем по ряду организационно-финансовых причин введение принудительных работ несколько раз откладывалось, и их применение началось только в начале 2017 г.

Поправки в УК РФ, внесенные федеральным законом от 18.07.2019 № 179-ФЗ¹, позволили с 1 января 2020 г. создавать участки исправительных центров на предприятиях с проживанием осужденных в общежитиях, созданных при них. В связи с этим по состоянию на 28 сентября 2020 г. в 75 территориальных органах ФСИН России было создано 18 исправительных центров (далее – ИЦ) и 87 участков, функционирующих как исправительные центры (далее – УФИЦ), с общей возможностью размещения 6889 чел.²

Принудительные работы как основной вид наказания назначаются достаточно редко, при этом суды удовлетворяют значительное число ходатайств осужденных о замене ими лишения свободы в порядке ст. 80 УК РФ.

Обратим внимание на одну особенность назначения судами принудительных работ. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58³ отмечается необходимость указывать в резолютивной части приговора вначале на назначение наказания в виде лишения свободы на определенный срок, а затем на замену лишения свободы принудительными работами. Вместе с тем данное требование противоречит положению ч. 1 ст. 60 УК РФ, согласно которой более строгий вид наказа-

ния назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. Получается, что суд изначально убежден в назначении наказания в виде лишения свободы и отвергает возможность назначения другого вида уголовного наказания, после чего приходит к выводу о возможности исправления осужденного без лишения свободы и заменяет его на принудительные работы⁴.

Нами разделяется точка зрения авторов, считающих, что принудительные работы должны быть самостоятельным видом наказания и назначаться независимо от лишения свободы⁵. В связи с этим представляется необходимым внести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 53 УК РФ.

Следует также вернуться к вопросу создания ИЦ (УФИЦ). По сути, принудительные работы – это уголовное наказание, повторяющее собой наказание в виде ограничения свободы, существовавшее до 2009 г., которое так и не было реализовано по причине отсутствия ИЦ. С введением принудительных работ перед государством встала старая проблема: где взять деньги на строительство ИЦ. Выход был найден и заключался в репрофилировании имеющихся исправительных учреждений или создании УФИЦ. Тем самым удалось уменьшить расходы на создание новых исправительных центров и при этом не увеличивать штат сотрудников.

Если создание ИЦ (УФИЦ) в каждом субъекте Российской Федерации – дело ближайшего времени, то на повестке все еще остро стоит вопрос их достаточного количества, позволяющего минимизировать перемещение осужденных с места постоянного жительства: в ряде случаев приходится сталкиваться с необходимостью направления осужденных для отбывания наказания в регионы, значительно удаленные от их места жительства, что связано с отсутствием свободных мест в ИЦ (УФИЦ) некоторых субъектов Российской Федерации. Это приводит к утрате социально полезных связей и дальнейшим трудностям в процессе их социальной адаптации после освобождения. С увеличением количества осужденных к принудительным работам тема эта будет звучать все более остро. Потребуется расширение сети ИЦ (УФИЦ), в том числе создание нескольких таких учреждений в рамках одного региона, как минимум в крупных городах, обладающих возможностью трудоустройства осужденных к принудительным работам.

Нет ясности и в отношении круга лиц, которым не может быть назначено наказание в виде принудительных работ. Не понятно, почему в их числе называются женщины, достигшие 55-летнего возраста, и мужчины, достигшие 60-летнего возраста. Поэтапное увеличение пенсионного возраста до 60 лет у женщин и до 63 лет у мужчин требует внесения соответствующих изменений в нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. На наш взгляд, следует установить запрет на назначение принудительных работ, используя формулировку «лицам, которые достигли возраста, дающего право на пенсию по старости».

Представляется весьма разумным, кроме того, дополнить перечень лиц, которым может назначаться данный вид уголовного наказания, такой категорией, как мужчины, являющиеся единственным родителем детей в возрасте до трех лет⁶.

Стоит отдельно остановиться на вопросе привлечения к принудительным работам иностранных граждан. В соответствии с п. 5 ч. 9 ст. 18 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁷ разрешение на работу иностранному гражданину не выдается, а выданное разрешение на работу аннулируется, если он осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение преступления. Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду, в связи с чем возникают сомнения в законности трудовой деятельности осужденного иностранного гражданина. Тут видится два пути: внесение соответствующих изменений в российское законодательство с целью разрешения таким осужденным трудиться на территории Российской Федерации или запрет назначения принудительных работ иностранным гражданам, совершившим уголовно наказуемое деяние.

Одной из проблем реализации принудительных работ является размещение в одном месте отбывания наказания разных категорий осужденных: лиц, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена более мягким видом наказания в порядке ст. 80 УК РФ, и лиц, которые осуждены впервые, а также мужчин и женщин. Безусловно, различная криминальная запущенность является фактором возникновения конфликтов, роста криминальной зараженности. В связи с этим все чаще звучит мнение о потребности в дифференцированном содержании лиц⁸. Скорее, с этой позицией стоит согласиться при

условии, что раздельное содержание будет организовано в рамках одного ИЦ (УФИЦ). Разделение же самих ИЦ (УФИЦ) по категориям осужденных считаем чрезмерным и неуместным ввиду и так недостаточного их количества. Кроме того, не стоит забывать, что принудительные работы относятся к альтернативным видам уголовного наказания и не требуют введения излишних режимных требований, свойственных исправительным учреждениям. На сегодняшний день порядок и условия отбывания наказания в виде принудительных работ и без того во многом совпадают с отбыванием лишения свободы в колониях-поселениях. Между тем в ряде случаев принудительные работы предполагают более строгие условия. Так, осужденным в колониях-поселениях выезды предоставляются на срок до семи суток (п. «а» ч. 1 ст. 97 УИК РФ), а осужденным к принудительным работам – до пяти суток (ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ). Осужденному к принудительным работам выезд за пределы ИЦ (УФИЦ) на период ежегодного оплачиваемого отпуска разрешен только в случае отсутствия взысканий, а в колониях-поселениях длительный выезд на время ежегодного оплачиваемого отпуска может быть предоставлен осужденному даже с непогашенным взысканием. Считаем, что ввиду меньшей строгости уголовного наказания (ст. 44 УК РФ) необходимо законодательно установить более льготные условия для осужденных к принудительным работам по сравнению с осужденными к лишению свободы, отбывающими наказание в колониях-поселениях.

Продолжая тему схожести условий отбывания в ИЦ (УФИЦ) и колониях-поселениях, следует вспомнить о неутраченных спорах в целом о целесообразности принудительных работ как отдельного вида наказания. Одни авторы предлагают сделать принудительные работы подвидом исправительных работ⁹, другие – отменить отбывание лишения свободы в колониях-поселениях¹⁰ или объединить в один вид уголовного наказания лишение свободы в колонии-поселении и принудительные работы¹¹. Позволим себе не согласиться с этими мнениями. Принудительные работы являются своего рода промежуточным звеном между наказаниями, связанными с изоляцией от общества, и наказаниями, не связанными с ней. С одной стороны, осужденные проживают под надзором в общежитиях исправительного центра, с другой – трудятся, обучаются, лечатся и в ряде случаев могут проживать за преде-

лами последнего. Кроме того, большее разнообразие уголовных наказаний позволяет суду определить наиболее оптимальное с учетом характера совершенного преступления, личности виновного, его отношения к совершенному преступлению и т. д.

Основным условием отбывания рассматриваемого нами наказания является обязательное привлечение осужденных к труду. При этом на администрацию ИЦ (УФИЦ) возлагается обязанность по поиску необходимого количества мест работы с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и по возможности специальности. Нежелание большинства работодателей брать на работу осужденных в ряде случаев объясняется отсутствием у последних профессионального образования, стажа и навыков работы. Некоторые осужденные по прибытии в ИЦ (УФИЦ) не имеют обязательных для трудоустройства документов. При этом основной проблемой остается ограниченность рынка труда в месте дислокации ИЦ (УФИЦ). Количество даже таких вакансий, как разнорабочий, подсобный рабочий, грузчик, уборщик и т. д., не безгранично. Часть ИЦ (УФИЦ) находится в небольших городах и поселках, где шансы на увеличение рабочих мест невелики, а выбор профессий оставляет желать лучшего. Безусловно, при трудоустройстве осужденных нельзя обойтись без помощи органов местного самоуправления, на территории которых расположен ИЦ (УФИЦ).

Расширение судебной практики назначения принудительных работ может привести к проблеме трудоустройства на неквалифицированные должности. Впрочем, и сам по себе неквалифицированный труд исключает хорошую зарплату, тем самым осложняя стимулирование социально полезного поведения осужденных. Кроме того, работа по таким профессиям не развивает у осужденного навыки по специальности, которую он имел до осуждения и которые были бы ему полезны после освобождения.

Существует вариант трудоустройства осужденных в УФИЦ. В таком случае рабочие места может предоставлять сама колония, при которой создан данный УФИЦ. Однако со временем проблема нехватки мест для трудовой деятельности коснется и этих учреждений. При этом данный вариант не снимает последующих проблем трудоустройства осужденных после освобождения.

В целом тяжелая социально-экономическая обстановка и уровень безработицы

могут негативно сказаться на трудоустройстве осужденных к принудительным работам и востребованности их на рынке труда. В связи с этим полагаем, что необходимо предусмотреть возможность самостоятельного подбора рабочего места осужденным, но с разрешения администрации ИЦ (УФИЦ). Кроме того, нами разделяется точка зрения авторов, придерживающихся мнения, что осужденным к принудительным работам необходимо дать возможность трудоустройства у индивидуальных предпринимателей¹². Полагаем, что в ряде случаев это решит вопрос нехватки рабочих мест, а также позволит осужденному реализовать свои трудовые навыки и умения по профессии, которой он планирует заниматься после освобождения. Таким образом, следует исключить из ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ норму о том, что осужденные к принудительным работам привлекаются к труду только в организациях.

Необходимо, чтобы после отбытия уголовного наказания в общество возвращались законопослушные граждане, уважающие традиционные человеческие ценности, способные адаптироваться в обществе, чему в немалой степени способствует трудоустройство после освобождения. Вопросы трудоустройства после освобождения должны решаться наравне с вопросами трудоустройства в период отбывания наказания. Важно, чтобы та профессия, которой будет заниматься осужденный к принудительным работам, была в первую очередь полезна и необходима ему в жизни после отбытия наказания.

Также весьма остро стоит вопрос медицинского обслуживания осужденных к принудительным работам. Соответствующие услуги данной категории лиц предоставляются медицинскими организациями государственной или муниципальной систем здравоохранения. При этом в некоторых случаях ИЦ (УФИЦ) расположены от них весьма отдаленно, что приводит к возникновению ряда трудностей. Введение в штат ИЦ (УФИЦ) медицинского работника не снимает вопросов обслуживания медицинскими специалистами по профилю.

В заключение подчеркнем, что, несмотря на существующие проблемы реализации принудительных работ, введение в действие данного вида уголовного наказания уже является позитивным моментом в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.07.2019 № 179-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 29 (ч. I). Ст. 3846.

² В ФСИН России состоялось заседание коллегии по вопросам расширения сети исправительных центров. URL: http://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=523926 (дата обращения: 27.10.2020).

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 22.12.2015 № 58 // Рос. газ. 2015. 29 дек. (№ 295).

⁴ Корягина С. А., Кравченко И. О. Принудительные работы: реальность и перспективы // Baikal research journal. 2020. Т. 11, № 2. С. 21.

⁵ Ромашова М. В. Организация исполнения наказания в виде принудительных работ // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Рязань, 2020. С. 219–222; Воронова Ю. Э. Принудительные работы, их назначение и исполнение // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. / сост. В. А. Овченков. Пермь, 2020. С. 25–28; Ширяева О. А., Николаева Т. В. Принудительные работы в российском уголовном праве (проблемы правоприменения) // Актуал. проблемы права и гос-ва в XXI в. 2020. Т. 12, № 1. С. 269–272; Дворянсков И. В. Правовые проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ // Актуальные вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. Н. Некрасова. Вологда, 2017. С. 57–66.

⁶ Тасаков С. В. Принудительные работы в системе наказаний уголовного законодательства Российской Федерации и проблемы их правоприменения // Актуал. проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 210–215.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

⁸ Ромашова М. В. Организация исполнения наказания в виде принудительных работ // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и пути их решения. С. 219–222.

⁹ Нечаев Е. В. Перспективы трансформации наказания в виде принудительных работ // Уголов.-исполнит. право. 2018. Т. 13 (1-4), № 1. С. 45–49.

¹⁰ Парфиненко И. П., Антоненко А. С. Колонии-поселения как альтернатива принудительных работ // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2014. С. 85–87.

¹¹ Царева Е. А. Эволюционный путь развития уголовного наказания в виде принудительных работ // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XIX Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк, 2019. С. 74–76.

¹² Давыденко А. В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Рос. юстиция. 2018. № 10. С. 37–40.

¹ O vnesenii izmenenij v Ugolovno-ispolnitel'ny'j kodeks Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 18.07.2019 № 179-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2019. № 29 (ch. I). St. 3846.

² V FSIN Rossii sostoyalos' zasedanie kollegii po voprosam rasshireniya seti ispravitel'ny'x centrov. URL: http://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=523926 (data obrashheniya: 27.10.2020).

³ O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugovolnogo nakazaniya : postanovlenie Plenuma Verxov. Suda Ros. Federacii ot 22.12.2015 № 58 // Ros. gaz. 2015. 29 dek. (№ 295).

⁴ Koryagina S. A., Kravchenko I. O. Prinuditel'ny'e raboty' : real'nost' i perspektivy' // Baikal research journal. 2020. T. 11, № 2. S. 21.

⁵ Romashova M. V. Organizaciya ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'ny'x rabot // Aktual'ny'e problemy' organizacii deyatel'nosti organov i uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy' i puti ix resheniya : materialy' mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ryazan', 2020. S. 219–222; Voronova Yu. E'. Prinuditel'ny'e raboty', ix naznachenie i ispolnenie // Penitenciar'naya sistema i obshhestvo: opyt' vzaimodejstviya : sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / sost. V. A. Ovchenkov. Perm', 2020. S. 25–28; Shiryaeva O. A., Nikolaeva T. V. Prinuditel'ny'e raboty' v rossijskom ugovolnom prave (problemy' pravoprimereniya) // Aktual. problemy' prava i gos-va v XXI v. 2020. T. 12, № 1. S. 269–272; Dvoryanskov I. V. Pravovy'e problemy' ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'ny'x rabot // Aktual'ny'e voprosy' naznacheniya i ispolneniya ugovolny'x nakazaniy : sb. nauch. tr. / pod obshh. red. V. N. Nekrasova. Vologda, 2017. S. 57–66.

⁶ Tasakov S. V. Prinuditel'ny'e raboty' v sisteme nakazaniy ugovolnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i problemy' ix pravoprimereniya // Aktual. problemy' e'konomiki i prava. 2015. № 3. S. 210–215.

⁷ Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2002. № 30. St. 3032.

⁸ Romashova M. V. Organizaciya ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'ny'x rabot // Aktual'ny'e problemy' organizacii deyatel'nosti organov i uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy' i puti ix resheniya. S. 219–222.

⁹ Nechaev E. V. Perspektivy' transformacii nakazaniya v vide prinuditel'ny'x rabot // Ugolov.-ispolnit. pravo. 2018. T. 13 (1-4), № 1. S. 45–49.

¹⁰ Parfinenko I. P., Antonecz A. S. Kolonii-poseleniya kak al'ternativa prinuditel'ny'x rabot // Deyatel'nost' pravooxranitel'ny'x organov v sovremenny'x usloviyax : materialy' XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 2014. S. 85–87.

¹¹ Czareva E. A. E'volucionny'j put' razvitiya ugovolnogo nakazaniya v vide prinuditel'ny'x rabot // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki : materialy' XIX Vseros. nauch.-prakt. konf. / отв. red. A. G. Chirikov. Novokuzneczk, 2019. S. 74–76.

¹² Davy'denko A. V. Problemy' ispolneniya ugovolnogo nakazaniya v vide prinuditel'ny'x rabot // Ros. yusticiya. 2018. № 10. S. 37–40.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-64-68
УДК 343.28.29

О некоторых вопросах направления в исправительный центр осужденных к принудительным работам

П. Н. КРАСОТКИН – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук;

А. Н. ЛАСТОЧКИН – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье рассматривается порядок направления в исправительный центр (участок исправительного учреждения, функционирующий как исправительный центр) осужденных к принудительным работам. На основе исследования, проведенного в январе 2019 г., были выявлены такие проблемы организационно-правового характера, как неопределенность термина «уполномоченный работник», порядок направления сообщения о сроке прибытия осужденного в учреждение, особенности обеспечения осужденных денежными средствами на оплату проезда и продуктами питания на время проезда к месту дислокации учреждения, порядок оформления акта об отказе от получения предписания, сроки вручения предписания. Авторами внесены предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: уголовное наказание; принудительные работы; исправительный центр; сотрудник; уголовно-исполнительная инспекция.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Красоткин П. Н., Ласточкин А. Н. О некоторых вопросах направления в исправительный центр осужденных к принудительным работам. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 64–68, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-64-68.

On some issues of sending convicts to forced labor to a correctional center

P. N. KRASOTKIN – Senior Lecturer of the Department of Penitentiary Law and Criminology of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law;

A. N. LASTOCHKIN – Senior Researcher of the Research Laboratory of the Organizational and Scientific Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Pedagogics, Associate Professor

The article discusses the procedure for sending convicts to forced labor to a correctional center (a section of a correctional institution that functions as a correctional center). On the basis of a study conducted in January 2019 such problems of an organizational and legal nature were identified as the ambiguity of the term "authorized employee", the procedure for sending a message about the time of arrival of the convict to the institution, the peculiarities of providing convicts with money to pay for travel and food for time of travel to the place of location of the institution, the procedure for issuing an act of refusal to receive an order, terms of delivery of the order. The authors made proposals for improving Russian legislation and law enforcement practice.

Key words : criminal punishment; forced labor; correctional center; employee; criminal executive inspection.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law/

For citation : Krasotkin P. N., Lastochkin A. N. On some issues of sending convicts to forced labor to a correctional center. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 64–68, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-64-68.

В условиях изменения уголовной и уголовно-исполнительной политики государства наибольшее значение приобретают наказания, не связанные с изоляцией от общества, среди которых особое место занимают принудительные работы.

Принудительные работы в современном виде были введены в ст. 44 УК РФ Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, начали исполняться с 1 января 2017 г.² лишь после проведения ряда организационно-правовых мероприятий.

На сегодняшний день необходимость существования принудительных работ как вида уголовного наказания неоспорима, поскольку они представляют промежуточным звеном между наказаниями, связанными с изоляцией от общества (содержит возможность проживания осужденных под надзором в общежитиях исправительного центра (ИЦ) и др.), и наказаниями, не связанными с изоляцией от общества (возможность проживания, обучения, лечения, трудовой занятости осужденных за пределами исправительного центра и др.).

Более того, в разд. I Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.³ указано, что в результате проводимой государственной политики, расширяющей возможности применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества (ограничение свободы, принудительные работы), численность лиц, находящихся в местах принудительного содержания, продолжает последовательно снижаться.

Несмотря на очевидный потенциал, которым располагает данный вид наказания, суды с остороженностью назначают принудительные работы, отдавая предпочтение другим санкциям норм УК РФ.

Практика назначения наказаний в виде принудительных работ показала в 2017–2020 гг. стабильный рост. Так, согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г.

к наказанию в виде принудительных работ было осуждено 523 чел., в 2018 г. – 1038 чел. (+98,5 % к 2017 г.), в 2019 г. – 1462 чел. (+40,8 % к 2018 г.), в 2020 г. – 947 чел. (–35,2 % к 2019 г.)⁴.

По состоянию на 1 июня 2021 г. в состав уголовно-исполнительной системы России входят 29 исправительных центров и 88 изолированных участков исправительных учреждений, функционирующих как исправительные центры (УФИЦ), в которых состоят на учете 7845 осужденных к принудительным работам⁵. Учитывая, что наше государство состоит из 85 субъектов, существующего количества самостоятельных центров явно недостаточно.

Практика применения принудительных работ показывает, что остается ряд нерешенных вопросов, среди которых следует выделить порядок направления осужденных к месту отбывания наказания, находящихся к моменту вступления приговора в законную силу на свободу (ст. 60.2 УИК РФ).

Результаты исследования, проведенного в четырех исправительных центрах (в Приморском и Ставропольском краях, Тамбовской и Тюменской областях) и восьми УФИЦ (в республиках Башкортостан и Карелии, Забайкальском крае, Архангельской, Кемеровской, Новосибирской, Самарской и Смоленской областях), в которых на январь 2019 г. содержалось 533 осужденных, показали, что из 426 (80 %) осужденных к принудительным работам, прибывших самостоятельно, 242 (57 %) находились к моменту вступления приговора суда в законную силу на свободе.

В соответствии с ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ, п. 7 разд. II приказа Минюста России от 24.09.2020 № 220 «Об утверждении Порядка направления осужденных к месту отбывания принудительных работ и их перевода для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного центра в другой»⁶ (далее – Приказ № 220) территориальный орган уголовно-исполнительной системы по месту жительства (осуждения) осужденного через компетентных лиц вручает ему пред-

писание о направлении к месту отбывания принудительных работ.

Также, исходя из положений п. 7 разд. II Приказа № 220, осужденный должен явиться в территориальный орган или ближайшее к месту жительства осужденного учреждение, поскольку при невозможности это сделать к осужденному будет направлен уполномоченный работник.

Проведенное исследование показало, что в качестве уполномоченного работника выступают филиалы/межмуниципальные филиалы уголовно-исполнительных инспекций. Так, количество осужденных, прибывших в ИЦ (УФИЦ) по предписанию, выданному инспекцией, составило 169 чел., или 67 %.

Следует отметить, что прямое указание на осуществление мероприятий по направлению осужденных в ИЦ (УФИЦ) за инспекциями нормативно не закреплено (ни в УИК РФ, ни в Постановлении Правительства Российской Федерации от 16.06.1997 № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности»⁷).

Тем не менее у территориальных органов на это есть право. Так, согласно п. 7 разд. II Приказа № 220 на территориальный орган уголовно-исполнительной системы возложена обязанность по определению уполномоченных учреждений по выдаче предписания.

В случае отказа от получения предписания составляется соответствующий акт и направляется в суд, вынесший приговор, представление о замене принудительных работ лишением свободы с приложением соответствующих материалов (п. 7 разд. II Приказа № 220).

По данным исследования, на январь 2019 г. количество осужденных, отказавшихся от получения предписания о направлении в ИЦ (УФИЦ), составило 7 чел., или 3 % (из 243 осужденных, находившихся к моменту вступления приговора суда в законную силу на свободе).

После вручения осужденному предписания или после получения подтверждения о вручении предписания территориальный орган или соответствующее учреждение незамедлительно сообщает в исправительный центр о сроке его прибытия или сведения о продлении указанного срока.

Эмпирические данные показали, что 475 чел. (89 %) прибыли в установленный предписанием срок, четверем осужденным (0,7 %) назначенный срок прибытия продлен по уважительным причинам.

При уклонении осужденного от получения предписания (в том числе в случае неявки за получением предписания) или в случае неприбытия к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок территориальный орган (учреждение) объявляет осужденного в розыск (п. 7 разд. II Приказа № 220).

По данным нашего исследования, на январь 2019 г. 21 осужденный к принудительным работам (4 %) был объявлен в розыск, 7 (1,3 %) отказались от получения предписания и 29 (5,4 %) по неуважительным причинам не прибыли в ИЦ (УФИЦ) в назначенный предписанием срок.

Безусловно, доля уклоняющихся осужденных невысока, однако полагаем, что приведенные данные могут свидетельствовать о недостатках в деятельности территориальных органов уголовно-исполнительной системы России или уполномоченных учреждений, которые могли формально довести информацию до осужденных о порядке их направления к месту отбывания наказания, а также о последствиях такого уклонения.

Тем не менее целесообразность самостоятельного следования осужденных к принудительным работам продолжает сохраняться и подтверждается наличием небольшого количества осужденных, объявленных в розыск.

Порядок направления осужденных в ИЦ (УФИЦ), с одной стороны, не вызывает вопросов, с другой – в положениях уголовно-исполнительного законодательства содержится ряд неопределенных норм, которые могут вызвать трудности при их исполнении. К ним можно отнести следующие:

1. Неопределенность термина «уполномоченный работник».

В п. 7 разд. II Приказа № 220 указано, что, если осужденный не сможет явиться в территориальный орган или ближайшее к его месту жительства учреждение, к нему будет направлен уполномоченный работник. При этом законодатель оставляет, как указывалось ранее, этот вопрос на усмотрение территориального органа уголовно-исполнительной системы России. На практике может возникнуть вопрос, какая именно категория должностных лиц обязана вручать предписание и доводить соответствующую информацию – инспектор или начальник уголовно-исполнительной инспекции, либо начальник отряда или сотрудник группы социальной защиты исправительных учреждений, либо оперуполномоченный следственного изолятора и др.

В этой связи полагаем, что на уровне территориального органа также следует определить не только круг уполномоченных лиц, но и указать, что эту обязанность целесообразно возлагать на наиболее опытных сотрудников, у которых стаж службы составляет не менее трех лет.

2. Обеспечение осужденного денежными средствами на оплату проезда и продуктами питания на время проезда к месту дислокации ИЦ (УФИЦ).

В п. 7 разд. II Приказа № 220 указано, что при отказе осужденного от приобретения проездных документов за счет личных денежных средств территориальный орган (учреждение) выдает осужденному необходимые для прибытия в центр проездные документы или денежные средства на время проезда, продукты питания или денежные средства для приобретения продуктов питания на время следования. Однако каким образом будут выдаваться денежные средства осужденным, проживающим, например, в г. Красноуральске Свердловской области, где есть только уголовно-исполнительная инспекция, финансово-экономический отдел которой находится в Екатеринбурге (на расстоянии 200 км)? С другой стороны, сотрудники данной инспекции могут направить осужденного в ближайшее исправительное учреждение г. Нижнего Тагила (на расстоянии 50 км) для получения денежных средств в его финансово-экономическом отделе.

3. Порядок направления сообщения о сроке прибытия осужденного в учреждение.

После вручения осужденному предписания или после получения подтверждения о вручении предписания территориальный орган (учреждение) незамедлительно сообщает в исправительный центр о сроке его прибытия или сведения о продлении указанного срока (п. 7 разд. II Приказа № 220). В данном положении нет уточнений о формах таких сообщений. Должно ли направление сообщений осуществляться через ведомственную почту на бланке учреждения и дублироваться средствами связи или достаточно ограничиться направлением сообщения, неизвестно.

Также особую озабоченность вызывают сведения, согласно которым осужденному могут быть продлены сроки направления в ИЦ (УФИЦ). Подчеркнем, что законодатель не указывает примерный перечень причин, которые могут быть уважительными для продления срока прибытия.

Представляется, что одной из уважительных причин может быть признано наличие

заболевания у осужденного, подтвержденное соответствующей справкой медицинских организаций государственной или муниципальной систем здравоохранения, поскольку лица, осужденные к принудительным работам, как и иные осужденные, не содержащиеся под стражей (охраной), должны получать медицинскую помощь в лечебных учреждениях по месту жительства или отбывания наказания на равных условиях с другими гражданами Российской Федерации. Осужденные к принудительным работам, находящиеся на стационарном (в отделении) лечении, в ИЦ (УФИЦ) до завершения такого лечения направлены быть не могут по объективным причинам. В противном случае это будет представлять нарушение конституционного права всех граждан на охрану здоровья (ст. 41 Конституции Российской Федерации).

4. Порядок оформления акта об отказе от получения предписания.

Согласно п. 7 разд. II Приказа № 220 при отказе осужденного от получения предписания составляется соответствующий акт. Однако в приказе отсутствуют образец бланка акта, а также процедура оформления данного акта. В этой связи имеется необходимость: 1) предусмотреть единый образец акта; 2) регламентировать положение, в котором предусмотреть порядок и особенности по составлению акта (например, в случае если поблизости или в зоне видимости не окажется свидетелей, то уполномоченное лицо может воспользоваться видеорегистратором (либо воспользоваться иным видеоустройством) и в последующем приложить материалы на электронном носителе к настоящему акту).

5. Сроки вручения предписания.

Согласно ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ, п. 7 разд. II Приказа № 220 уполномоченный работник обязан вручить осужденному предписание не позднее 10 суток. В данном случае законодателем не определено, какие сроки берутся в расчет – рабочие или календарные дни. В связи с этим считаем целесообразным уточнить срок вручения осужденному предписания и внести изменения в ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ и п. 7 разд. II Приказа № 220: после слов «не позднее 10 суток» дополнить словами «(без учета выходных и праздничных дней)», как указано, например, в п. 58 приложения к Приказу Минюста России от 20.05.2009 № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества»⁸.

Однако на практике могут возникнуть ситуации, когда осужденных не окажется по месту жительства/пребывания. В каком порядке обязаны будут действовать сотрудники в этих ситуациях? Какова периодичность повторного вручения предписания?

Из сказанного выше вытекает проблема определения того, что является уклонением осужденного от получения предписания, поскольку законодатель в ч. 4 ст. 60.2 и

ст. 60.17 УИК РФ не дает таких разъяснений: либо разовое вручение, либо после попытки повторного вручения предписания.

Сформулированные в статье проблемы, выводы, предложения и рекомендации, хотя и не претендуют на полноту и бесспорность, однако могут быть восприняты для дальнейших теоретических исследований практики направления в исправительный центр осужденных к принудительным работам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рос. газ. 2011. 9 дек. № 278.

² О внесении изменения в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федер. закон от 28.12.2013 № 431-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 52 (Ч. I). Ст. 6996.

³ Там же. 2021. № 20. Ст. 3397.

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.06.2021).

⁵ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 30.06.2021).

⁶ URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.10.2020).

⁷ Рос. газ. 1997. 25 июня. № 121.

⁸ Там же. 2009. 14 авг. № 151.

¹ Ros. gaz. 2011. 9 dek. № 278.

² O vnesenii izmeneniya v stat'yu 8 Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty' Rossijskoj Federacii»: feder. zakon ot 28.12.2013 № 431-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2013. № 52 (Ch. I). St. 6996.

³ Tam zhe. 2021. № 20. St. 3397.

⁴ Otchet o rabote sudov obshhej yurisdikcii po rassmotreniyu ugolovny'x del po pervoj instancii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashheniya: 30.06.2021).

⁵ Kratkaya xarakteristika ugolovno-ispolnitel'noj sistemy'. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (data obrashheniya: 30.06.2021).

⁶ URL: <http://www.pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 05.10.2020).

⁷ Ros. gaz. 1997. 25 iyunya. № 121.

⁸ Tam zhe. 2009. 14 avg. № 151.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-69-73

УДК 343.82

Проблемы реализации осужденными к лишению свободы женщинами прав на совместное проживание с детьми и грудное вскармливание

Л. А. ЛАТЫШЕВА – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются проблемные вопросы, связанные с реализацией осужденными к лишению свободы женщинами своих материнских прав, в частности права на совместное пребывание с ребенком как в условиях исправительного учреждения, так и вне его, а также права на грудное вскармливание. На основе анализа положительного опыта Российской Федерации обосновывается целесообразность организации совместного пребывания осужденных женщин с детьми в условиях пенитенциарного учреждения, реализации грудного (естественного) вскармливания. Акцентируется внимание на том, что совместное пребывание осужденных женщин с малолетними детьми позволит оптимизировать процесс грудного вскармливания. В этой связи целесообразно внести ряд изменений в действующее российское уголовно-исполнительное законодательство в указанной сфере.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; пенитенциарные учреждения; осужденные к лишению свободы женщины; совместное содержание осужденных к лишению свободы женщин с детьми; грудное вскармливание; дом ребенка при исправительном учреждении; дети осужденных к лишению свободы женщин.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Латышева Л. А. Проблемы реализации осужденными к лишению свободы женщинами прав на совместное проживание с детьми и грудное вскармливание. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 69–73, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-69-73.

Problems of realization by women sentenced to imprisonment the rights to cohabitation with children and breastfeeding

L. A. LATYSHEVA – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law

The article analyzes the problematic issues related to the realization by women sentenced to imprisonment their maternal rights, in particular, the right to stay together with a child both in a correctional institution and outside it as well as the right to breastfeeding. On the basis of an analysis of the positive experience of the Russian Federation, the expediency of organizing a joint stay of convicted women with children in a penitentiary institution, the implementation of breast (natural) feeding is substantiated. Attention is focused on the fact that the joint stay of convicted women with young children will optimize the process of breastfeeding. In this regard it is advisable to make a number of amendments to the current Russian penal legislation in this area.

Key words: penal system; penitentiary institutions; women sentenced to imprisonment; joint stay of women sentenced to imprisonment with children; breast-feeding; children's home at a correctional institution; children of women sentenced to imprisonment.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Latysheva L. A. Problems of realization by women sentenced to imprisonment the rights to cohabitation with children and breastfeeding. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 69–73, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-69-73.

На сегодняшний день весьма актуальной для научного сообщества и пенитенциарных учреждений является проблема правового положения осужденных к лишению свободы женщин и детей, содержащихся вместе с ними в местах лишения свободы. Детский омбудсмен в Челябинской области М. Павлова отмечает, что одна из важных задач государства состоит в том, чтобы предоставить ребенку достойные условия и возможности для жизни. Она также указывает, что государство старается, чтобы дети как можно раньше, несмотря на различные обстоятельства и трудности, почувствовали и познали материнскую ласку и любовь¹. На III Всероссийском совещании начальников домов ребенка, функционирующих при женских исправительных учреждениях ФСИН России, заместитель директора ФСИН России отметил, что задача уголовно-исполнительной системы состоит в том, чтобы дети не были ущемлены в своих правах и получили всю необходимую помощь для развития, воспитания и становления полноценными гражданами нашей страны².

Невозможность реализации женщинами, отбывающими наказание в пенитенциарном учреждении, материнских прав оказывает серьезное влияние на процесс их ресоциализации. Так, на психическом состоянии осужденной особенно сказывается недостаток эмоциональной поддержки по причине потери связи с семьей и родственниками. Беременная женщина особо восприимчива к психогенным факторам, связанным с переживаниями личного, интимного и семейного характера, что в свою очередь негативно отражается на ребенке во время беременности и после родов³. Таким образом, непосредственный контакт осужденной матери с ребенком является необходимым условием для психологического состояния обоих, позволяет реанимировать материнские чувства и качества.

Наряду с этим женщины в полной мере не могут реализовать свои материнские права в полном объеме. Прежде всего это касается вопросов ухода за детьми, участия в их воспитании. При этом большинство женщин находится в детородном возрасте⁴. Одной из серьезных тем является проблема реализации грудного вскармливания в рамках пенитенциарного учреждения.

В действующем законодательстве не разработана, а значит не реализуется концепция совместного содержания осужденной матери с ребенком в условиях мест лишения свободы, в том числе законодательно не

установлен порядок пребывания совместно осужденной женщины с ребенком в колонии-поселении, а также в следственном изоляторе. В свете сказанного необходимо уточнить, что на законодательном уровне не закреплены основы взаимодействия и сотрудничества учреждений уголовно-исполнительной системы с органами опеки и попечительства по решению данного вопроса. Кроме этого, юридически не закреплены обязанности осужденных женщин по отношению к детям, находящимся в доме ребенка при исправительном учреждении. Иногда осужденная злоупотребляет своим особым статусом для получения дополнительных льгот и послаблений режима содержания.

В этой связи основной вектор работы с осужденными женщинами должен быть направлен на восстановление, укрепление и развитие их социально полезных контактов с семьей, родными и близкими людьми, в частности с малолетними детьми, находящимися в доме ребенка при исправительной колонии. Очевидна необходимость выработки соответствующих предложений и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовно-исполнительного законодательства в сфере обеспечения прав осужденных женщин и их детей в условиях исправительного учреждения.

При этом в международных стандартах в сфере обращения с заключенными, в частности в Правилах ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила), закреплено, что детям, которые проживают с матерями в исправительном учреждении, необходимо создавать условия, максимально приближенные к условиям жизни за пределами пенитенциарного учреждения (правило 51.2). Согласно правилу 48.2 в пенитенциарных учреждениях для женщин необходимо предусмотреть помещения для ухода за беременными женщинами и роженицами. Осужденным при отсутствии медицинских противопоказаний следует предоставлять возможность заниматься грудным вскармливанием детей. Женщинам, проживающим совместно с детьми в условиях исправительного учреждения, следует предоставлять как можно больше времени для общения с детьми (правило 50). В соответствии с правилом 49 вопрос о совместном содержании ребенка с осужденной матерью решается исходя из наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Однако исправительные учреждения, в

которых содержатся осужденные женщины, не всегда учитывают их особенности, специфические физиологические нужды, чувство материнства и т. п.

Открытым на сегодняшний день остается вопрос организации естественного (грудного) вскармливания в условиях исправительного учреждения. При этом для того чтобы максимально обеспечить возможность грудного вскармливания, целесообразно в домах ребенка предусмотреть возможность совместного проживания осужденных с детьми. Данное предложение рассматривалось в исследованиях как российских ученых, в частности И. С. Онищенко (И. С. Пылысаевой) (изучает отдельные проблемы реализации материнства в условиях исправительного учреждения), Т. Н. Радочиной (Т. Н. Волковой)⁵, так и зарубежных, например С. М. Свило⁶, М. Шмид (в соавторстве с Е. А. Огрохиной изучает вопросы содержания заключенных матерей с детьми в пенитенциарных учреждениях Швейцарии)⁷.

Реализация совместного пребывания осужденных женщин с детьми возможна посредством создания домов ребенка при исправительном учреждении, но требует привлечения достаточно большого количества ресурсов: людских, организационно-управленческих, материально-технических, финансовых и т. д. На сегодняшний день дома ребенка функционируют не в каждом исправительном учреждении, созданные в них условия не дают возможности осужденной выполнять свою социальную функцию в полном объеме. Наряду с этим некоторые российские исправительные учреждения для женщин нашли альтернативу домам ребенка. Например, в колонии-поселении ГУФСИН России по Свердловской области создано небольшое общежитие для беременных осужденных и осужденных женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Условия проживания в нем приближены к условиям жизни на свободе. В ИК ГУФСИН России по Кемеровской области открыты две палаты совместного проживания осужденных женщин с детьми, в каждой из которых могут проживать четыре осужденные с детьми. Помощь матерям в уходе и воспитании детей оказывают высококвалифицированные специалисты, в частности врачи, воспитатели, психолог⁸. В ИК УФСИН России по Владимирской области на базе дома ребенка функционирует центр совместного проживания матерей с детьми «Радуга». Осужденным в дневное время предоставляется возможность посещать учебные за-

нятия, трудиться, а вечером осуществлять уход за детьми. В центре создана уютная обстановка, имеется все необходимое для детей. На первом этаже расположены кабинеты для сотрудников, специалистов по социальной работе, психологов, социальных педагогов, воспитателей, которые непосредственно работают с осужденными матерями. В День защиты детей для воспитанников дома ребенка сотрудниками организуется праздник на свежем воздухе, к участию в котором присоединяется благотворительный фонд «Протяни руку». Наряду с этим в колонии также есть отряд для беременных женщин и молодых мам, дети которых находятся в доме ребенка, и профилакторий для проведения отпусков. Следует обратить внимание, что в данной колонии организуются встречи осужденных женщин со своими детьми, находящимися в детских домах. Данная акция именуется «Мамино сердце». Психологи проводят занятия, направленные на восстановление доверительных отношений между осужденной и ребенком. Во время встреч дети получают в подарок игрушки, изготовленные руками осужденных. Организуется чаепитие. Подобного рода мероприятия, на наш взгляд, дают осужденной стимул к возвращению к законопослушному образу жизни, семье, реанимируют мотивы материнства⁹.

В последнее время предпринимаются попытки организации совместного проживания женщин с детьми в следственных изоляторах. Для беременных и женщин с детьми выделяются отдельные камеры (8 кв. м на человека), улучшены нормы питания¹⁰.

В России в 8 из 13 домов ребенка практикуется совместное содержание. Данное право предоставляется осужденным, которые проявляют заботу о детях и не страдают хроническими и социально опасными заболеваниями, препятствующими их совместному нахождению с детьми. Однако, как показывает практика, не все дети, содержащиеся в домах ребенка исправительного учреждения с совместным пребыванием, находятся вместе с матерью. Так, в 2015 г. во Владимирской области 9 из 47 детей (19 %) проживали совместно с матерью, в Саратовской области – 6 из 54 (11 %)¹¹. При этом совместное проживание матери и ребенка способствует:

1) оптимизации естественного вскармливания, что благоприятно сказывается на здоровье как ребенка, так и матери. Кормление грудью, по мнению педиатров и психологов, способствует обеспечению ребенка всеми

необходимыми питательными веществами, повышает иммунитет. Дети, находящиеся на естественном вскармливании, меньше предрасположены к артриту, диабету. После года грудное молоко продолжает поддерживать иммунитет ребенка. При этом грудное вскармливание уменьшает затраты на приобретение детских молочных смесей, бутылочек, сосок. Кроме этого, кормление грудью важно для здоровья женщины. Оно помогает восстановиться после родов, бороться с послеродовой депрессией. Во время кормления вырабатывается огромное количество эндорфинов, что способствует поддержанию хорошего настроения. Лактация дает возможность отдохнуть репродуктивной системе, является профилактикой рака груди¹²;

2) гармоничному росту, психическому и физическому развитию ребенка. Тесная связь с матерью первые три года жизни ребенка обеспечивает правильное развитие психики, облегчает воспитание, а во взрослом состоянии способствует установлению прочных эмоциональных связей с окружающими людьми. Дети растут более контактными, сильно не отстают в развитии от сверстников;

3) реанимации и развитию материнских качеств и чувств у осужденных женщин;

4) общению и взаимодействию с ребенком, что оказывает влияние на поведение осужденной. Отмечается снижение количества отказов матери от ребенка, дисциплинарных нарушений. При этом проблема оставления детей материями является актуальной как для России, так и для других государств¹³.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что совместное проживание осужденной с ребенком с условием грудного вскармливания должно носить не рекомендательный, а обязательный характер, за ис-

ключением случаев наличия ограничений по медицинским показателям у матери или ребенка, а также отсутствия надлежащего материально-бытового обеспечения и медико-санитарного обслуживания. Целесообразно данные положения закрепить в действующем российском уголовно-исполнительном законодательстве.

Наряду с этим в регионах, в которых отсутствует возможность создания дома ребенка, рекомендуется организовывать небольшие специализированные детские отделения в форме отдельных комнат, если позволяют условия – в виде общежития или центра. Рекомендуется, чтобы данные учреждения располагались за пределами исправительных колоний, а условия, созданные в них, были приближены к домашним.

Важным аспектом является обучение беременных осужденных, а также осужденных, имеющих детей, основам материнства в центрах материнства. В таких центрах могут реализовываться различные программы, например программа «Новые начинания», основанная на формировании привязанности матерей и детей.

Осужденные женского пола отличаются от других категорий осужденных наличием специфических потребностей и проблем, в этой связи необходимо предусмотреть в УИК РФ специальную главу, регламентирующую исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. По результатам социологического опроса руководителей учреждений, в которых содержатся осужденные к лишению свободы женщины, 43 % респондентов указывают на выделение в кодексе самостоятельной главы, регламентирующей вопросы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в отношении женщин¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материнство за решеткой // Преступление и наказание. 2015. № 10. С. 20.

² Материнство и детство в приоритете // Там же. 2018. № 7. С. 30.

³ Польшаева И. С. Проблемы реализации материнства в пределах исправительного учреждения // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 20–21 ноября 2008 г.). Вологда, 2008. Ч. 1. С. 178.

⁴ Bard E., Knight M., Plugge E. Perinatal Health Care Services for Imprisoned Pregnant Women and Associated Outcomes: a Systematic Review // BMC Pregnancy Childbirth. 2016. Vol. 16, no 1. P. 175.

⁵ Радочина Т. Осужденные женщины в тюрьмах Англии // Уголов.-исполнит. право. 2013. № 6. С. 103–108.

⁶ Свило С. М. Реализация наказания в виде лишения свободы в отношении женщин (на примере Республики Беларусь) // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2011. № 3 (5). С. 43–48.

⁷ Шмид М., Огрохина Е. А. Об основных особенностях системы исполнения наказаний и принудительных мер Швейцарии // Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление. 2013. № 4 (24). С. 78–83.

⁸ Соболева А. Место рождения – город Мариинск // Преступление и наказание. 2017. № 12. С. 29.

⁹ См.: Участники III Всероссийского совещания начальников домов ребенка, созданных при женских исправительных учреждениях ФСИН России, посетили ИК-1 УФСИН России по Владимирской области. URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=396537 (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁰ К 2021 году все женщины-заключенные будут проживать с детьми. URL: <https://iz.ru/news/633270> (дата обращения: 17.06.2021).

¹¹ Бурт А. А., Пустовалов А. Р., Давыдова Н. В. Современное состояние мер по обеспечению материнских прав женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : сб. межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 22–23 июня 2016 г.). Вологда, 2016. С. 17.

¹² Польза грудного вскармливания для ребенка и матери. URL: <http://etcrb74.ru/index.php/patients/articles/roditelyam/339-2017gv.html> (дата обращения: 12.06.2021).

¹³ Мергембаев Д. А. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности детей: зарубежный и отечественный опыт // ХАЛЫК АРАЛЫК ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ «ҒЫЛЫМ». 2019. № 1 (60). С. 156.

¹⁴ Голодов П. В. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: результаты эмпирического исследования // Вестн. Кузбас. ин-та. 2016. № 3 (28). С. 33.

¹ Materinstvo za reshetkoj // Prestuplenie i nakazanie. 2015. № 10. S. 20.

² Materinstvo i detstvo v prioritete // Tam zhe. 2018. № 7. S. 30.

³ Poly'saeva I. S. Problemy realizacii materinstva v predelax ispravitel'nogo uchrezhdeniya // Gosudarstvennaya politika v oblasti naznacheniya i ispolneniya ugovnyx nakazaniy : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 20–21 noyabrya 2008 g.). Vologda, 2008. Ch. 1. S. 178.

⁴ Bard E., Knight M., Plugge E. Perinatal Health Care Services for Imprisoned Pregnant Women and Associated Outcomes: a Systematic Review // BMC Pregnancy Childbirth. 2016. Vol. 16, no 1. P. 175.

⁵ Radochina T. Osuzhdenny'e zhenshhiny' v tyur'max Anglii // Ugolov.-ispolnit. pravo. 2013. № 6. S. 103–108.

⁶ Svilo S. M. Realizaciya nakazaniya v vide lisheniya svobody' v otnoshenii zhenshhin (na primere Respubliki Belarus') // Vestn. Kazan. yurid. in-ta MVD Rossii. 2011. № 3 (5). S. 43–48.

⁷ Shmid M., Ogroxina E. A. Ob osnovny'x osobennostyax sistema' ispolneniya nakazaniy i prinuditel'ny'x mer Shvejczarii // Vestn. in-ta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2013. № 4 (24). S. 78–83.

⁸ Soboleva A. Mesto rozhdeniya – gorod Mariinsk // Prestuplenie i nakazanie. 2017. № 12. S. 29.

⁹ Sm.: Uchastniki III Vserossijskogo soveshaniya nachal'nikov domov rebenka, sozdanny'x pri zhenskix ispravitel'ny'x uchrezhdeniyax FSIN Rossii, posetili IK-1 UFSIN Rossii po Vladimirskoj oblasti. URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=396537 (дата обращения: 30.06.2021).

¹⁰ К 2021 году все женщины-заключенные будут проживать с детьми. URL: <https://iz.ru/news/633270> (дата обращения: 17.06.2021).

¹¹ Бурт А. А., Пустовалов А. Р., Давыдова Н. В. Современное состояние мер по обеспечению материнских прав женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Проблемы исполнения наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : сб. межрегион. науч.-практ. конф. (Вологда, 22–23 июня 2016 г.). Вологда, 2016. С. 17.

¹² Польза грудного вскармливания для ребенка и матери. URL: <http://etcrb74.ru/index.php/patients/articles/roditelyam/339-2017gv.html> (дата обращения: 12.06.2021).

¹³ Мергембаев Д. А. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности детей: зарубежный и отечественный опыт // ХАЛЫК АРАЛЫК ҒЫЛЫМИ ЖУРНАЛ «ҒЫЛЫМ». 2019. № 1 (60). С. 156.

¹⁴ Голодов П. В. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин: результаты эмпирического исследования // Вестн. Кузбас. ин-та. 2016. № 3 (28). С. 33.

Уголовно-правовая политика в области инновационной деятельности

В. Н. НЕКРАСОВ – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, кандидат юридических наук

В статье рассматривается содержание российской уголовной политики. Анализируется уголовная политика, направленная на противодействие преступности в области инновационной деятельности. Делается вывод, что институт ответственности за преступления в сфере инновационной деятельности формально отсутствует. Нормы Особенной части УК РФ, направленные на уголовно-правовое обеспечение инновационной деятельности, расположены в различных разделах и главах кодекса.

Ключевые слова: преступление; уголовная политика; инновации.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Некрасов В. Н. Уголовно-правовая политика в области инновационной деятельности. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 74–76, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-74-76.

Criminal law policy in the field of innovation

V. N. NEKRASOV – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, PhD. of Law

The article examines the content of Russian criminal policy. The article analyzes the criminal policy aimed at combating crime in the field of innovation. It is concluded that the institution of responsibility for crimes in the field of innovation is formally absent. The norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, aimed at criminal law support for innovative activities, are located in various sections and chapters of the code.

Keywords: crime; criminal policy; innovations.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Nekrasov V. N. Criminal law policy in the field of innovation. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 74–76, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-74-76.

Уголовная политика как специфическое социальное явление нередко выступает предметом научного исследования, поскольку представляет собой часть социальной политики государства по борьбе с преступностью. Вместе с тем до настоящего времени и в теории, и в практике уголовного права анализируемое явление понималось неоднозначно. Более того, нередко уголовная политика отождествлялась с такими понятиями, как «борьба с преступностью», «контроль над преступностью», «война с

преступностью», «противодействие преступности» и др.¹

В словаре русского языка С. И. Ожегова политика определяется как деятельность органов государственной власти и управления, отражающая социально-экономический слой и структуру страны, а также деятельность партий, общественных классов и других классовых организаций, общественных группировок, определяемая их интересами и целями². В этой связи уголовную политику целесообразно определять как

деятельность органов государственной власти и государственного управления путем применения к людям наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия. В современном обществе она является правовой и реализуется: 1) в уголовном правотворчестве (определение круга наказуемых деяний, наказаний и иных мер уголовно-правового характера), 2) применении уголовно-правовых норм³. По мнению Т. В. Кленовой, «как и любое направление государственной политики, уголовная политика отличается свойством реальности. Это практическая сложно структурированная деятельность государства по противодействию преступности»⁴.

Определение содержания уголовной политики во многом зависит от подхода к пониманию данного явления, поскольку для современной уголовно-правовой доктрины характерно выделение широкой и узкой позиций в понимании уголовной политики. По мнению А. И. Бойко, уголовная политика представляет собой специфический угол зрения на преступную действительность, где располагается государственная идеология, которая нередко в замаскированном виде представляет интересы элит⁵.

По мнению же В. Ф. Лапшина, более точными следует признать суждения о включении в содержание уголовной политики только специальных мер воздействия на преступность (Л. Д. Гаухман, Ю. И. Ляпунов, Н. А. Стручков, А. Э. Жалинский и др.), поскольку понимание данного явления в широком значении (А. А. Герцензон, И. М. Гальперин, В. И. Курляндский, Ю. А. Воронин и др.) размывает границы между уголовной и общесоциальной государственной политикой⁶.

По нашему мнению, с одной стороны, является неверным полное отождествление уголовно-правовой, пенитенциарной, уголовно-исполнительной и рецидивной преступности, с другой – следует разделить позицию Э. Ф. Побегайло, который утверждает, что должна осуществляться системная борьба с преступностью с использованием возможностей криминологической, уголовно-правовой, процессуальной, административно-правовой, пенитенциарной политики, выступающих составными частями единой уголовной политики⁷.

Характеризуя состояние современной российской уголовной политики, отметим, что в научной литературе оно оценивается крайне негативно. Как верно отмечает В. Ф. Лапшин, такая ситуация связана с хаотичными изменениями уголовного закона,

низким качеством применения законодательной техники при конструировании вновь создаваемых норм⁸. К сожалению, в современной России в уголовной политике все больше утверждается стратегия с конвенциональным пониманием права, ориентированным на утилитаризм, а не на человека, его исправление и ресоциализацию⁹.

Вопросы правового обеспечения инновационной деятельности в рамках уголовной политики рассматриваются через призму различных отраслей права: административного, гражданского, предпринимательского, налогового и др. Вместе с тем в последние годы появляются точки зрения о необходимости выделения инновационного права в самостоятельную отрасль¹⁰. Причем, как верно отмечает Т. В. Ефимцева, в настоящее время существует несколько точек зрения на сущность и место инновационного права: как самостоятельная отрасль права, как институт гражданского права, как комплексная отрасль права или комплексная отрасль законодательства без соответствующего места в системе права¹¹. В то же время ученый рассматривает инновационное право как подотрасль предпринимательского права России¹².

Относительно комплексных отраслей права мы разделяем точку зрения о нецелесообразности выделения такого понятия. Как верно отмечает Е. А. Киримова, комплексных отраслей права не существует в принципе, поскольку с точки зрения правовой теории отрасли со схожими предметами регулирования должны не дублировать, а взаимно исключать друг друга¹³. В свою очередь О. А. Красавчиков отмечает, что попытки выделения комплексных отраслей права означают терминологическое смешение категорий «система права» и «система законодательства», что является грубейшей терминологической ошибкой¹⁴. По мнению В. П. Грибанова, выделение комплексных отраслей в системе отечественного права нивелирует объективный характер данного института, что также недопустимо¹⁵.

По нашему мнению, инновационное право представляет собой отрасль законодательства, которая включает в себя нормы различных нормативно-правовых актов, взаимодействующих в процессе регулирования специфических общественных отношений, возникающих в инновационной сфере деятельности. Нельзя согласиться с тем, что инновационное законодательство представляет собой отрасль гражданского или предпринимательского права, поскольку

это противоречит сущности общественных отношений в рассматриваемой области. В то же время сложно отрицать, что нормы гражданского или предпринимательского права не участвуют в регулировании указанных отношений. Однако наряду с ними инновационная деятельность регулируется большим числом административно-правовых, уголовно-правовых, процессуальных и иных норм, относящихся к оформлению и регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности, способам их использования, охраны от противоправных посягательств.

Общественные отношения в сфере инновационной деятельности регламентируются целым комплексом нормативно-правовых актов. В настоящее время комплексное законодательство получает все большее рас-

пространение и может выражаться в виде как серии законов, регулирующих сферу инновационных отношений, так и отдельного закона, как это имело место при принятии земельного, водного, лесного кодексов, закона Российской Федерации «О недрах», федерального закона «О соглашениях о разделе продукции»¹⁶.

Современное состояние уголовного законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод, что институт ответственности за преступления в сфере инновационной деятельности формально в нем в настоящее время отсутствует. При анализе Особенной части УК РФ видно, что нормы, направленные на уголовно-правовое обеспечение инновационной деятельности, расположены в различных разделах и главах кодекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зинченко И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестн. Балтийск. федер. ун-та им. И. Канта. 2011. Вып. 9. С. 86–92.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 478.

³ Клепичкий И. А. Социальная обусловленность уголовной политики // Гос-во и право. 2017. № 4. С. 39–40.

⁴ Кленова Т. В. Квалификация преступлений и уголовная политика // Там же. 2012. № 4. С. 56.

⁵ Бойко А. И. Уголовная политика : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2008. С. 4–5.

⁶ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. С. 25–26.

⁷ Побегайло Э. Ф. Концептуальные основы современной российской уголовной политики // Рос. кримин. взгляд. 2015. № 1. С. 279–284.

⁸ Лапшин В. Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления. С. 29.

⁹ Кленова Т. В., Адоевская О. А. Проблема правовой определенности политики ресоциализации лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2019. № 1 (45). С. 125.

¹⁰ Ефимцева Т. В. Место инновационного права в системе отраслей российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

¹¹ Там же. С. 47.

¹² Там же. С. 58.

¹³ Киримова Е. А. Правовой институт: понятие и виды : учеб. пособие / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов, 2000. С. 8.

¹⁴ Красавчиков О. А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 1975. № 2. С. 63.

¹⁵ Грибанов В. П., Иоффе О. С. Пути развития советского хозяйственного законодательства // Правоведение. 1975. № 6. С. 45.

¹⁶ Ефимцева Т. В. Место инновационного права в системе отраслей российского права. С. 52.

¹ Zinchenko I. A., Trapicyn A. Yu. Ugolovnaya politika: ponyatie, problemy` i perspektivy` // Vestn. Baltijs. feder. un-ta im. I. Kanta. 2011. Vy`p. 9. S. 86–92.

² Ozhegov S. I. Slovar` russkogo yazy`ka. M., 1984. S. 478.

³ Klepiczkij I. A. Social`naya obuslovlennost` ugolovnoj politiki // Gos-vo i pravo. 2017. № 4. S. 39–40.

⁴ Klenova T. V. Kvalifikacija prestuplenij i ugolovnaya politika // Tam zhe. 2012. № 4. S. 56.

⁵ Bojko A. I. Ugolovnaya politika : ucheb. posobie. Rostov n/D, 2008. S. 4–5.

⁶ Lapshin V. F. Teoreticheskie osnovy` ustanovleniya i differenciacii otvetstvennosti za finansovy`e prestupleniya : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Ryazan`, 2016. S. 25–26.

⁷ Pobegajlo E. F. Konceptual`ny`e osnovy` sovremennoj rossijskoj ugolovnoj politiki // Ros. krimin. vzglyad. 2015. № 1. S. 279–284.

⁸ Lapshin V. F. Teoreticheskie osnovy` ustanovleniya i differenciacii otvetstvennosti za finansovy`e prestupleniya. S. 29.

⁹ Klenova T. V., Adoevskaya O. A. Problema pravovoj opredelennosti politiki resocializacii licz, otby`vshix ugolovnoe nakazanie i osvobozhdenny`x ot nego // Yurid. nauka i praktika: Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii. 2019. № 1 (45). S. 125.

¹⁰ Efimceva T. V. Mesto innovacionnogo prava v sisteme otraslej rossijskogo prava : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014.

¹¹ Tam zhe. S. 47.

¹² Tam zhe. S. 58.

¹³ Kirimova E. A. Pravovoj institut: ponyatie i vidy` : ucheb. posobie / pod red. I. N. Senyakina. Saratov, 2000. S. 8.

¹⁴ Krasavchikov O. A. Sistema prava i sistema zakonodatel`stva (grazhdansko-pravovoj aspekt) // Izv. vy`ssh. ucheb. zavedenij. Pravovedenie. 1975. № 2. S. 63.

¹⁵ Griбанov V. P., Ioffe O. S. Puti razvitiya sovetskogo xozyajstvennogo zakonodatel`stva // Pravovedenie. 1975. № 6. S. 45.

¹⁶ Efimceva T. V. Mesto innovacionnogo prava v sisteme otraslej rossijskogo prava. S. 52.

Проблемы деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19

Л. Л. САНТАШОВА – доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье исследуются проблемы деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Изучается зарубежный опыт деятельности пенитенциарных учреждений в условиях пандемии. Отмечается, что в исправительных учреждениях России проблема противодействия инфекции стоит остро, так как болеют и сотрудники, и гражданский персонал, и осужденные. Деятельность исправительных учреждений фактически осуществляется в режиме особых условий, так как свидания осужденным не предоставляются, приостановлен прием посылок и передач, культурно-массовые мероприятия не проводятся. Вносятся предложения по совершенствованию действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: исправительные учреждения; коронавирусная инфекция COVID-19; осужденные; пандемия; режим особых условий; амнистия.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Санташова Л. Л. Проблемы деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 77–80, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-77-80.

Problems of correctional institutions in the context of the spread the new coronavirus infection COVID-19

L. L. SANTASHOVA – Associate Professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law

The article examines the problems of the activities of correctional institutions in the context of the spread the new coronavirus infection. The foreign experience of penitentiary institutions in the context of a pandemic is being studied. It is noted that in correctional institutions of Russia the problem of combating infection is acute, since both employees and civilian personnel and convicts are sick. The activities of correctional institutions are actually carried out under special conditions, since visits to convicts are not provided, the reception of parcels and transmissions is suspended and cultural events are not held. Proposals are being made to improve the current criminal and penal legislation.

Key words: correctional institutions; coronavirus infection COVID-19; convicts; pandemic; special conditions regime; amnesty.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Santashova L. L. Problems of correctional institutions in the context of the spread the new coronavirus infection COVID-19. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 77–80, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-77-80.

В настоящее время проблема распространения новой коронавирусной инфекции является достаточно актуальной во всем мире. Согласно статистическим данным оперативного штаба по борьбе с коронавирусом совокупное число заболевших в мире составляет более 234 млн чел., выздоровевших – более 210 млн, а умерших – более 4,7 млн чел.

В условиях пандемии во многих странах власти объявляют амнистию осужденных и по возможности заменяют тюрьму штрафом. Так, в Иране объявлена частичная амнистия для более 85 тыс. чел., в Турции были временно освобождены 45 тыс. осужденных под судебный контроль и столько же амнистированы, в Индонезии условно-досрочно были освобождены 35,5 тыс. осужденных, отбывших наказание более двух третей срока, в Англии и Уэльсе освобождено 4 тыс. неопасных преступников, в Италии – 1600 чел., в Германии по возможности тюрьма заменялась штрафом, в США были освобождены по меньшей мере 900 осужденных за ненасильственные преступления, в Испании амнистия не объявлялась, но 40 тыс. осужденных были обеспечены защитными масками и проведена дезинфекция помещений¹.

В России на сегодняшний день 7 560 767 чел. заболело, 6 710 574 из них выздоровело, 209 028 умерло². Согласно статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) по состоянию на 24.02.2021 за период пандемии среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных выявлено 4588 лабораторно подтвержденных случаев заболевания новой коронавирусной инфекцией, среди работников – 21 208³. В 53 территориальных органах ФСИН России в 2020 г. вводились ограничительные меры (карантин), по состоянию на 20.02.2021 карантин действовал в 30 территориальных органах ФСИН России.

В настоящее время специалисты прогнозируют четвертую волну распространения вируса. Исправительные учреждения вынуждены работать в новых условиях. В этой связи, по мнению А. А. Крымова, А. П. Скибы, актуальны формирование и развитие уголовно-исполнительного законодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения⁴.

Западная идея о широкой амнистии в связи с пандемией коронавируса была поддержана и в России. Предполагается освобождение осужденных за нетяжкие преступления, чтобы снизить риск заражения. В

настоящее время готовится законопроект об амнистии по малозначительным преступлениям и приостановлении расследования по преступлениям с наказанием менее пяти лет лишения свободы. Кроме того, уже есть судебные решения о переводе обвиняемых из следственных изоляторов под домашний арест в связи с пандемией коронавируса⁵.

Во многих исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы в разгар пандемии был введен вахтовый метод работы сотрудников. Так, например, в следственном изоляторе г. Москвы сотрудников перевели на двухнедельный график работы без возможности выхода за пределы учреждения. Сотрудники, заступающие в следующую смену, находятся на самоизоляции. При этом перед заступлением на службу сотрудники сдавали тесты на COVID-19 и проходили термометрию. Сотрудники в обязательном порядке обеспечиваются средствами индивидуальной защиты: масками и перчатками. Особое внимание уделяется дезинфекции помещений и объектов, расположенных на территории учреждения. Дезинфекция проводится не реже одного раза в неделю с привлечением специальной техники МЧС. Приостановлено участие подозреваемых, обвиняемых, осужденных в судебных заседаниях, разрешается участвовать только по видеоконференц-связи. Введен особый порядок свиданий со следователями и адвокатами: такие свидания проводятся в помещениях комнат краткосрочных свиданий через стекло⁶. В учреждениях Вологодской области сотрудники СИЗО-2 УФСИН России по Вологодской области были переведены на работу вахтовым методом.

Существенной проблемой является обеспечение прав сотрудников, работающих в так называемой «красной зоне». Сотрудники, работающие с заболевшими осужденными, должны обеспечиваться костюмами соответствующего класса защиты, что не выполняется во многих регионах. Медицинским работникам, которые находятся в контакте с больными коронавирусной инфекцией, должны выплачиваться дополнительные денежные средства, что также нарушается.

Актуальным является вопрос несоблюдения социальной дистанции 1,5 м, так как в условиях исправительного учреждения это сделать достаточно тяжело. В условиях переполненности следственных изоляторов и покамерного содержания подозреваемых

и обвиняемых распространение инфекции неизбежно. Кроме того, открытым остается вопрос: куда изолировать больных, если количество мест в медицинской части ограничено? Исправительные учреждения оказались не готовы к массовому заболеванию осужденных. Бюджетные средства на лечение ковидных больных не выделялись. Поэтому в самом начале пандемии в 2020 г. появились жалобы родственников осужденных, отбывающих наказания в ФКУ ИК-12, ФКУ ИК-17 УФСИН России по Вологодской области, на неоказание медицинской помощи больным коронавирусной инфекцией осужденным⁷. В лечебно-профилактическом учреждении ФКЛПУ МБ-10 УФСИН по Вологодской области было создано специальное отделение, оборудованное аппаратами искусственной вентиляции легких (ИВЛ), куда направлялись тяжелобольные осужденные.

Исправительными учреждениями были допущены нарушения прав осужденных на свидания с адвокатом, которые не приостанавливаются даже в период пандемии. Так, например, адвокат осужденного обратился в суд с иском на отказ начальника ФКЛПУ № 21 УФСИН России по Республике Мордовия в предоставлении свидания осужденному с адвокатом. Врио начальника ЛПУ № 21 обосновал отказ постановлением Главного санитарного врача о приостановлении в учреждениях длительных и краткосрочных свиданий. Адвокат мотивировал иск тем, что нарушается право осужденного на квалифицированную юридическую помощь. Адвокат посчитал, что отказ врио начальника является неправомерным. Суд первой инстанции иск адвоката частично удовлетворил, признав незаконным отказ в предоставлении свидания с адвокатом. ФКЛПУ № 21 УФСИН России по Республике Мордовия обжаловало иск в апелляционном порядке, указав на тяжелую болезнь осужденного и невозможность прийти на свидание, но областной суд оставил решение суда первой инстанции без изменений⁸.

В сентябре 2021 г. длительные свидания осужденных с близкими родственниками в некоторых территориальных органах уголовно-исполнительной системы были возобновлены⁹. Следует отметить, что действуют новые правила проведения длительных свиданий с учетом риска заражения коронавирусом: родственники осужденного должны иметь отрицательный тест на полимеразную цепную реакцию (ПЦР-тест), сделанный за три дня до даты свидания; род-

ственники обязаны пройти термометрию по прибытии в исправительное учреждение; осужденные и родственники обязаны пользоваться средствами индивидуальной защиты (маски, перчатки); должна проводиться ежедневная комплексная дезинфекция помещения, а также генеральная уборка комнат длительного свидания после их проведения. В случае нарушения данных правил длительное свидание не предоставляется.

Законопроект об амнистии в связи с пандемией коронавируса за нетяжкие преступления в настоящее время находится на рассмотрении в Госдуме Российской Федерации, но при этом не проработан ряд вопросов: вопрос замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, не связанным с лишением свободы, а также отсрочки от отбывания наказания и освобождения от отбывания наказания тяжелобольных осужденных данной инфекцией. В этой связи необходимы соответствующие изменения в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

В этой связи предлагаем ч. 2 ст. 80 УК РФ дополнить п. 2.2 следующего содержания: «при замене неотбытой части наказания более мягким по преступлениям небольшой и средней степени тяжести на принудительные работы в период пандемии осуществляется без предъявления требований к сроку отбытого наказания».

Кроме того, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 82 УК РФ п. 1.1 следующего содержания: «осужденным лицам, проходящим лечение от новой коронавирусной инфекции в тяжелой форме, суд может отсрочить реальное наказание до выздоровления осужденного».

Таким образом, основными проблемами деятельности исправительных учреждений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции являются: обеспечение прав сотрудников, работающих с заболевшими осужденными; неоказание медицинской помощи больным осужденным; несоблюдение социальной дистанции 1,5 м; нарушение прав осужденных на свидания с адвокатом.

Правовыми пробелами законодательства в условиях риска заболевания коронавирусной инфекцией являются вопросы замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, не связанным с лишением свободы, а также отсрочки от отбывания наказания и освобождения от отбывания наказания тяжелобольных осужденных данной инфекцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изоляторов не хватит: коронавирус освободил тысячи эков. URL: <https://ria.ru/20200423/1570432836.html> (дата обращения: 02.10.2021).

² Официальные данные оперативного штаба по борьбе с коронавирусной инфекцией по состоянию на 02.10.2021 года. URL: <https://stopkoronavirus.rf/> (дата обращения: 02.10.2021).

³ Галкин А., Абдулова Е. План защищенности // Преступление и наказание. 2021. № 4. С. 12.

⁴ Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : моногр. / Т. П. Бутенко, Д. В. Горбань, Ф. В. Грушин и др. ; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы. М., 2020. С. 18.

⁵ Бояться их не надо: заключенных могут выпустить из-за COVID-19. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/08/13040659.shtml> (дата обращения: 02.10.2021).

⁶ Опыт УФСИН России по г. Москве по организации работы следственных изоляторов в условиях пандемии будут изучать в других регионах. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=508881 (дата обращения: 02.10.2021).

⁷ Матери осужденных жалуются, что в колониях Шексны коронавирусом «заболевают повально». URL: https://yandex.by/news/instory/Materi_zaklyuchennykh_zhaluyutsya_chno_v_koloniakh_SHeksny_koronavirusom_zabolevayut_povalno--4d165017af0abe3d2d2ec5ba3b28b2c5?persistent_id=12143 (дата обращения: 02.10.2021).

⁸ Апелляция согласилась, что ограничение свиданий с осужденными в период пандемии не распространяется на адвокатов. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/apellyatsiya-soglasilas-chno-ogranichenie-svidaniy-s-osuzhdennymi-v-period-pandemii-ne-rasprostranyaetsya-na-advokatov/> (дата обращения: 02.10.2021).

⁹ Возобновили свидания осужденных с родственниками в ИК, СИЗО и тюрьмах, начиная с 5 сентября 2021 г. URL: <https://www.9111.ru/questions/777777771528044> (дата обращения: 02.10.2021).

¹ Izolyatorov ne xvatit: koronavirus osvobodil ty'syachi ze'kov. URL: <https://ria.ru/20200423/1570432836.html> (data obrashheniya: 02.10.2021).

² Oficial'ny'e danny'e operativnogo shtaba po bor'be s koronavirusnoj infekciej po sostoyaniyu na 02.10.2021 goda. URL: <https://stopkoronavirus.rf/> (data obrashheniya: 02.10.2021).

³ Galkin A., Abdulova E. Plan zashhishhenosti // Prestuplenie i nakazanie. 2021. № 4. S. 12.

⁴ Uголовно-исполнител'noe zakonodatel'stvo v usloviyax stixijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvy'chajnogo ili voennogo polozheniya : monogr. / T. P. Butenko, D. V. Gorban', F. V. Grushin i dr. ; pod obshh. red. A. A. Kry'mova ; pod nauch. red. A. P. Skiby'. M., 2020. S. 18.

⁵ Boyat'sya ix ne nado: zaklyuchenny'x mogut vy'pustit' iz-za COVID-19. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/08/13040659.shtml> (data obrashheniya: 02.10.2021).

⁶ Opy't UFSIN Rossii po g. Moskve po organizacii raboty' sledstvenny'x izolyatorov v usloviyax pandemii budut izuchat' v drugix regionax. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=508881 (data obrashheniya: 02.10.2021).

⁷ Materiy osuzhdenny'x zhaluyutsya, chto v koloniyax Sheksny' koronavirusom «zabolevayut poval'no». URL: https://yandex.by/news/instory/Materi_zaklyuchennykh_zhaluyutsya_chno_v_koloniakh_SHeksny_koronavirusom_zabolevayut_povalno--4d165017af0abe3d2d2ec5ba3b28b2c5?persistent_id=12143 (data obrashheniya: 02.10.2021).

⁸ Apellyatsiya soglasilas', chto ogranichenie svidaniy s osuzhdenny'mi v period pandemii ne rasprostranyaetsya na advokatov. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/apellyatsiya-soglasilas-chno-ogranichenie-svidaniy-s-osuzhdennymi-v-period-pandemii-ne-rasprostranyaetsya-na-advokatov/> (data obrashheniya: 02.10.2021).

⁹ Vozobnovili svidaniya osuzhdenny'x s rodstvennikami v IK, SIZO i tyur'max, nachinaya s 5 sentyabrya 2021 g. URL: <https://www.9111.ru/questions/777777771528044> (data obrashheniya: 02.10.2021).

К вопросу о практической целесообразности реформирования применения принудительных мер воспитательного воздействия в связи с законодательным закреплением уголовного проступка

Н. Ю. СКРИПЧЕНКО – профессор кафедры уголовного права и процесса Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент

Идея законодательного закрепления уголовного проступка относится к числу дискуссионных, а настойчивые попытки инициатора соответствующих реформ интегрировать новую дефиницию в систему категорий преступления расширяет круг обсуждаемых вопросов. Анализ предлагаемых изменений в ст. 90 УК РФ дает основания усомниться в практической целесообразности планируемых нововведений. Предлагаемое императивное основание освобождения от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 90 УК РФ проекта актуализирует вопросы о законодательной неопределенности основания прекращения уголовного преследования; мерах, которые могут быть применены подростку, совершившему преступление в несовершеннолетнем возрасте, но на момент рассмотрения дела в суде достигшему 18 лет; правилах назначения принудительных мер воспитательного воздействия подростку, совершившему уголовный проступок и преступление небольшой или средней тяжести. Теряется смысл заявленной инициатором реформ либерализации уголовной политики, так как несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок (минимальный по степени общественной опасности из числа уголовно наказуемых), не может быть освобожден от уголовной ответственности по другим основаниям, которые носят безусловный характер, но предъявляют требования к позитивному посткриминальному деянию, обеспечивая реализацию задач уголовного закона.

Ключевые слова: уголовный проступок; преступление; освобождение от уголовной ответственности; принудительные меры воспитательного воздействия; несовершеннолетний.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Скрипченко Н. Ю. К вопросу о практической целесообразности реформирования применения принудительных мер воспитательного воздействия в связи с законодательным закреплением уголовного проступка. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-81-85.

On the question of the practical appropriateness of reforming the use of compulsory measures of educational influence in connection with the legislative consolidation of a criminal misconduct

N. Yu. SKRIPCHENKO – Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Dsc. of Law, Associate Professor

The idea of legislative consolidation of a criminal misconduct is debatable, and persistent attempts by the initiator of the relevant reforms to integrate the new definition into the system of crime categories expands the range of issues discussed. Analysis of the proposed changes to Art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation gives reason to doubt the practical appropriateness of the planned innovations. The proposed imperative basis for exemption from criminal liability under Part 1 of Art. 90 of the Criminal Code of the Russian Federation of the project updates the issues of legislative uncertainty of the grounds for termination of criminal prosecution; measures that can be applied to a teenager who has committed a

crime as a minor, but at the time of the consideration of the case in court, has reached the age of 18; the rules for the appointment of compulsory measures of educational influence to a teenager who has committed a criminal offense and a crime of small or medium gravity. The meaning of the liberalization of criminal policy declared by the initiator of the reforms is lost, since a minor who has committed a criminal misconduct (minimal in terms of the degree of public danger from among the criminally punishable) cannot be exempted from criminal liability on other grounds that are unconditional, but impose requirements for a positive post-criminal act, ensuring the implementation of the tasks of the criminal law.

Key words: criminal misconduct; the crime; exemption from criminal liability; compulsory educational measures; minor.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Skripchenko N. Yu. On the question of the practical appropriateness of reforming the use of compulsory measures of educational influence in connection with the legislative consolidation of a criminal misconduct. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 81–85, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-81-85.

Идея законодательного закрепления уголовного проступка относится к числу дискуссионных, а настойчивые попытки инициатора соответствующих реформ интегрировать новую дефиницию в систему категорий преступления актуализирует и расширяет круг обсуждаемых вопросов. Так, 31 октября 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”». Указанный законопроект не стал предметом обсуждения в парламенте ввиду того, что получил отрицательный отзыв со стороны Правительства Российской Федерации, так как не учитывает интересы потерпевших, которым уголовным проступком причинен вред, что не согласуется со ст. 52 Конституции Российской Федерации (официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 24.07.2018 № 5690п-П4). Отозвав законопроект (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2020 № 25), Пленум Верховного Суда Российской Федерации 13 октября 2020 г. принял постановление № 24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка” с замечаниями Правительства Российской Федерации» (официальный отзыв Правительства РФ от 10.02.2021 № 1121п-П4), которое было пере-

дано на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Поддерживая или критикуя¹ планируемые изменения в уголовном законе, представители правовой науки акцентируют внимание на вопросах объективной потребности предлагаемых реформ; механизме идентификации уголовного проступка; содержании мер государственного реагирования на деяния, отличающиеся минимальной степенью общественной опасности. В юридической литературе высказано немало критических замечаний относительно технико-юридического содержания новых норм, вносящих, по мнению многих ученых, путаницу в базовые уголовно-правовые институты «преступление», «категории преступления», «наказание», «освобождение от уголовной ответственности», «иные меры уголовно-правового характера»². Вопросам же практической целесообразности модификации норм, определяющих освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия, внимания не уделяется. При этом сама идея условного освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, а также преступления небольшой или средней тяжести (проектная ст. 76.2 УК РФ), обосновывается действующими правилами, закрепленными в ст. 90 УК РФ.

Анализ положений последнего законопроекта свидетельствует о том, что, предлагая дифференцировать общественно опасные деяния на преступления (ст. 14 УК РФ) и уголовные проступки (проектная ст. 15.1 УК РФ), инициатор реформ допускает освобождение несовершеннолетних, совершивших уголовный проступок, только по

основаниям, предусмотренным проектной ч. 1 ст. 90 УК РФ.

Приведем предлагаемую в законопроекте редакцию этой статьи:

«Статья 90. Применение принудительных мер воспитательного воздействия»

1. Несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок, освобождается судом от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия. В случаях совершения несовершеннолетним уголовного проступка, указанного в части второй статьи 76.2 настоящего Кодекса, он освобождается судом от уголовной ответственности с применением принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной пунктами «а», «б» или «г» части третьей настоящей статьи, если он возместил ущерб, причиненный в результате совершения соответствующего уголовного проступка. Ущерб, причиненный несовершеннолетним, может быть возмещен его родителями или законными представителями.

2. Несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

3. Несовершеннолетнему назначаются следующие принудительные меры воспитательного воздействия:

- а) предупреждение;
- б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- в) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

4. Несовершеннолетнему, совершившему уголовный проступок, назначается одна из принудительных мер воспитательного воздействия. Срок применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» части третьей настоящей статьи, устанавливается продолжительностью от одного месяца до одного года.

5. Несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком, может быть назначено одно-

временно несколько принудительных мер воспитательного воздействия. Срок применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных пунктами «б» и «г» части третьей настоящей статьи, устанавливается продолжительностью от одного месяца до двух лет при совершении преступления небольшой тяжести, не являющегося уголовным проступком, и от шести месяцев до трех лет – при совершении преступления средней тяжести, не являющегося уголовным проступком.

6. В случае систематического неисполнения несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия эта мера по представлению специализированного государственного органа отменяется и материалы направляются для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности».

Рассматриваемая норма закрепляет обязательное освобождение подростка, совершившего уголовный проступок, от уголовной ответственности с применением одной из принудительных мер воспитательного воздействия. В случае совершения несовершеннолетним уголовного проступка против собственности или в сфере экономической деятельности (перечисленных в проектной ч. 2 ст. 76.2 УК РФ) он освобождается от уголовной ответственности только при условии возмещения ущерба, причиненного проступком. При этом ущерб может быть возмещен как самим виновным, так и его родителями или законными представителями.

Сохранив содержание принудительных мер воспитательного воздействия, а также основания и условия их назначения несовершеннолетним, совершившим преступление небольшой или средней тяжести, не являющееся уголовным проступком (проектные ч. 2, 3 ст. 90 УК РФ), инициатор реформ предлагает сократить сроки принудительных мер, назначаемых подростку, совершившему уголовный проступок (проектные ч. 4, 5 ст. 90 УК РФ).

Не вдаваясь в тонкости юридической техники законодательного оформления ст. 90 УК РФ (излишняя конкретизация в ч. 1 ст. 90 УК РФ органа, который принимает решение об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности и применении принудительных мер воспитательного воздействия), конструкция которой стала более сложной (преимущественно состоящей из предложений, перегруженных многочис-

ленными существительными, в которые помещены еще и перечисления, требующие дизъюнкции), избыточной ссылочными нормами, исключениями из общего правила, усложняющими ее понимание, что таит в себе угрозу ошибочного применения на практике, следует обратить внимание на некоторые содержательные положения, которые, на наш взгляд, носят спорный характер.

Во-первых, предлагая закрепить освобождение от уголовной ответственности как императивное, автор законопроекта актуализирует вопрос о том, за что лицо, виновное в совершении уголовного проступка (пусть и отличающегося минимальной общественной опасностью), подлежит прощению со стороны государства. Из содержания предлагаемой ч. 1 ст. 90 следует один ответ: за совершение общественно опасного деяния. Это не только противоречит всем законам логики, так как само совершение криминального деяния определяет отказ государства от реализации уголовной ответственности, но и идет в разрез с принципами уголовного права (законность и справедливость).

Освобождение от уголовной ответственности подростка, совершившего уголовный проступок против собственности или в сфере экономической деятельности (соответствующий перечень содержится в проектной ч. 2 ст. 76.2 УК РФ), обременено требованием возмещением ущерба, но и в этом случае соответствующее условие может выполнить не сам нарушитель, а его родители или законные представители (закон не требует от несовершеннолетнего даже извинений, так как в ч. 1 ст. 90 говорится не о заглаживании вреда, а о возмещении ущерба).

Вряд ли предложенная формулировка уголовного закона обеспечивает реализацию предупредительной, воспитательной и ценностно-ориентационной функций, что особенно актуально в отношении несовершеннолетнего правонарушителя, в сознании которого может сформироваться чувство неуязвимости перед правосудием.

Во-вторых, предлагая самостоятельные правила назначения принудительных мер воспитательного воздействия несовершеннолетним, совершившим уголовный проступок (проектная ч. 1 ст. 90 УК РФ) и преступления небольшой или средней тяжести (проектная ч. 2 ст. 90 УК РФ), инициатор реформ, очевидно, исключает совершение подростком совокупности указанных деяний. Из содержания проектной ст. 90 УК РФ невозможно определить правила, которыми

должен руководствоваться суд, применяя данную норму в отношении несовершеннолетнего, совершившего мелкое хищение, будучи уже подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ – уголовный проступок), и кражу группой лиц по предварительному сговору (п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ – преступление средней тяжести). Из положений ст. 90 УК РФ следует, что применение принудительных мер воспитательного воздействия в случае совершения уголовного проступка носит императивный характер, а в случае преступления – диспозитивный (суд должен обосновать свое решение о том, что исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия). Ситуация усложняется и тем, что рассматриваемый вид прекращения уголовного преследования носит условный характер. И перед правоприменителем будет поставлена задача конкретизировать применяемые меры в отношении каждого нарушения закона, так как систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия влечет ее отмену и возобновление уголовного преследования (проектная ч. 6 ст. 90 УК РФ).

В-третьих, императивный характер ч. 1 ст. 90 УК РФ проекта поставит на практике вопрос о мерах, которые могут быть применены к подростку, совершившему общественно опасное деяние в несовершеннолетнем возрасте, но на момент рассмотрения дела в суде достигшему восемнадцати лет.

В-четвертых, теряется смысл заявленной инициатором реформ дифференциации уголовной ответственности³ при законодательном дублировании принудительных мер воспитательного воздействия, которые могут применяться как к несовершеннолетним, совершившим уголовный проступок (проектная ч. 1 ст. 90 УК РФ), так и к подросткам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести (проектная ч. 2 ст. 90 УК РФ).

В-пятых, вряд ли закрепление освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия в качестве императивного основания (проектные ч. 1 и 2 ст. 90 УК РФ) обеспечивает провозглашенную либерализацию уголовной политики, так как несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок, по сути наименьший по степени опасности из числа уголовно наказуемых,

не может быть освобожден от уголовной ответственности по другим основаниям, которые носят безусловный характер и не влекут применения мер государственного принуждения (ст. 75, 76 УК РФ). Кроме того, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим стимулирует позитивное посткриминальное поведение виновного, обеспечивая восстановление нарушенных преступлением общественных отношений.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что избранный в анализируемом законопроекте подход к смягчению уголовного

законодательства в целом и сокращению его репрессивного потенциала в отношении несовершеннолетних выглядит как минимум незрелым. Реализация курса на гуманизацию уголовной политики может быть осуществлена посредством декриминализации отдельных не представляющих существенной угрозы охраняемым уголовным законом интересам личности, общества и государства преступлений в разряд административных правонарушений. Добиться положительных изменений в социальной структуре общества за счет значительного сокращения лиц, имеющих судимость, можно посредством реформирования ст. 86 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В. Мировая юстиция и уголовный проступок: мнение ученого и практика (обоснование проблемы, современное состояние и меры по совершенствованию) // Мировой судья. 2016. № 12. С. 20–31; Сизова В. Н. Некоторые аспекты необходимости закрепления категории «уголовный проступок» в российском уголовном законодательстве // Рос. юстиция. 2020. № 3. С. 19–22; Головкин Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.

² Кругликов Л. Л., Лапшин В. Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон // Уголов. право. 2017. № 4. С. 80–83; Крылова Н. Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 90–107; Скрипченко Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказывать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.) // Журн. рос. права. 2018. № 10. С. 85–90.

³ Звечаровский И. Э. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45–46; Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда Российской Федерации ввести новую уголовно-правовую категорию // Рос. следователь. 2021. № 1. С. 45–48; Скрипченко Н. Ю. «Уголовный проступок»: наказывать нельзя освободить (анализ проекта федерального закона, одобренного пленумом Верховного Суда РФ 31 октября 2017 г.)

⁴ Санташов А. Л. Дифференциация и индивидуализация ответственности несовершеннолетних в уголовном и уголовно-исполнительном праве / под ред. Л. Л. Кругликова. Вологда, 2018.

¹ Gavrilov B. Ya., Rogova E. V. Mirovaya yusticiya i ugovolny'j prostupok: mnenie uchenogo i praktika (obosnovanie problemy', sovremennoe sostoyanie i mery' po sovershenstvovaniyu) // Mirovoj sud'ya. 2016. № 12. S. 20–31; Sizova V. N. Nekotory'e aspekty' neobходимosti zakrepleniya kategorii «ugolovny'j prostupok» v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve // Ros. yusticiya. 2020. № 3. S. 19–22; Golovko L. V. Zakonoproekt ob ugovolnom prostupke: mnimye smy'sly' i real'naya podopleka // Zakon. 2018. № 1. S. 127–136.

² Kruglikov L. L., Lapshin V. F. O posledstviyax vklyucheniya kategorii «ugolovny'j prostupok» v rossijskij ugovolny'j zakon // Ugolov. pravo. 2017. № 4. S. 80–83; Krylova N. E. Gumanizaciya ugovolnogo zakonodatel'stva prodolzhaetsya? Analiz proektov federal'ny'x zakonov, odobrenny'x Plenumom Verhovnogo Suda RF 31 iyulya 2015 g. // Zakon. 2015. № 8. S. 90–107; Skripchenko N. Yu. «Ugolovny'j prostupok»: nakazat' nel'zya osvobodit' (analiz proekta federal'nogo zakona, odobrennogo plenumom Verhovnogo Suda RF 31 oktyabrya 2017 g.) // Zhurn. ros. prava. 2018. № 10. S. 85–90.

³ Zvecharovskij I. E'. Na puti k ugovolnomu prostupku // Zakonnost'. 2021. № 2. S. 45–46; Marty'nenko N. E'. Marty'nenko E'. V. Ugolovny'j prostupok: vtoraya popy'tka Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii vvesti novuyu ugovolno-pravovuyu kategoriyu // Ros. sledovatel'. 2021. № 1. S. 45–48; Skripchenko N. Yu. «Ugolovny'j prostupok»: nakazat' nel'zya osvobodit' (analiz proekta federal'nogo zakona, odobrennogo plenumom Verhovnogo Suda RF 31 oktyabrya 2017 g.)

⁴ Santashov A. L. Differenciaciya i individualizaciya otvetstvennosti nesovershennoletnix v ugovolnom i ugovolno-ispolnitel'nom prave / pod red. L. L. Kruglikova. Vologda, 2018.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-86-92
УДК 343.3/7

Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса

Е. З. СИДОРОВА – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук;

А. А. УСТЮЖАНИНА – курсант факультета подготовки следователей и судебных экспертов Восточно-Сибирского института МВД России

В статье анализируются особенности состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ. Дается уголовно-правовая характеристика состава преступления, выявляются пробелы законодательства, регулирующего порядок защиты участников уголовного судопроизводства, возможности усовершенствования норм, предусматривающих уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности названных лиц. В частности, обозначена недостаточность перечня лиц, которые могут стать субъектом рассматриваемого преступления. Отмечается, что преступление, предусмотренное ст. 311 УК РФ, является высоколатентным, поскольку участники судебного процесса подвержены влиянию со стороны субъектов преступления и зачастую не обращаются в правоохранительные органы. Делается вывод, что необходимо совершенствовать механизм защиты участников уголовного процесса, поскольку от их безопасности нередко зависят справедливость и обоснованность судебных решений.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика; преступления против правосудия; разглашение сведений; безопасность; участники уголовного процесса.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Сидорова Е. З., Устюжанина А. А. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 86–92, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-86-92.

Criminal liability for disclosing information about security measures applied to participants in criminal proceedings

E. Z. SIDOROVA – Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. of Law;

A. A. USTYUZHANINA – Cadet of the Faculty of Investigators and Forensic Experts Training of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the features of the corpus delicti under Art. 311 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article provides a criminal-legal characteristic of the corpus delicti, identifies the problems of legislative norms regulating the procedure for protecting participants in criminal proceedings, the possibility of improving the norms providing for criminal liability for disclosing information about the security measures of the named persons. In particular the lack of the list of persons who may become the subject of the crime in question is indicated. It is noted that the crime under Art. 311 of the Criminal Code of the

Russian Federation is highly latent, since the participants in the trial are influenced by the subjects of the crime and often do not apply to law enforcement agencies. It is concluded that it is necessary to improve the mechanism of protection of participants in criminal proceedings, since fairness and validity of court decisions often depend on their safety.

Key words : criminal law characteristics; crimes against justice; disclosure of information; security; participants in the criminal process.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Sidorova E. Z., Ustyuzhanina A. A. Criminal liability for disclosing information about security measures applied to participants in criminal proceedings. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 86–92, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-86-92.

Одним из направлений охраны УК РФ является деятельность органов правосудия. Безопасность участников уголовного судопроизводства является необходимым элементом реализации деятельности по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений. Ненадлежащее обеспечение мер безопасности или засекречивание сведений о мерах безопасности может затруднить деятельность по сбору и оценке доказательств, расследованию преступлений, вынесению справедливого судебного решения, приговора, может поставить в опасность лиц, способствующих эффективному расследованию преступлений. Кроме участников уголовного судопроизводства, в отношении которых применены меры безопасности, могут быть подвержены угрозе и сотрудники, уполномоченные обеспечивать охрану потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, нуждающихся в государственной защите.

Ненадлежащее обеспечение мер безопасности указанных лиц снижает эффективность уголовной системы, следствием чего становится недоверие к правоохранительным органам и органам правосудия, поскольку участники уголовного судопроизводства будут исполнять свои процессуальные обязанности только при наличии гарантии собственной безопасности и безопасности близких.

Актуальность темы заключается в том, что в настоящий период в России механизм государственной защиты участников уголовного судопроизводства остается несовершенным, не все значимые элементы этого механизма формально определены и урегулированы. В этой связи одним из рычагов противодействия преступлениям, совершаемым в отношении участников уголовного судопроизводства, остается уголовно-правовая охрана данных отношений, что нашло свое отражение в ст. 311 УК РФ – разглашение сведений о мерах безопасности, при-

меняемых в отношении судьи и участников уголовного процесса.

Социальная обусловленность появления уголовной ответственности за посягательства на общественные отношения, связанные с обеспечением защиты участников уголовного судопроизводства, возникла из комплексной проблемы защиты участников уголовного судопроизводства.

Для справедливого осуществления правосудия и эффективного расследования преступлений требовалось специализированное нормативное регулирование. Так как со временем возрастало противодействие правоохранительным органам и органам правосудия, что вносило резонанс в сложившуюся систему, и не было специальных норм для регулирования данного направления, законодатель внес в уголовный закон гл. 31, объектом охраны которой выступило нормальное функционирование органов правосудия.

В России законодательная основа государственной защиты участников уголовного процесса сформирована с учетом положений зарубежного законодательства. Законодательство других стран в данной области складывалось долгое время и характеризуется эффективностью своего применения. В России данное направление является достаточно молодым. За рубежом, например в США, Канаде, Италии, Германии, специальные законы о защите участников уголовного судопроизводства функционируют уже давно. В этом отношении Россию опередили и такие государства, как Казахстан, Республика Молдова, Украина (так, украинский закон «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве» был принят еще в 1993 г.)¹.

В некоторых зарубежных странах не один год действуют самостоятельные законы, которые устанавливают основные положения, понятия, классификацию мер безопасно-

сти, распределяют полномочия между специальными органами, уполномоченными обеспечивать безопасность участников судебного процесса.

Защита участников уголовного судопроизводства от противоправных посягательств привлекает внимание все большего количества ученых, политических деятелей и практических работников. Актуальность данного направления государственной деятельности не вызывает сомнений, поскольку без должной защиты участников судопроизводства страдает эффективность противодействия преступности.

В связи с тем что такое преступление, как разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ), является по своей природе высоклатентным, на практике нередко возникают трудности в выявлении подобных преступлений. Кроме этого, разглашение соответствующих сведений ставит под угрозу жизнь, здоровье и законные интересы участников уголовного процесса.

Официальные статистические данные свидетельствуют о том, что по данной статье граждане к уголовной ответственности не привлекаются².

Отсутствие судебной практики по данному составу говорит не о том, что данное преступление не совершается, а о том, что оно имеет тайный характер.

Скрытность рассматриваемого преступления зависит от следующих факторов:

1) проблемы доказывания, поскольку зачастую под угрозами расправы участники не могут обратиться за помощью;

2) бездействие органов судебной власти или иных правоприменителей;

3) недостаточный профессионализм работников, которые наделены полномочиями по раскрытию и расследованию таких преступлений;

4) частичная разработанность системы защиты и охраны прав и интересов участников уголовного судопроизводства;

5) отсутствие разъяснений отдельных положений уголовно-правовых норм.

Для детального понимания ст. 311 УК РФ необходимо изучение не только норм УК РФ, но и правовых предписаний иных нормативных актов, таких как:

- Конституция Российской Федерации;
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;
- Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации;

– ряд специальных нормативно-правовых актов, в том числе федеральные законы от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»³, от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁴ и др.

В Конституции России как основополагающем нормативном документе прописан ряд статей, гарантирующих права, свободы и законные интересы. При их нарушении лицо может быть привлечено к ответственности, в том числе уголовной. Данное положение применимо и к ст. 311 УК РФ.

Например, в УПК РФ содержатся основания применения мер безопасности по отношению к участникам уголовного процесса, а также указаны сами меры безопасности и иные нормы. Иными словами, УПК РФ закрепляет нормы защиты участников уголовного судопроизводства, а УК РФ выступает гарантом охраны этих норм в случае нарушения.

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в свою очередь определяет перечень участников уголовного судопроизводства, которые подлежат государственной защите. К таким участникам относятся:

- 1) потерпевший и его представители;
- 2) свидетель;
- 3) частный обвинитель;
- 4) подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники, представители;
- 5) осужденный, оправданный, лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено;
- 6) эксперт, специалист, переводчик, понятые;
- 7) другие лица, участвующие в уголовном деле.

Основанием применения мер безопасности в отношении указанных лиц, а также их родственников и близких является угроза убийством, насилием или посягательства на имущество этих лиц.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 311 УК РФ, заключается в разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса или их близких, если это деяние совершено лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, заключа-

ется в том, что само разглашение сведений о защищаемых лицах может повлечь наступление нежелательных последствий и поставить под угрозу лиц, в отношении которых применяются меры безопасности, а также может привести к рассекречиванию служебной информации о средствах и методах защиты лиц. Разглашение столь значимой и конфиденциальной информации сводит эффективность защиты к нулю, если это становится известным посторонним лицам. Участники судебного процесса, а также их близкие ставятся под угрозу, в опасности находятся их жизнь, здоровье или имущество.

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, показывает, что основным объектом данного преступления выступает нормальное функционирование всех органов, участвующих в правосудии. Некоторые специалисты выделяют дополнительный объект в виде собственности, права на неприкосновенность и подобные законные интересы участников уголовного судопроизводства. Кроме этого, правоведа, например А. Г. Кибальник, И. Г. Соломошенко, в качестве дополнительного объекта выделяют именно охрану тайны информации о личностях и мерах безопасности по отношению к участникам уголовного судопроизводства⁵.

Предметом преступления ст. 311 УК РФ являются сведения о мерах безопасности, которые применяются по отношению к участникам уголовного процесса, их родственникам и близким лицам.

Объективная сторона рассматриваемого нами состава преступления выражается в большей степени в действии, хотя нередко ученые, детально исследовавшие эту проблему, выделяют и бездействие⁶. Действие предполагает активность в виде разглашения любым способом, например доведение информации устно, письменно, жестами или иным образом, любому лицу, которое этой информацией не должно обладать. Бездействие носит характер ненадлежащего выполнения обязанностей по обеспечению сохранности информации, например оставление открытой информации для других лиц, низкое засекречивание и т. п.

Разглашение сведений само по себе не несет угрозу безопасности участникам уголовного судопроизводства. Вместе с тем законодатель отнес квалифицированный вид данного преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 311 УК РФ, к категории средней тяжести. Считаем такой подход законодателя не-

оправданным и слишком мягким, поскольку под угрозу поставлены жизнь и здоровье участников уголовного судопроизводства. Полагаем, что необходимо ужесточить наказание, предусмотренное данной статьей. При этом если законодатель признает целесообразным ужесточить наказание и изменить категорию преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 311 УК РФ, то в этом случае необходимо ставить вопрос об изменении категории преступления основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 обозначенной статьи. В противном случае образуется разрыв в категориях преступлений между ч. 1 и 2 ст. 311 УК РФ, что при построении норм Особенной части уголовного закона является признаком непоследовательности и недочетом конструирования.

За целесообразность ужесточения наказания по ст. 311 УК РФ, в первую очередь по ч. 2, неоднократно высказывались ученые. В научной литературе справедливо отмечается, что наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет не соответствует характеру и степени общественной опасности деяния, повлекшего за собой тяжкие последствия, в связи с чем исследователи придерживаются мнения о необходимости усиления санкции за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 311 УК РФ⁷.

Должностные лица, обладающие информацией о государственной защите участников уголовного судопроизводства и не соблюдающие в полной мере требования закона о сохранении данной информации, являются потенциально опасными для лиц, в отношении которых применяются меры по обеспечению безопасности. Важно понимать, что распространение секретной информации о защищаемом лице, которое, например, способствовало эффективному расследованию уголовного дела, может привести к тяжким последствиям, снижению эффективности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в целом.

Данное преступление считается оконченным в тот момент, когда обозначенные нами ранее сведения об участниках уголовного судопроизводства были переданы хотя бы одному лицу, которое не должно было их знать и не имело право на ознакомление⁸.

Стоит отметить, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 311 УК РФ, является формальным, а квалифицированный состав, предусмотренный ч. 2 данной статьи, относится к категории материальных, поскольку подразумевает наступление тяжких последствий. Тяжкие последствия

должны находиться в причинно-следственной связи с разглашением информации о мерах безопасности участников уголовного процесса.

Тяжкими последствиями применительно к данному составу могут быть, например, причинение тяжкого вреда здоровью, убийство участников уголовного процесса, в отношении которых были применены меры безопасности, или их близких, гибель сотрудника правоохранительного органа, который обеспечивал безопасность участников процесса, и др. Совершение действий, направленных на наступление описанных последствий, квалифицируется по совокупности преступлений. Приведем пример. Лицо в силу служебной деятельности обладает сведениями о защищаемом участнике уголовного судопроизводства и целенаправленно разглашает данные сведения своему знакомому, при этом цель такого разглашения заключается в том, чтобы указанный знакомый причинил тяжкий вред здоровью защищаемому участнику уголовного процесса. В этом случае указанное нами лицо понесет уголовную ответственность в качестве не только исполнителя по ч. 2 ст. 311 УК РФ, но и пособника по соответствующей части ст. 111 УК РФ.

Тяжкие последствия применимо к рассматриваемому деянию можно систематизировать, как:

1) причинение вреда защищаемому лицу (убийство, вред здоровью, причинение значительного имущественного ущерба);

2) невыполнение или ненадлежащее выполнение защищаемым лицом своих процессуальных обязанностей (вынесение неправосудного приговора, дача ложных показаний или ложного заключения, отказ от дачи показаний или заключения и т. д.);

3) причинение вреда органам, обеспечивающим государственную защиту (посягательство на жизнь сотрудника, осуществляющего меры безопасности, причинение вреда его здоровью, существенные материальные затраты на применение дополнительных мер безопасности и т. д.).

В законе не указывается форма вины по отношению к этим последствиям, что в соответствии с положениями ст. 24 УК РФ дает основания предполагать наличие как умысла, так и неосторожности. Если мы говорим о виде вины, то субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется в первую очередь прямым умыслом, однако возможна, как уже отмечалось, и преступная небрежность.

В научной литературе по данной проблеме многие авторы не дают ответа на вопрос о форме вины в квалифицированном составе рассматриваемого преступления. Предполагается, что с учетом особенностей самого деяния, наступивших последствий и предусмотренной в ч. 2 ст. 311 УК РФ санкции требуется законодательное указание на неосторожную форму вины по отношению к последствиям.

Субъект преступления, определенный законодателем, специальный, то есть должен являться физическим, вменяемым лицом, достигшим 16 лет, которому соответствующие сведения были доверены либо стали известны в связи со служебной деятельностью. Вместе с тем, учитывая, на каких субъектов возлагаются функции по осуществлению государственной защиты участников уголовного судопроизводства, трудно предположить, что служебная деятельность может начаться в 16 лет. Соответственно, на практике возраст субъектов преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ, будет превышать установленную законодателем границу в 16 лет.

Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» выделяет следующие органы, обеспечивающие безопасность указанных лиц:

1) органы, изначально принимающие решение об осуществлении мер безопасности по существующим основаниям;

2) органы, непосредственно осуществляющие меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства;

3) органы в области социальной поддержки.

Решение о производстве мер безопасности вправе принимать:

1) судья;

2) начальник органа дознания;

3) руководитель следственного органа;

4) следователь.

К органам, обеспечивающим безопасность участников уголовного процесса, относятся специально уполномоченные органы, такие как органы, принимающие решение о государственной защите; органы, осуществляющие меры безопасности; органы, осуществляющие меры социальной поддержки.

Органы в области социальной поддержки назначаются Правительством Российской Федерации.

Перечень лиц, которые задействованы в государственной защите участников

уголовного судопроизводства, достаточно широк, что свидетельствует о большой численности потенциальных субъектов преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ.

Анализ состава преступления по ст. 311 УК РФ свидетельствует о некоторых спорных моментах. Например, правоприменители при квалификации преступных действий против правосудия и действий, которые представляют угрозу безопасности его участникам, могут столкнуться с рядом проблем. В частности, следует отметить, что преступление в виде разглашения по своей природе высоколатентно. Связано это с трудностями в определении субъекта преступления. В диспозиции статьи обозначено, что субъект – специальный. Вместе с тем распространить секретные сведения, в том числе информацию о мерах безопасности в отношении участников уголовного процесса, может и лицо, которое стало их обладателем незаконно (например, похитив такую информацию). В силу особенностей диспозиции ст. 311 УК РФ такое лицо уголовную ответственность по данной статье нести не будет, поскольку не обладает признаками специального субъекта. Иными словами, в таком случае можно говорить не о субъекте преступления, а лишь о возможности совершения деяния (общественная опасность которого присуща преступлению), связанного с неправомерным получением сведений, составляющих предмет преступления в ст. 311 УК РФ.

Вероятно, отсутствие возможности привлечения к уголовной ответственности общего субъекта за разглашение сведений, касающихся безопасности участников уголовного процесса, связано с недостаточным уровнем разработанности уголовно-правовых норм, регулирующих данные отношения, а также с отсутствием постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной проблеме.

В этой связи считаем, что в гл. 31 УК РФ целесообразно включить норму, схожую с п. «д» ч. 2 ст. 283.1 УК РФ, устанавливающую уголовную ответственность за получение сведений, составляющих государственную тайну, путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом, если данное деяние сопряжено с распространением сведений, составляющих государственную тайну. Иными словами, в гл. 31 УК РФ целесообразно включить норму, устанавливающую уголовную ответственность за получение сведений о мерах безопасности,

применяемых в отношении участников уголовного процесса или их близких, путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом, если данное деяние сопряжено с распространением сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении указанных лиц.

Если бы законодатель ввел подобную правовую норму в рассматриваемую нами главу, то у правоприменителя появилась бы возможность привлекать к уголовной ответственности не только специального, но и общего субъекта за распространение сведений о мерах безопасности участников уголовного процесса. Вместе с тем следует понимать, что введение нового состава преступления нельзя рассматривать в качестве способа устранения недочетов ст. 311 УК РФ. Учитывая, что объективная сторона деяния в новом составе преступления принципиально иная, как и субъект и субъективная сторона преступления, данная норма не компенсирует отдельные просчеты конструкции базового состава, направленного на обеспечение безопасности участников уголовного процесса в ст. 311 УК РФ.

Подводя итог, отметим, что рассматриваемый состав преступления является довольно сложным как по своей специфике, так и по анализу. Связано это с недостаточной доработкой уголовно-правовых норм. В этой связи считаем необходимым ввести новый состав преступления, о котором мы ранее говорили, для того чтобы у правоприменителя появилась возможность привлекать к уголовной ответственности за распространение сведений о мерах безопасности участников уголовного процесса или их близких субъекта, ставшего обладателем данных сведений не в силу своей служебной деятельности, а в результате незаконного их приобретения и получения.

Преступление, предусмотренное ст. 311 УК РФ, является достаточно латентным, поскольку участники судебного процесса подвержены влиянию со стороны субъектов преступления и редко обращаются в правоохранительные органы. Конечно, закон дает гарантию защиты участников уголовного судопроизводства, охраны их интересов и реализует меры по обеспечению безопасности указанных лиц. Однако ненадлежащее исполнение должностными лицами своих обязанностей может привести к возникновению угрозы безопасности защищаемых лиц. Подобные действия могут породить снижение эффективности раскрываемости

преступлений, их расследования и предотвращения.

Разглашение сведений о мерах безопасности участников уголовного процесса может выразиться как в активном действии путем использования устной или письменной речи либо жестов, так и, по мнению некоторых специалистов, в форме бездействия (например, целенаправленное оставление секретной информации в месте, допускающем ее просмотр).

Субъективная сторона данного преступления заключается в прямом умысле, однако нет оснований исключать такую форму вины, как неосторожность в виде преступной небрежности. Если говорить о ч. 2 ст. 311 УК РФ, то при прямом умысле виновный не просто осознает общественную опасность своих действия, но и предвидит возможность наступления тяжких послед-

ствий в виде смерти или причинения вреда здоровью и других последствий, и в таком случае будет просматриваться конкретная цель – воспрепятствование деятельности всех органов правосудия и нарушение прав и свобод участников. В свою очередь при небрежности лицо, несмотря на то что не осознает всей общественной опасности своего деяния, исполняет свои обязанности ненадлежащим образом. Различие в данном случае заключается именно в наличии или отсутствии преступной цели.

В заключение можно сделать вывод, что проблема законодательства в данной области существует и требует некоторых доработок. Считаем необходимым совершенствовать механизм защиты участников уголовного процесса, поскольку от их безопасности нередко зависят справедливость и обоснованность судебных решений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большаков А. П., Пупцева А. В. Проблемы реализации защиты прав свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // Науч. обозрение. Рефератив. журн. 2015. № 2. С. 128.

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014–2019 годы : офиц. сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 16.04.2020).

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.

⁴ Там же. 2004. № 34. Ст. 3534.

⁵ Кибальник А. Г., Соломошенко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А. В. Наумова. СПб., 2004. С. 83.

⁶ Власов И. С. Об объекте преступлений против правосудия // Учен. зап. ВНИИСЗ. М., 1964. Вып. 1 (18). С. 100.

⁷ Линевиц Я. В. Особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 311 УК РФ // Проблемы в рос. законодательстве. 2015. № 1. С. 175.

⁸ Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. С. 57.

¹ Bol'shakov A. P., Pupceva A. V. Problemy` realizacii zashhity` prav svidetelej i poterpevshix v ugovlovnom sudoproizvodstve // Nauch. obozrenie. Referativ. zhurn. 2015. № 2. S. 128.

² Svodny'e statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2014–2019 gody` : ofic. sajт Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (data obrashheniya: 16.04.2020).

³ Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1995. № 17. St. 1455.

⁴ Tam zhe. 2004. № 34. St. 3534.

⁵ Kibal'nik A. G., Solomonenko I. G. Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva / pod nach. red. A. V. Naumova. SPb., 2004. S. 83.

⁶ Vlasov I. S. Ob ob`ekte prestuplenij protiv pravosudiya // Uchen. zap. VNIISZ. M., 1964. Vy'p. 1 (18). S. 100.

⁷ Linevich Ya. V. Osobennosti ob`ektivnoj storony` sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 311 UK RF // Probely` v ros. zakonodatel'stve. 2015. № 1. S. 175.

⁸ Prestupleniya protiv pravosudiya / pod red. A. V. Galaxovoj. M., 2005. S. 57.

Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности

М. В. ФОЙЕР – помощник нотариуса в Нотариальной конторе нотариуса Вятскополянского нотариального округа Кировской области Петровой Г. Е.

В статье проанализирована правовая природа института освобождения от уголовной ответственности, которая носит поощрительный характер, поскольку законодатель учитывает позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление. Определены условия и основания освобождения от уголовной ответственности. Отмечено, что основанием освобождения от уголовной ответственности выступает отсутствие необходимости и целесообразности привлечения к ней лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, ввиду отсутствия его общественной опасности. Условиями освобождения от уголовной ответственности являются такие обстоятельства, которые относятся к совершенному преступлению и лицу, совершившему преступление. Дана классификация условий освобождения от уголовной ответственности. Подчеркнут поощрительный характер освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности. Предлагается дополнить норму об освобождении от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности позицией о прерывании сроков давности в связи с совершением нового умышленного преступления.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; правовая природа; виды; основания; условия; поощрительные нормы; институт; позитивное постпреступное поведение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Фойер М. В. Правовая природа института освобождения от уголовной ответственности. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 93–98, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-93-98.

The legal nature of the institution of exemption from criminal liability

M. V. FOYER – Assistant Notary in the Notary's office of the notary of the Vyatskopolyanskiy notary district of the Kirov region by Petrova G. E.

The article analyzes the legal nature of the institution of exemption from criminal liability, which is encouraging in nature, since the legislator takes into account the positive post-criminal behavior of the person committed the crime. The conditions and grounds for exemption from criminal liability have been determined. It is noted that the basis for exemption from criminal liability is the absence of the need and expediency of bringing to it a person suspected or accused of committing a crime, due to the absence of his public danger. The conditions for exemption from criminal liability are those circumstances that relate to the crime committed and the person committed the crime. The classification of conditions for exemption from criminal liability is given. The encouraging character of exemption from criminal liability in connection with the expiration of the statute of limitations is emphasized. It is proposed to supplement the provision on exemption from criminal liability in connection with the expiration of the statute of limitations with a position on interrupting the statute of limitations in connection with the commission of a new deliberate crime.

Key words: exemption from criminal liability; legal nature; forms; grounds; conditions; incentive norms; institute; positive post-crime behavior.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation: Foyer M. V. The legal nature of the institution of exemption from criminal liability. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 93–98, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-93-98.

В современном российском обществе продолжается процесс реформирования уголовного законодательства. Вектор развития направлен в сторону гуманизации уголовного права. В качестве одного из самых результативных на данный момент средств гуманизации является институт освобождения от уголовной ответственности относительно лиц, являющихся подозреваемыми или обвиняемыми в совершении преступного деяния.

В действующем УК РФ содержатся следующие разновидности освобождения индивида от несения им уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76), в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1), в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2), в связи с истечением сроков давности (ст. 78), вследствие акта об амнистии (ст. 84). К специальным видам относятся, например, освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90), предусмотренные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (ст. 126).

Уголовно-правовые положения исследуемого института также можно разделить на факультативные, в соответствии с которыми их применение осуществляется на усмотрение правоприменителя (то есть является его правом), и обязательные, применение которых является обязанностью дознавателя, следователя или судьи.

Исследуя сущностную характеристику рассматриваемого явления, важно также отметить тот факт, что освобождение индивида, подозреваемого или же обвиняемого в совершении уголовно наказуемого деяния, от уголовной ответственности по какому-либо из вышеперечисленных условий не делает данное лицо невиновным в его совершении. Таким образом, лица, не являющиеся подлежащими уголовной ответственности, ни при каких обстоятельствах не могут от нее быть освобождены. Указанный выше перечень условий применяется исключительно при наличии в действиях индивида всех признаков состава преступного деяния. Также важен тот момент, что возбужденное уголовное дело в этом случае не может быть прекращено, например, ввиду его малозначительности или отсутствия

состава преступления. Только в отношении лиц, которые выступают в качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу, возможно применение механизма освобождения от уголовной ответственности. Исследуя данную тему, важно подчеркнуть различие между двумя институтами: институтом освобождения от уголовной ответственности и институтом освобождения от наказания. Это различие заключается в том, что в случае с первым названным институтом не выносится обвинительный приговор, соответственно, не назначается наказание и не наступает состояние судимости, однако за лицом остается обязанность ответить по гражданскому иску. Также следует отметить тот факт, что, если индивид выражает желание отказаться от освобождения от уголовной ответственности и желает продолжения расследования, в таком случае рассмотрение его дела продолжается (ч. 8 ст. 302 УПК РФ).

Подчеркнем, что существование и применение на практике положений исследуемого института ни в коей мере не означает, что государство дает положительную оценку преступным действиям лица. Указанные выше разновидности освобождения индивида от несения им уголовной ответственности за совершенное преступное деяние выступают в качестве нереабилитирующих¹.

Обратимся к материалам правоприменительной практики. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 акцентируется внимание на необходимости по каждому из уголовных дел осуществлять тщательную проверку на наличие оснований для применения к индивиду, совершившему уголовно наказуемое деяние, следующих положений действующего уголовного закона: ст. 75, 76, 76.1 или 78 УК РФ².

Сама правовая природа исследуемого нами института носит дискуссионный характер. Большинство ученых относят положения данного института к поощрительным. При этом одна группа представителей науки уголовного права определяет поощрение в данном аспекте в качестве метода нормативно-правового регламентирования на базе обязывающих или же управомачивающих законодательных положений, вторая – в качестве стимула, находящегося вне действия правового поля.

Так, В. М. Баранов представил правовую форму поощрения как один из возможных вариантов законодательного регламентирования и одновременно с этим результативного метода повышения положительной активности граждан³.

С. С. Алексеев, исследуя данный вопрос, подчеркивает, что в качестве специфической черты положений поощрительного характера следует назвать тот фактор, что в основе их лежит поведение, являющееся на правовом уровне необязательным, а на социальном – желательным, как следствие влекущее обязанность или правомочие уполномоченных на то государственных органов осуществлять применение поощрительных мер⁴.

В свою очередь, В. А. Елеонский отмечает, что положения поощрительного характера значительно выделяются среди обычных положений отечественного уголовного права, переплетаются с ними, выступая тем самым в качестве достаточно сложной системы, призванной способствовать достижению целей и решению задач отечественной уголовной сферы⁵.

Иное мнение относительно исследуемого вопроса принадлежит В. М. Галкину, который отмечает, что цель положений поощрительного характера заключается в том, чтобы содействовать исправлению и адаптации в социуме лиц, совершивших преступное деяние⁶.

В свою очередь, Р. М. Мелтонян полагает, что положения уголовного закона, носящие поощрительный характер, представляют собой отдельный пласт уголовных положений, который следует охарактеризовать как установленные на законодательном уровне правила поведения субъектов, соблюдение коих регулируется в частности при помощи таких мер, как исключение, смягчение или полное устранение наказания, применяемые при правильном с позиции социума поведении лица⁷.

Альтернативная позиция – так называемая «теория компромисса». По мнению Х. Д. Аликпера, который является автором данной теории, группа положений уголовного закона дает индивиду, виновному в совершении преступного деяния, гарантированную возможность избежать наказания за совершенное деяние путем совершения им перечисленных в законе действий⁸.

В свете исследуемой темы интересна позиция А. А. Князькова, который выделяет две основные формы освобождения от уголовной ответственности:

– стимул, под которым понимается желание индивида вести себя «правильно» после совершения им преступного деяния с целью получения определенных льгот со стороны государства (например, ст. 75, 228, 291 УК РФ и др.);

– компромисс, под которым понимается отказ государства от уголовного преследования индивида, совершившего преступное деяние, вне зависимости от его поведения после совершения оно (например, ст. 208, 78 УК РФ)⁹.

Несколько иное мнение по поводу такой формы освобождения от уголовной ответственности, как компромисс высказывает А. П. Фильченко, который полагает, что сущностное содержание данной формы составляют правомочия и обязанности субъектов уголовной ответственности, в полной мере соответствующих друг другу. При этом к данной форме автор относит лишь одно положение уголовного закона, а именно ч. 2 ст. 75 УК РФ, и полагает неправильным его расположение в разделе поощрительных мер¹⁰.

В свете представленного анализа отметим, что мы поддерживаем мнение представителей науки уголовного права, выделяющих поощрительную правовую природу положений исследуемого института, так как их применение является результатом добровольного позитивного постпреступного поведения лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, а данные положения занимают самостоятельное место в классификации норм уголовного права.

Еще одним дискуссионным вопросом являются условия и основания освобождения индивида от несения им уголовной ответственности.

Следует, в частности, подчеркнуть, что некоторые исследователи не разграничивают термины «основание освобождения» и «условия освобождения», используя их как синонимы. Например, Х. Д. Аликперов и К. Курбанова, давая характеристику освобождения от уголовной ответственности по причине деятельного раскаяния, определяют явку с повинной, способствование раскрытию преступления и устранение виновным вредных последствий содеянного. Эти признаки они именуют то условиями, то основаниями¹¹.

В толковом словаре одно из значений термина «основание» обозначается как являющаяся существенной причина, весомый повод, оправдывающие что-либо¹². По нашему

мнению, основанием освобождения от несения индивидом уголовной ответственности следует признать нецелесообразность реализации наказания. Причиной принятия данного решения должна быть уверенность правоприменителя в том, что лицо, нарушившее уголовный закон, перестало быть опасным для общества, по этой причине цели уголовной ответственности могут быть достигнуты без осуждения и применения наказания за содеянное.

Вывод о нецелесообразности реализации уголовной ответственности должен быть основан на совокупности условий, предусмотренных в соответствующем уголовно-правовом положении, регламентирующем тот или иной вид освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–78 УК РФ).

Условия освобождения от уголовной ответственности – это обстоятельства, относящиеся к совершенному преступному деянию и лицу, непосредственно его совершившему¹³:

- характеристика совершенного преступления: указание либо категории преступления (ст. 75, 76, 76.2, 78 УК РФ), либо конкретного вида преступления (ст. 76.1 УК РФ);

- позитивное постпреступное поведение лица: добровольная явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, возмещение ущерба, в том числе в полном объеме, заглаживание вреда, примирение с потерпевшим, своевременная и в полном объеме выплата штрафа (ст. 75, 76, ч. 1 ст. 76.1, ч. 2 ст. 76.1, ч. 3 ст. 76, ст. 76.2, 78 УК РФ);

- факт совершенных лицом преступлений впервые (ч. 1 ст. 75, ст. 76, 76.2 УК РФ);

- факт совершения лицом впервые определенных преступлений, указанных в ч. 1, 2 ст. 76.1 УК РФ;

- отсутствие общественной опасности (ч. 1 ст. 75 УК РФ);

- истечение временного периода (давность), после которого в обязательном порядке индивид освобождается от несения уголовной ответственности за совершенное преступное деяние: истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ) – как определенного рода обстоятельство, которое не является зависящим от воли подозреваемого или обвиняемого. Несмотря на отсутствие добровольности подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, данная норма, на наш взгляд, является также поощрительной, поскольку государство по истечении определенного количества времени, придерживаясь политики гуманизма

в области уголовного права, предоставляет позитивный стимул подозреваемому или обвиняемому в виде освобождения от уголовной ответственности, подразумевая, что лицо по прошествии определенного времени перестало быть общественно опасным.

Таким образом, следует отметить, что при регламентации отдельных разновидностей исследуемого института законодатель не дает разъяснений, что именно следует относить к условиям, а что непосредственно к основанию освобождения виновного. По нашему мнению, законодателем предусмотрены именно условия освобождения от уголовной ответственности, соответственно, к каждой разновидности освобождения от уголовной ответственности они прописаны отдельно. Именно их выполнение является показателем того, что лицо, совершившее преступление, утратило опасность для общества и по этой причине может быть освобождено от уголовной ответственности. В свою очередь, в качестве общего основания освобождения от уголовной ответственности выступает нецелесообразность или невозможность привлечения лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, к суду и применения к нему иных мер уголовно-правового характера.

Также дискуссионными представляются условия применения нормы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ).

Так, действующая редакция УК РФ не предусматривает прерывания течения сроков давности в связи с совершением нового преступления. Следует предположить, что индивид, совершивший уголовно наказуемое деяние, не привлеченный за его совершение к уголовной ответственности или освобожденный от оной по данному основанию, может почувствовать свою безнаказанность и продолжить заниматься преступной деятельностью. Поэтому В. В. Мальцев полагает необходимым прерывать сроки давности совершением нового преступного деяния средней тяжести, тяжкого и особо тяжкого¹⁴, А. В. Ендольцева, Ю. В. Ендольцева считают, что прерывание сроков давности будет в случае совершения умышленного преступления¹⁵, В. Д. Борисова допускает прерывание сроков давности любым преступлением (любой тяжести и формы вины), мотивируя это тем, что индивид, вновь совершивший уголовно наказуемое деяние, не исправился, не испытывает раскаяния, полагает свое поведение до-

пустимым, то есть наблюдается ситуация, когда условия освобождения от уголовной ответственности по истечении срока давности отсутствуют¹⁶.

Обращаясь к зарубежному опыту, также возможно проследить тенденцию прерывания сроков давности совершением нового преступления (ч. 3 ст. 83 УК Республики Беларусь¹⁷; ч. 4 ст. 60 УК Республики Молдова¹⁸; ст. 89 УК КНР¹⁹).

Исторический опыт нашего государства также говорит о целесообразности прерывания течения сроков давности в случае совершения нового преступления (ч. 2 ст. 48 УК РСФСР).

В связи с этим, на наш взгляд, представляется целесообразным внести изменение в ч. 2 ст. 78 УК РФ и указать на то, что течение сроков давности прерывается, если до истечения указанных в ч. 1 ст. 78 УК РФ сроков лицо совершит новое умышленное преступление. Исчисление сроков давности в этом случае начинается со дня совершения нового преступления по каждому преступлению отдельно.

Полагаем, что такое изменение также подчеркнет поощрительный характер норм института освобождения от уголовной ответственности, будет соответствовать принципу справедливости, а также соблюдению прав потерпевшего в рамках политики, направленной на гуманизацию на территории Российского государства уголовного законодательства.

Таким образом, несмотря на широкую дискуссионность, мы разделяем мнение большинства исследователей о том, что рассматриваемые нормы носят поощрительный характер, являются самостоятельными в классификации уголовно-правовых норм, их сущность заключается в стимулировании позитивного постпреступного поведения подозреваемого или обвиняемого в исключительно добровольном порядке. Представляется важным указать на разделение понятий условий и оснований освобождения от уголовной ответственности, а также целесообразность изменения условия освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зацепилов М. А. Принципы, основание и условия освобождения от уголовной ответственности // Право. Общество. Государство : сб. науч. тр. студентов и аспирантов / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) и др. СПб., 2020. С. 66.

² О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

³ Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978. С. 8.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1982. Т. 11. С. 80.

⁵ Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 5.

⁶ Галкин В. М. Система поощрений в советском уголовном праве // Сов. гос-во и право. 1977. № 2. С. 93–94.

⁷ Мелтоян Р. М. Поощрительные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 42.

⁸ Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. С. 65.

⁹ Князьков А. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. С. 105.

¹⁰ Фильченко А. П. Компромисс как метод уголовно-правового регулирования // Вестн. Перм. ун-та. 2013. № 2 (20). С. 251–259.

¹¹ Аликперов Х. Д., Курбанова К. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Гос-во и право. 2000. № 1. С. 57.

¹² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М, 1970. С. 451.

¹³ Савин А. А. Освобождение от уголовной ответственности. классификация видов, основания и условия // Modern Science. 2020. № 10-1. С. 195.

¹⁴ Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004. 694 с.

¹⁵ Ендольцева А. В., Ендольцева Ю. В. Правовые последствия истечения сроков давности совершенного преступления: российский и зарубежный опыт. М., 2017.

¹⁶ Борисова В. Д. Проблемы сроков давности уголовного преследования в условиях современной правоприменительной практики // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 109–115.

¹⁷ URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 18.04.2021).

¹⁸ URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 18.04.2021).

¹⁹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 18.04.2021).

¹ Zacepilov M. A. Principy, osnovanie i usloviya osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti // Pravo. Obshhestvo. Gosudarstvo : sb. nauch. tr. studentov i aspirantov / redkol.: D. V. Ry'bin (pred.), E. V. Trofimov (otv. red.) i dr. SPb., 2020. S. 66.

² O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016). Dostup iz sprav. pravovoj sistemy «Garant».

³ Baranov V. M. Pooshritel'ny'e normy sovetskogo socialisticheskogo prava. Saratov, 1978. S. 8.

⁴ Alekseev S. S. *Obsbhaya teoriya prava*. M., 1982. T. 11. S. 80.

⁵ Eleonskij V. A. *Pooshhritel'ny'e normy' ugovnogo prava i ix znachenie v deyatel'nosti organov vnutrennix del*. Xabarovsk, 1984. S. 5.

⁶ Galkin V. M. *Sistema pooshhrenij v sovetskom ugovnom prave* // *Sov. gos-vo i pravo*. 1977. № 2. S. 93–94.

⁷ Meltonyan R. M. *Pooshhritel'ny'e normy' Ugolvnogo kodeksa Rossijskoj Federacii* : dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 1999. S. 42.

⁸ Alikperov X. D. *Prestupnost' i kompromiss*. Baku, 1992. S. 65.

⁹ Knyaz'kov A. A. *Osvobozhdenie ot ugovnojj otvetstvennosti po delam ob e'konomicheskix prestupleniyax (gl. 22 UK RF): voprosy' differenciacii i zakonodatel'noj texniki* : dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2015. S. 105.

¹⁰ Fil'chenko A. P. *Kompromiss kak metod ugovno-pravovogo regulirovaniya* // *Vestn. Perm. un-ta*. 2013. № 2 (20). S. 251–259.

¹¹ Alikperov Kh. D., Kurbanova K. *UK RF i nekotory'e problemy' osvobozhdeniya ot ugovnojj otvetstvennosti* // *Gos-vo i pravo*. 2000. № 1. S. 57.

¹² Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazy'ka*. M, 1970. S. 451.

¹³ Savin A. A. *Osvobozhdenie ot ugovnojj otvetstvennosti. klassifikaciya vidov, osnovaniya i usloviya* // *Modern Science*. 2020. № 10-1. S. 195.

¹⁴ Mal'cev V. V. *Principy' ugovnogo prava i ix realizaciya v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti*. SPb., 2004. 694 s.

¹⁵ Endol'ceva A. V., Endol'ceva Yu. V. *Pravovy'e posledstviya istecheniya srokov davnosti sovershennogo prestupleniya: rossijskij i zarubezhny'j opy't*. M., 2017.

¹⁶ Borisova V. D. *Problemy' srokov davnosti ugovnogo presledovaniya v usloviyax sovremennoj pravoprimeritel'noj praktiki* // *Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo*. 2017. № 2. S. 109–115.

¹⁷ URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984 (data obrashheniya: 18.04.2021).

¹⁸ URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923(data obrashheniya: 18.04.2021).

¹⁹ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (data obrashheniya: 18.04.2021).

К вопросу о снятии с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания

И. А. ЯНЧУК – начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. ЧЕТИНА – курсант 3 курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются вопросы признания осужденного к лишению свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а также снятия данного статуса. На основе анализа норм уголовно-исполнительного законодательства, результатов научных исследований делается вывод, что в настоящее время отсутствует процедура снятия либо погашения статуса злостного нарушителя режима. Рассматриваются возможные варианты устранения пробела в законодательстве. Предлагаются варианты сохранения данного статуса на весь период отбывания наказания, снятия одновременно с погашением и снятием взыскания, переводом из строгих условий отбывания наказания. Формулируются предложения по дополнению Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации новой статьей.

Ключевые слова: лишение свободы; злостный нарушитель; злостное нарушение режима; меры взыскания; дисциплинарная ответственность осужденных.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Янчук И. А., Четина А. А. К вопросу о снятии с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 99–102, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-99-102.

On the issue of removing from a convicted person the status of a malicious violator of the established procedure of serving a sentence

I. A. YANCHUK – Head of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor;

A. A. CHETINA – 3rd Year Cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses the issues of recognizing a person sentenced to imprisonment as a malicious violator of the established order of serving a sentence, as well as removing this status. On the basis of the analysis of the norms of the penal legislation the results of scientific researches it is concluded that at present there is no procedure for withdrawing or extinguishing the status of a malicious violator of the regime. Possible options for eliminating the gap in legislation are being considered. Options are proposed for maintaining this status for the entire period of serving the sentence, withdrawing simultaneously with repayment and lifting the penalty, transferring from the strict conditions of serving the sentence. Proposals are being formulated to supplement the Penal Code of the Russian Federation with a new article.

Key words : imprisonment; malicious violator; malicious violation of the regime; penalties; disciplinary responsibility of convicts.

12.00.08 – Criminal law and criminology, penal law.

For citation : Yanchuk I. A., Chetina A. A. On the issue of removing from a convicted person the status of a malicious violator of the established procedure of serving a sentence. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 99–102, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-99-102.

Нарушение установленного порядка отбывания наказания – обычное явление для исправительных учреждений. От преступников, нарушивших уголовный закон, логично ожидать частых нарушений правил отбывания наказания. Так, в 2020 г. на 405 810 лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, приходилось 601 423 нарушения и 17 941 злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания¹. Безусловно, к осужденным применяются меры взыскания. Нередко они имеют несколько взысканий за систематические нарушения режима. В этом случае осужденный признается отрицательно характеризующимся и к нему применяются особые меры дисциплинарного воздействия. Статьей 116 УИК РФ предусмотрена процедура признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. В последние годы, согласно данным ФСИН России, в исправительных учреждениях содержится порядка восемь тысяч таких лиц².

Признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания является значимым фактом не только для процесса отбывания наказания, но и для жизни осужденного после освобождения. Оно влечет за собой следующие последствия:

- перевод осужденного в строгие либо обычные условия отбывания наказания;
- возможность внесения в суд представления об изменении вида исправительного учреждения;
- возможность перевода осужденного в помещения камерного типа;
- возможность перевода осужденного в единые помещения камерного типа;
- постановка на профилактический учет;
- возможность установления административного надзора после освобождения из мест лишения свободы.

Вместе с тем, несмотря на очевидную значимость данного статуса для процесса исполнения и отбывания наказания, правовая регламентация его применения имеет существенный пробел. Заключается он в отсутствии в уголовно-исполнительном за-

конодательстве процедуры снятия с осужденного статуса злостного нарушителя. Существует мнение, что данный статус закрепляется за осужденным на весь период отбывания наказания³. Оно обосновывается тем, что, во-первых, отсутствует порядок снятия данного статуса, во-вторых, суд при установлении административного надзора учитывает факт признания злостным нарушителем вне зависимости от времени признания таковым, даже несмотря на то, что впоследствии он может иметь поощрения и находиться в облегченных условиях. Однако полагаем, что это неверно, поскольку злостного нарушителя нельзя переводить в облегченные условия, освобождать условно-досрочно и т. д. Сохранение данного статуса делает бесперспективным процесс исправления осужденного, проведение с ним воспитательной работы. В практической деятельности встречаются случаи неоднократного вынесения постановлений в отношении осужденного о признании его злостным нарушителем, поэтому статус злостного нарушителя с осужденного снимается и должен сниматься.

Согласно ч. 3 ст. 116 УИК РФ злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания признается осужденный, совершивший правонарушения, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 116 УИК РФ, при условии назначения ему взыскания, предусмотренного п. «в», «г», «д» и «е» ч. 1 ст. 115 и п. «б» ст. 136 УИК РФ. Осужденный признается злостным нарушителем одновременно с наложением взыскания. Для этого выносится специальное постановление начальника исправительного учреждения. Очевидно, что признание осужденного злостным нарушителем вызвано теми нарушениями, которые он совершил. Далее, согласно УИК РФ, такие лица переводятся в строгие или обычные условия отбывания наказания. Отсюда следует, что основанием для перевода в другие условия отбывания наказания является признание осужденного злостным нарушителем, в свою очередь основанием для признания таковым является факт совершения злостного нарушения либо злост-

ных нарушений. Однако при снятии статуса злостного нарушителя данный алгоритм теряется.

Как показывает анализ практической деятельности, в исправительных учреждениях анализируемый статус связывается с нахождением в строгих условиях, то есть пока осужденный находится в строгих условиях, он считается злостным нарушителем, как только его переводят в обычные условия, статус снимается. При этом он не снимается, а самостоятельно погашается без вынесения соответствующего решения. Между тем здесь возникает противоречие. Поскольку основанием перевода в строгие условия являлось признание осужденного злостным нарушителем, то основанием перевода в обычные условия должно стать снятие с осужденного статуса злостного нарушителя. Однако на практике получается наоборот.

Возникает центральный вопрос: с какого момента осужденный не считается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания?

Первый вариант – с момента снятия либо погашения взысканий. Однако в воспитательных колониях предусмотрена мера поощрения в виде досрочного перевода из строгих условий. Применяется она только к лицам, не имеющим взысканий. Есть и другие случаи нахождения в строгих условиях осужденных, не имеющих взысканий. Например, взыскание погашено, однако комиссия исправительного учреждения состоялась после срока погашения взыскания либо приняла решение об оставлении осужденного в строгих условиях. Кроме того, УИК РФ позволяет досрочно снимать взыскание через шесть месяцев после его отбытия, что также создает возможность нахождения в строгих условиях лиц, не имеющих взысканий. При этом, по-видимому, осужденный остается злостным нарушителем. На наш взгляд, статус злостного нарушителя осужденный приобретает не за то злостное нарушение, которое стало «последней каплей», а за систематическое противоправное поведение. Это общая отрицательная характеристика, показывающая степень исправления осужденного, поэтому факта погашения либо снятия взыскания недостаточно для изменения оценки личности и поведения осужденного. В этой связи снимать данный статус при погашении взысканий нецелесообразно.

Второй вариант – с момента перевода из строгих условий. Между тем УИК РФ позволяет переводить злостных нарушителей

установленного порядка отбывания наказания из облегченных условий не в строгие, а в обычные, то есть данный вариант здесь не работает. И вряд ли нужно ждать перевода в облегченные условия. Получается, что в данном случае с осужденных снимается статус злостного нарушителя после погашения и снятия взысканий и решения комиссии исправительного учреждения. Этот, третий, вариант нам представляется наиболее удачным. Полагаем необходимым комиссионно оценить личность и поведение осужденного, динамику его исправления и на этой основе принимать решение о снятии статуса злостного нарушителя. Безусловно, минимальный срок нахождения в строгих условиях должен истечь. Кроме того, у осужденного не должно быть взысканий. Но нужно данную процедуру существенно дополнить необходимостью оформления факта снятия статуса злостного нарушителя постановлением начальника исправительного учреждения. Данное постановление будет являться основанием для перевода из строгих условий в обычные, что будет соответствовать логике водворения в строгие условия.

В этой связи, по нашему мнению, существует необходимость законодательного урегулирования вопроса снятия с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания. Следует дополнить УИК РФ ст. 116.1 «Злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания». В нее нужно перенести ч. 3 и 4 из ст. 116, а также ввести части, касающиеся снятия статуса злостного нарушителя. Условиями для снятия должны являться положительная характеристика, снятие либо погашение ранее наложенных взысканий, а также отбытие срока, установленного для нахождения в строгих либо обычных условиях. Оно должно проходить по представлению администрации исправительного учреждения и оформляться постановлением начальника учреждения.

В научной литературе встречаются и другие предложения по снятию с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания. Например, Е. Е. Новиков предлагает установить срок, по истечении которого с осужденного снимается данный статус при условии отсутствия новых взысканий⁴. Т. Г. Антонов предлагает учитывать ряд моментов, а именно:

– срок нахождения в статусе злостного нарушителя должен быть больше, чем срок погашения взыскания;

– срок погашения статуса злостного нарушителя должен зависеть от того, в связи с чем осужденный признавался злостным;

– в законодательстве необходимо предусмотреть возможность досрочного снятия статуса злостного нарушителя⁵.

Безусловно, данные предложения заслуживают внимания и пристального изучения. Назрела необходимость внести ясность и конкретизировать процедуру снятия с осужденного статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания в виде лишения свободы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь–декабрь 2020 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021. С. 304–306.

² Там же. С. 305.

³ Антонов Т. Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания». URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatelnogo-zakrepleniya-statusa-zlostnyy-narushitel-ustanovlennogo-poryadka-i-usloviy-otbyvaniya-nakazaniya> (дата обращения: 15.09.2021).

⁴ Новиков Е. Е. Актуальные проблемы правового регулирования применения мер взыскания в исправительных учреждениях. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-primeneniya-mer-vzyskaniya-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 15.09.2021).

⁵ Антонов Т. Г. Проблемы законодательного закрепления статуса «злостный нарушитель установленного порядка и условий отбывания наказания».

¹ Osnovny'e pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy'. Yanvar'–dekabr' 2020 g. : inform.-analit. sb. Tver', 2021. S. 304–306.

² Tam zhe. S. 305.

³ Antonov T. G. Problemy' zakonodatel'nogo zakrepleniya statusa «zlostny'j narushitel' ustanovlennogo poryadka i usloviy otbyvaniya nakazaniya». URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatelnogo-zakrepleniya-statusa-zlostnyy-narushitel-ustanovlennogo-poryadka-i-usloviy-otbyvaniya-nakazaniya> (data obrashheniya: 15.09.2021).

⁴ Novikov E. E. Aktual'ny'e problemy' pravovogo regulirovaniya primeneniya mer vzy'skaniya v ispravitel'ny'x uchrezhdeniyah. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-primeneniya-mer-vzyskaniya-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> (data obrashheniya: 15.09.2021).

⁵ Antonov T. G. Problemy' zakonodatel'nogo zakrepleniya statusa «zlostny'j narushitel' ustanovlennogo poryadka i usloviy otbyvaniya nakazaniya».

Нужно ли менять порядок дознания в сокращенной форме?

Ю. И. ДУТОВ – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, гражданского и уголовного права Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I, кандидат педагогических наук, доцент;

Н. Ю. ДУТОВ – доцент кафедры уголовного процесса Воронежского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются особенности производства дознания в сокращенной форме. Анализируются различные точки зрения ученых на производство дознания в сокращенной форме. Обосновывается необходимость внесения изменений в УПК РФ с целью повышения процессуальной самостоятельности дознавателя при производстве дознания в сокращенной форме. Делается вывод о целесообразности данной формы ускоренного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: дознание; дознание в сокращенной форме; дознаватель; доказывание; подозреваемый; потерпевший.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Дутов Ю. И., Дутов Н. Ю. Нужно ли менять порядок дознания в сокращенной форме? *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 103–108, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-103-108.

Does the order of inquiry need to be changed in an abbreviated form?

Yu. I. DUTOV – Associate Professor of the Department of Humanities, Civil and Criminal Law of the Voronezh State Agrarian University named after V.I. Emperor Peter I, PhD. of Pedagogics, Associate Professor;

N. Yu. DUTOV – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD. of Law, Associate Professor

The article discusses the features of the production inquiry in an abbreviated form. Various points of view of scientists on the production of an inquiry in an abbreviated form are analyzed. The necessity of amending the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is substantiated in order to increase the procedural independence of the interrogator in the production of an inquiry in an abbreviated form. The authors concluded that this form of accelerated criminal proceedings is advisable.

Keywords: inquiry; inquiry in an abbreviated form; interrogator; proving; suspected; victim.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Dutov Yu. I., Dutov N. Yu. Does the order of inquiry need to be changed in an abbreviated form? *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 103–108, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-103-108.

Уголовно-процессуальное законодательство России находится в процессе непрерывного развития и совершенствования. Законодатель ставит своей целью достижение максимальной эффективности уголовного судопроизводства, то есть достижение обозначенных в ст. 6 УПК РФ целей назначения уголовного судопроизводства с минимальными временными и финансовыми затратами. Одним из этапов повышения эффективности предварительного расследования явилось принятие Федерального закона от 04.03.2013 № 23 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹, согласно которому в систему российского уголовного судопроизводства была введена новая форма предварительного расследования – дознание в сокращенной форме. В пояснительной записке к данному законопроекту законодатель указал, что введение сокращенного порядка дознания позволит достичь существенной процессуальной экономии, расширить диспозитивные начала при реализации подозреваемым (обвиняемым) права на защиту, а потерпевшим – права на доступ к правосудию². Однако в научной и практической среде возникли серьезные споры, которые на протяжении восьми лет не утратили своей остроты и актуальности, и все чаще встает вопрос: а нужно ли вообще в существующей правовой модели российского уголовного судопроизводства дознание в сокращенной форме? С этой целью проанализируем самые дискуссионные положения уголовно-процессуального законодательства по данной теме.

При формулировании положений о дознании в сокращенной форме законодатель использует отсылочную конструкцию норм. Дознание в сокращенной форме базируется на нормах, регулирующих дознание в обычном порядке, но допускает ряд исключений, указанных в гл. 32.1 УПК РФ. Это неполное формулирование привнесло в модель дознания в сокращенной форме ряд проблем, присущих иным формам предварительного расследования. Так, А. П. Кругликов указывает, что не было оснований для включения в УПК РФ гл. 32.1 «Производство дознания в сокращенной форме» и отдельно подчеркивает, что само ее содержание во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к правовым нормам³. Основным аргументом данного категорического высказывания заключается в необходимости признания вины подозреваемым для начала проце-

дуры дознания в сокращенной форме. Сам факт такого признания порождает как возможности негативного воздействия на подозреваемого со стороны органов дознания с последующим самооговором подозреваемого, так и желание самого подозреваемого уменьшить срок наказания с фразой «лишь бы побыстрее все это закончилось». Еще более категорично высказывался по вопросам дознания в сокращенной форме А. А. Сумин, который указывал на перегруженность «особенностями производства» и исключениями из правил в действующем УПК РФ, а факт признания вины подозреваемым соотносит с доктриной «развитого сталинизма: признание обвиняемого – царица доказательств»⁴. При этом ряд ученых придерживается диаметрально противоположной точки зрения в вопросах признания виновности лицом. Так, С. И. Гирько считает, что процедура дознания в сокращенной форме «потому и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений, она исходит из процессуальной экономии»⁵. Б. Т. Безлепкин, формулируя главную идею признания подозреваемым своей вины при производстве дознания в сокращенной форме, подчеркивает, что такое признание освобождает орган дознания от необходимости состязаться со стороной защиты и опровергать ее позицию и доводы, образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию⁶. Таким образом, по мнению исследователя, сам процесс дознания в сокращенной форме должен выражаться в сотрудничестве дознавателя и подозреваемого, которое в итоге приводит к положительным результатам для обеих сторон: подозреваемый получает меньший срок уголовной ответственности, а дознаватель проделявает меньший объем работы. В целом это можно обозначить как своеобразную сделку между подозреваемым, дознавателем и потерпевшим (который наделен правом возражения на производство дознания в данной форме).

Несмотря на дискуссионный характер вопроса о необходимости признания вины подозреваемым, считаем, что данное условие производства по уголовному делу в сокращенной форме сложно оспорить, так как иначе собрать все необходимые для уста-

новления его вины доказательств в столь короткие процессуальные сроки будет просто невозможно. При этом законодатель предусмотрел двойной процессуальный контроль за возможностью самооговора обвиняемого. В частности, в ст. 226.8 УПК РФ прокурор наделен правом вернуть уголовное дело дознавателю для производства дознания в общем порядке в случае появления достаточных оснований полагать самооговор обвиняемого, а в ст. 226.9 УПК РФ подобными полномочиями наделен суд, рассматривающий данное уголовное дело. Да и сам факт, что подозреваемый и обвиняемый вправе заявить ходатайство о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, свидетельствует о должной защите прав подозреваемого и обвиняемого по данной категории дел. Однако концепция выбора формы расследования не дознавателем как уполномоченным государством лицом, осуществляющим дознание, а подозреваемым вызывает вопросы. Согласимся с позицией С. И. Гирько, который считает, что решение о производстве дознания в сокращенной форме должно являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела⁷. Возможность выбора формы дознания переводит подозреваемого в число субъектов, обладающих определенными процессуальными функциями расследования дела. Но полагаем, что для начала этой процедуры необходимо обоюдное согласие между подозреваемым и дознавателем, и в рамках этой согласительной процедуры закрепляется добровольность на усеченность процессуальных процедур и формируется своеобразное соглашение о сотрудничестве. При этом важную роль на этом этапе играет защитник, который совместно с подозреваемым подписывает ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме и, следовательно, реализуя функцию защиты, должен разъяснить все дальнейшие правовые последствия этого для подзащитного.

Особым полномочием при производстве дознания в сокращенной форме законодателем наделен потерпевший, который может возражать против производства дознания в сокращенной форме. Это самый спорный запрет, поскольку ставит потерпевшего выше лица, осуществляющего производство по делу. Так, О. А. Науменко

высказывает мнение, что потерпевший не вправе решать вопрос о форме производства по уголовному делу, так как наряду с полным возмещением ущерба и иными условиями, позволяющими проводить расследование в сокращенной форме дознания, потерпевший может не согласиться с такой формой производства по уголовному делу в связи с личными неприязненными отношениями между ним и подозреваемым, и, как следствие, потерпевший будет противостоять смягчению наказания подозреваемому лицу⁸. На наш взгляд, данная позиция вполне обоснованна и имеет под собой объективные причины. Так, на практике возможны случаи возражения потерпевшего против сокращенной формы дознания из-за личных неприязненных отношений к правонарушителю. В таких ситуациях предполагается, что дознаватель может провести с потерпевшим разъяснительную беседу и объяснить безосновательность такого противостояния. С другой стороны, законодателем предоставлено потерпевшему право решать, в какой форме будет проходить предварительное расследование, что из-за правовой безграмотности лиц в большинстве случаев не может привести к соблюдению объективности уголовного судопроизводства. При этом дознаватель и потерпевший в УПК РФ отнесены к одной стороне, и именно дознаватель обеспечивает права потерпевшего при расследовании уголовного дела. Таким образом, на наш взгляд, данную проблему можно решить, предоставив право определения формы ведения предварительного расследования компетентному лицу, то есть дознавателю, обладающему специальными знаниями, навыками и опытом работы в правоохранительных органах, а согласие или несогласие потерпевшего по уголовному делу на производство дознания в сокращенной форме не ставить определяющим условием, а просто учитывать данный факт при принятии соответствующего решения. Для этого необходимо исключить п. 6 ст. 226.2 УПК РФ, который наделяет потерпевшего правом возражать против производства дознания в сокращенной форме. Сам факт принятия условий для производства дознания в сокращенной форме не принуждает потерпевшего (как и подозреваемого) к обязательному выполнению тех или иных установленных УПК РФ условий, а просто предоставляет возможность ускоренного доступа граждан к правосудию. Следовательно, достаточно предусмотреть

уведомительный характер сообщения потерпевшему о выбранной форме производства дознания.

Считаем, что для закрепления большей процессуальной самостоятельности дознавателя в выборе формы производства дознания необходимо изложить ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ в следующей редакции: «Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель вправе заявить ходатайство *прокурору* (курсив наш. – Авторы) о прекращении производства дознания в сокращенной форме и о продолжении производства дознания в общем порядке в любое время до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. Такое ходатайство подлежит рассмотрению прокурором при наличии объективных обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме, предусмотренных ст. 226.2 настоящего Кодекса». Указанные изменения позволят минимизировать возможность необъективного и необоснованного воздействия на производство дознания в сокращенной форме, четко увязывая его с конкретными обстоятельствами, препятствующими производству по делу, а не субъективными причинами «настроения» потерпевшего или подозреваемого (обвиняемого).

Большие споры вызывает усеченный предмет доказывания по уголовному делу, расследуемому в форме дознания в сокращенной форме. Ни в каких других статьях УПК РФ, касающихся предварительного расследования, до этого не сужался предмет доказывания, а скорее наоборот формулировался усложненный предмет доказывания по отдельным уголовным делам (о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет, и по уголовному делу о применении принудительных мер медицинского характера). Законодатель обязал дознавателя произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления или иных доказательств. В этой связи А. Р. Белкин справедливо задает вопрос: «Кто призван решать: может повлечь или не может? И что делать, если его решение ошибочно?»⁹. В самой формулировке про утрату доказательств присутствует аналогия с производством неотложных следственных действий, но при данных действиях предмет доказывания законодателем не урезается. Законодателем добавлено правило «оспаривания»: если нет возражений

со стороны основных участников производства дознания в сокращенной форме, значит, доказательство отвечает всем законным требованиям. И далее следует вывод, что доказательства, которые не были обжалованы одной из сторон уголовного судопроизводства, не были проверены до судебного разбирательства. При этом неясно, что будет в случае оспаривания доказательств – переход в обычную форму дознания? Однозначного ответа УПК РФ не содержит.

Основной объем проводимых следственных и процессуальных действий, на которых базируется доказывание при производстве дознания в сокращенной форме, реализуется на этапе возбуждения уголовного дела. О. В. Мичурин, О. В. Химичева указывают, что обстоятельства, подлежащие доказыванию при дознании в сокращенной форме, ограничены установлением главного факта, то есть «совокупностью обстоятельств, относящихся к событию преступления и виновности лица в его совершении»¹⁰. Следовательно, материалам проверки сообщения о преступлении придается преюдициальное значение¹¹. Дознаватель может не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения. Но, как мы знаем, у дознавателя всегда есть возможность перевести дознание из сокращенной формы в обычную. В результате сложилась практика передопрашивания всех лиц, у которых было отобрано объяснение в ходе проверки сообщения о преступлении. С одной стороны, это позволяет в последующем без излишних временных затрат направить уголовное дело в суд в обычном порядке, а с другой – наделяет лицо, дававшее объяснение, официальным процессуальным статусом свидетеля. Так как процессуальный статус лица, дающего объяснение, в УПК РФ не закреплен, то нет и присущих свидетелю обязательств давать показания.

Существуют и альтернативные точки зрения ученых на предмет доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Так, Л. А. Ярыгина указывает на отсутствие каких-либо ограничений по установлению подлежащих доказыванию обстоятельств. Она утверждает, что предмет доказывания по уголовным делам, расследуемым по правилам гл. 32.1 УПК РФ, является таким же, как и по уголовным делам, расследуемым в общем порядке¹². Однако мы не согласны с позицией, что по уголовным делам, расследуемым по правилам гл. 32.1 УПК РФ, предмет доказывания вовсе не является усечен-

ным. Считаем, что есть определенная грань между обязанностью дознавателя установить все обстоятельства и возможностью их установления по ходу производства дознания в сокращенной форме. Следовательно, если дознаватель установит, что в деле содержатся основания для прекращения уголовного дела, то он его прекратит, но специально направленную на это деятельность по доказыванию он осуществлять не будет.

Другими словами, очевидность и простота совершенного преступного деяния позволяет не только минимизировать применение большого количества сложных методов сбора и проверки доказательств, но и широко использовать процессуальные и непроцессуальные проверочные действия, направленные на сбор доказательств, предусмотренные для установления оснований для возбуждения уголовного дела. И тут прослеживается прямая аналогия с законодательством зарубежных стран, регулирующим полицейское дознание¹³. Следовательно, выбранная законодателем модель упрощенного доказывания вполне жизнеспособна и имеет аналогии в зарубежном законодательстве.

Таким образом, в целом оценивая модель упрощенного производства по прошествии восьми лет с его появления в уголовно-процессуальном законе, можно сделать вывод о ее работоспособности и актуальности. Если в первые годы у практических сотрудников органов дознания и надзирающих прокуроров повсеместно складывалась неоднозначная практика применения, то в настоящее время производство в данной форме стандартизировалось и позволяет

достигать целей уголовного процесса за минимальные процессуальные сроки. Отвечая на главный вопрос данной статьи, нужно ли менять законодательную регламентацию порядка дознания в сокращенной форме, ответ однозначен – да. Слишком много спорных и противоречивых моментов до настоящего времени присутствуют в данной форме расследования. Здесь согласимся с мнением С. И. Гирько, который указывает, что «правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом адекватна задачам, стоящим перед этим правовым институтом, и отражает международные стандарты таких производств. Однако это обстоятельство не может означать, что учеными в данном случае выработана оптимальная модель»¹⁴.

Если подходить более комплексно к реализации различных форм предварительного расследования в уголовно-процессуальном законодательстве России, следует отметить, что производство дознания требует реформирования. Дознание в том виде, в котором оно сейчас закреплено в законодательстве, представляет собой ускоренную форму предварительного следствия, что вызывает много вопросов. Ничто не мешает тому же следователю окончить расследование по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести не за два месяца, предусмотренные законом, а за 30 дней. В то же время дознание в сокращенной форме, по нашему мнению, и есть закономерный итог развития дознания с последующей трансформацией в полицейское дознание, широко применяемое в зарубежных странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

² Законопроект № 33012-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6> (дата обращения: 01.10.2021).

³ Кругликов А. П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Рос. юстиция. 2013. № 7. С. 45–50.

⁴ Сумин А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8.

⁵ Гирько С. И. Унификация процессуальной формы досудебного производства – ускоренное дознание: современное состояние и перспективы // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, упр. 2019. № 4. С. 16–21.

⁶ Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2017. 608 с.

⁷ Гирько С. И. Унификация процессуальной формы досудебного производства – ускоренное дознание: современное состояние и перспективы.

⁸ Науменко О. А. Некоторые проблемные вопросы защиты прав потерпевшего при сокращенной форме дознания // Адвокат. практика. 2015. № 6. С. 12–16.

⁹ Белкин А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (дата обращения: 01.10.2021).

¹⁰ Мичурина О. В., Химичева О. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Рос. следователь. 2016. № 5. С. 18–22.

¹¹ Комбарова Е. Л. Особенности уголовно-процессуального доказывания в некоторых упрощенных формах судебных производств в мировых судах РФ // Воронеж. криминалист. чтения. Федер. науч.-практ. журн. 2015. № 1 (17). С. 136–148.

¹² Ярыгина Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017. С. 80.

¹³ Дутов Н. Ю. Особенности правового регулирования производства дознания в зарубежных странах // Обществ. безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2020. № 6-1. С. 172–178.

¹⁴ Гирько С. И. Унификация процессуальной формы досудебного производства – ускоренное дознание: современное состояние и перспективы.

¹ Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2013. № 9. St. 875.

² Zakonoproekt № 33012-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/33012-6> (data obrashheniya: 01.10.2021).

³ Kruglikov A. P. Dopolnenie UPK RF novoj glavoy o doznanii v sokrashhennoj forme i nekotory'e problemy` differenciacii ugolovnogogo sudoproizvodstva // Ros. yusticiya. 2013. № 7. S. 45–50.

⁴ Sumin A. A. Sokrashhennoe doznanie: mertvorozhdennoe ditya reformatorov ugolovnogogo processa // Advokat. 2013. № 10. S. 5–8.

⁵ Gir'ko S. I. Unifikaciya processual'noj formy` dosudebnogo proizvodstva – uskorennoe doznanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` // Ugolov.-ispolnit. sistema: pravo, e`konomika, upr. 2019. № 4. S. 16–21.

⁶ Bezlepkin B. T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j). M., 2017. 608 s.

⁷ Gir'ko S. I. Unifikaciya processual'noj formy` dosudebnogo proizvodstva – uskorennoe doznanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy`.

⁸ Naumenko O. A. Nekotory'e problemny'e voprosy` zashchity` prav poterpevshego pri sokrashhennoj forme doznaniya // Advokat. praktika. 2015. № 6. S. 12–16.

⁹ Belkin A. R. Doznanie v uproshhennoj forme: somnitel'naya sxema s usechenny`m dokazy`vaniem. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (data obrashheniya: 01.10.2021).

¹⁰ Michurina O. V., Ximicheva O.V. Predmet i predely` dokazy`vaniya pri proizvodstve doznaniya v sokrashhennoj forme: zamy`sel zakonodatel'ya i prakticheskij rezul'tat // Ros. sledovatel'. 2016. № 5. S. 18–22.

¹¹ Kombarova E. L. Osobennosti ugolovno-processual'nogo dokazy`vaniya v nekotory`h uproshhenny`h formah sudebny`h proizvodstv v mirovy`h sudah RF // Voronezh. kriminalist. chteniya. Feder. nauch.-prakt. zhurn. 2015. № 1 (17). S. 136–148.

¹² Yary`gina L. A. Dokazy`vanie pri proizvodstve doznaniya v sokrashhennoj forme : dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2017. S. 80.

¹³ Dutov N. Yu. Osobennosti pravovogo regulirovaniya proizvodstva doznaniya v zarubezhny`x stranax // Obshhestv. bezopasnost`, zakonnost` i pravoporyadok v III ty`syacheletii. 2020. № 6-1. S. 172–178.

¹⁴ Gir'ko S. I. Unifikaciya processual'noj formy` dosudebnogo proizvodstva – uskorennoe doznanie: sovremennoe sostoyanie i perspektivy`.

К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста

Е. Л. ХАРЬКОВСКИЙ – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Н. В. ПАЛЬЧИКОВА – преподаватель кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье анализируются нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие порядок применения домашнего ареста. В частности, рассматриваются сущность, порядок, условия избрания данной меры пресечения. Уделяется внимание вопросам установления дополнительных запретов и ограничений при избрании меры пресечения, зачету срока исполнения домашнего ареста в срок содержания под стражей. Делаются выводы по вопросам законодательного закрепления некоторых положений УК РФ в нормах УПК РФ для согласования зачета срока домашнего ареста, по условиям более эффективного использования домашнего ареста и контроля за лицами, в отношении которых избрана такая мера пресечения.

Ключевые слова: уголовный процесс; мера пресечения; домашний арест; подозреваемый; обвиняемый.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Харьковский Е. Л., Пальчикова Н. В. К вопросу о правовом регулировании домашнего ареста. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 109–112, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-109-112.

On the issue of legal regulation of house arrest

E. L. KHARKOVSKY – Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law, Associate Professor;

N. V. PALCHIKOVA – Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Administrative Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law

The article analyzes the norms of criminal procedural legislation regulating execution of house arrest. In particular the author considers the essence, procedure, conditions for choosing this preventive measure. Attention is paid to the issues of establishing additional prohibitions and restrictions when choosing a preventive measure, offsetting the period of execution of house arrest in the period of detention. Conclusions are drawn on the issues of legislative consolidation of some provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation to agree on the offset of the term of house arrest, on the terms of more effective use of house arrest and control over persons if whom such a measure of restraint has been chosen.

Key words: criminal procedure; preventive measure; house arrest; suspect; accused.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Kharkovsky E. L., Palchikova N. V. On the issue of legal regulation of house arrest. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 109–112, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-109-112.

Первоначально одной из самых сложных проблем в регулировании института домашнего ареста выступала проблема зачета срока использования домашнего ареста в срок содержания под стражей, которую впоследствии российский законодатель разрешил. Однако актуальность данной проблемы усилилась после того, как в июле 2018 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2018 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». В результате компетентные судебные органы стали использовать запрет на конкретные действия (например, запрет на общение с определенными гражданами) в пределах определенного срока.

Ввиду вышесказанного законодателем планировалось сформулировать общее правило, согласно которому период использования запрета на конкретные действия в отношении гражданина, обладающего уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, в срок содержания под стражей не входит.

В настоящее время срок реализации домашнего ареста как меры уголовно-процессуального пресечения подлежит зачету в срок содержания под стражей, и на основании уголовно-правовых норм, в частности ч. 3.4 ст. 72 УК РФ, период пребывания конкретного гражданина под домашним арестом на этапе досудебного производства по уголовному делу засчитывается в срок содержания под стражей и в срок лишения свободы (порядок расчета следующий: два дня домашнего ареста приравниваются к одному дню содержания под стражей/лишения свободы).

Период использования запрета на конкретные действия, по общему правилу, не входит в срок содержания под стражей и в каждой ситуации не подлежит зачету при принятии решения об уголовно-правовом наказании в виде лишения свободы. Исключения образуют ситуации, при которых устанавливается запрет на выход в конкретное время суток за границы жилища, в котором гражданин проживает и которым владеет на праве собственности, в соответствии с заключенным договором найма, на других основаниях, предусмотренных положениями гражданского законодательства¹.

Отметим, что российский законодатель, предусмотрев в ч. 3.4 ст. 72 УК РФ положение о зачете времени нахождения под домашним арестом в срок содержания лица под стражей из расчета два дня нахождения

под домашним арестом за один день содержания под стражей, не учел аналогичных правил о расчетах в УПК РФ, хотя, на наш взгляд, этого требует содержание п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ.

Следует отметить, что анализ практической деятельности² подтверждает, что при решении вопроса об избрании домашнего ареста, как правило, гражданин, наделенный уголовно-процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого), а также его адвокат не стремятся оспорить решение компетентного судебного органа, в отличие от использования заключения под стражу и запрета на совершение конкретных действий как более мягкой меры уголовно-процессуального пресечения, ибо период пребывания под домашним арестом подлежит зачету в предполагаемое уголовно-правовое наказание в форме лишения свободы. Запрет на совершение конкретных действий не способен предоставить такие уголовно-процессуальные привилегии.

Оформляя решение об установлении конкретных запретов и ограничений при избрании домашнего ареста, компетентный судебный орган учитывает тяжесть обвинения, личность лица, в отношении которого избирается мера пресечения, обстоятельства и условия, способствующие реализации домашнего ареста. Кроме того, судебный орган обладает правом закрепить для гражданина, обладающего уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, все запреты и ограничения, закрепленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, или лишь некоторые из них.

При этом компетентный судебный орган самостоятельно решает вопросы о том, в каком именно месте должен пребывать гражданин, наделенный уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, в период действия домашнего ареста; срок действия данной меры уголовно-процессуального пресечения; запреты, которые закрепляются для гражданина, наделенного уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого; способы коммуникаций с должностным лицом, которое расследует конкретное уголовное дело (следователь или дознаватель), а также государственным органом власти, реализующим контроль за надлежащим выполнением.

Мы солидарны с правоведами, которые считают, что домашний арест, расположенный в перечне мер уголовно-процессуального пресечения на стыке заключения под

стражу, в первую очередь должен гарантировать изоляцию гражданина, признанного в установленном порядке подозреваемым или обвиняемым, не в изоляторе, а жилище; при этом такой гражданин должен пребывать в жилище на постоянной, а не временной основе³.

В связи со сказанным представляется необходимым скорректировать ч. 1 ст. 107 УПК РФ, в частности предусмотреть в данной норме, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в изоляции в жилище и при этом право на выход за его пределы у него отсутствует. Это позволит более четко отразить позицию законодателя и практиков относительно запрета на выход из дома в случае применения домашнего ареста. Безусловно, при внесении такой законодательной новеллы положение о допустимости нахождения гражданина в медицинском учреждении при наличии соответствующих показаний должно сохраниться.

На наш взгляд, установление правовой возможности выхода для осуществления трудовой деятельности, участия в учебном процессе по факту не позволяет отстранить гражданина от общества, в результате чего обесценивается само значение института домашнего ареста. Компетентному судебному органу при оформлении решения об использовании в отношении гражданина, признанного в установленном законодательством порядке подозреваемым или обвиняемым, домашнего ареста нужно принимать во внимание специфику жилища такого гражданина, а также то, что срок пребывания под домашним арестом подлежит зачету.

При определении эффективности использования домашнего ареста значимым выступает вопрос о гарантиях надзора за конкретным гражданином, обладающим уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, со стороны специального государственного органа, коим является уголовно-исполнительная инспекция. Такой орган должен находиться по месту расположения жилища такого гражданина. Данный контроль служит важнейшей юридической гарантией для заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства.

Для реализации более качественного и детального контроля за гражданином в месте использования домашнего ареста контролирующий государственный орган может прибегнуть к электронным, техническим

механизмам. При этом должны соблюдаться правила, закрепленные в постановлении Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134. Одной из главных задач применения определенных технических механизмов выступает отслеживание того места, где находится в конкретное время гражданин, имеющий уголовно-процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

Необходимо понимать, что для полноценного контроля этого недостаточно, так как требуются аудиовизуальные механизмы. При этом существующий уровень электронных механизмов не способен всецело обеспечить контроль за надлежащим соблюдением запрета, если он связан с невозможностью выхода в Интернет. Ведь ни одно должностное лицо не может с полной уверенностью говорить о том, что у конкретного гражданина, пребывающего в условиях домашнего ареста, нет доступа к электронным механизмам, о которых не были проинформированы компетентные следственные органы и их должностные лица. Ввиду этого в отношении такого гражданина используется не одна конкретная разновидность технического механизма, а целая их система.

Обратим внимание на то, что ряд зарубежных государств значительно опережает Россию в части технического обеспечения использования домашнего ареста как разновидности меры уголовно-процессуального пресечения⁴.

Считаем, что развитие технических механизмов должно улучшать условия для осуществления контроля за надлежащей реализацией домашнего ареста гражданином, для которого он был избран. Это важно для современной системы уголовного процесса, поскольку, несмотря на порождаемые домашним арестом большие правоограничения, данная мера уголовно-процессуального пресечения является достаточно гуманной, мягкой в сравнении с содержанием под стражей.

Таким образом, необходимо обозначить следующие выводы.

Правило о зачете времени нахождения под домашним арестом гражданина в срок содержания его под стражей из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей закреплено в ч. 3.4 ст. 72 УК РФ. Однако аналогичных положений в УПК РФ не внесено. Для согласования норм УК РФ и УПК РФ предлагаем изложить п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ в следующей редакции: «домашнего ареста

из расчета два дня его применения за один день содержания под стражей».

Полагаем целесообразным отредактировать законодательную формулировку ч. 1 ст. 107 УПК РФ, поскольку, по нашему мнению, в ней недостаточно четко отражается позиция законодателя и правоприменителей относительно отсутствия у гражданина, находящегося под домашним арестом, права на выход из жилого помещения. Представляется, что запрет на выход за пределы жилого помещения – это основная особенность домашнего ареста как меры уголовно-процессуального пресечения, поэтому она должна прямо называться в ч. 1 ст. 107 УПК РФ.

Безусловно, в случае данного обновления правило о возможности нахождения гражданина в медицинском учреждении при наличии соответствующих показаний должно остаться, поскольку иное противоречило бы конституционным нормам о преимуще-

ственном положении жизни и здоровья человека в системе законодательных ценностей в России как правовом и демократическом государстве.

На наш взгляд, ч. 1 ст. 107 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Домашний арест в качестве меры пресечения избирается по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с запретом на выход за его пределы, с возложением иных запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Власенко В. В. Возможен ли зачет времени домашнего ареста в срок лишения свободы? (Вопросы судебного толкования) // Рос. судья. 2018. № 12. С. 24.

² Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1209/2019 от 28.06.2019 по делу № 22-1209/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/ҮНQh2GW8yog4/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1124/2019 от 27.06.2019 по делу № 22-1124/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/9xcHkHprSO6b/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1121/2019 от 25.06.2019 по делу № 22-1121/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/poQpUdQUioZY/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1113/2019 от 25.06.2019 по делу № 22-1113/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/x6mCNOSUbiJt/ (дата обращения: 04.03.2021); Апелляционное постановление Воронежского областного суда № 22-1117/2019 от 24.06.2019 по делу № 22-1117/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/SrxhhHza2ju/ (дата обращения: 04.03.2021).

³ Толкаченко А. А. Некоторые практические вопросы зачета мер пресечения в срок уголовного наказания // Мировой судья. 2019. № 11. С. 28.

⁴ Вастьянова О. Д. Актуальные проблемы судебной практики применения запрета определенных действий // Рос. следователь. 2019. № 9. С. 19.

¹ Vlasenko V. V. Vozmozhen li zacet vremeni domashnego aresta v srok lisheniya svobody? (Voprosy` sudebnogo tolkovaniya) // Ros. sud`ya. 2018. № 12. S. 24.

² Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1209/2019 ot 28.06.2019 po delu № 22-1209/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/ҮНQh2GW8yog4/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1124/2019 ot 27.06.2019 po delu № 22-1124/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/9xcHkHprSO6b/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1121/2019 ot 25.06.2019 po delu № 22-1121/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/poQpUdQUioZY/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1113/2019 ot 25.06.2019 po delu № 22-1113/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/x6mCNOSUbiJt/ (data obrashheniya: 04.03.2021); Apellyacionnoe postanovlenie Voronezhskogo oblastnogo suda № 22-1117/2019 ot 24.06.2019 po delu № 22-1117/2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/SrxhhHza2ju/ (data obrashheniya: 04.03.2021).

³ Tolkachenko A. A. Nekotory`e prakticheskie voprosy` zacheta mer presecheniya v srok ugovnogo nakazaniya // Mirovoj sud`ya. 2019. № 11. S. 28.

⁴ Vast`yanova O. D. Aktual`ny`e problemy` sudebnoj praktiki primeneniya zapreta opredelenny`x dejstvij // Ros. sledovatel`. 2019. № 9. S. 19.

Порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста

Н. В. ПАЛЬЧИКОВА – преподаватель кафедры уголовно-процессуальных и административно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматривается соотношение понятий «применение домашнего ареста», «избрание домашнего ареста», «исполнение домашнего ареста», выделяются два этапа применения домашнего ареста в ходе расследования уголовного дела: избрание меры пресечения и исполнение меры пресечения. Также исследуются стадии избрания меры пресечения (досудебная и судебная), в процедуре исполнения меры пресечения делается попытка выделить четыре стадии: 1) подготовка органами предварительного расследования документов, необходимых для осуществления контроля за подозреваемым (обвиняемым); 2) постановка подозреваемого (обвиняемого) на учет в уголовно-исполнительной инспекции; 3) контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста; 4) снятие с учета подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

Ключевые слова: уголовный процесс; мера пресечения; домашний арест; подозреваемый; обвиняемый.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Пальчикова Н. В. Порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 113–117, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-113-117.

The procedure for applying a preventive measure in the form of house arrest

N. V. PALCHIKOVA – Lecturer at the Department of Criminal Procedure and Administrative Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law

The article examines the relationship between the concepts "application of house arrest", "election of house arrest", "execution of house arrest", distinguishes two stages of execution house arrest in the course of a criminal investigation: the choice of a preventive measure and the execution of a preventive measure. The stages of choosing a preventive measure (pre-trial and judicial) are also considered, an attempt is made to distinguish four stages in the procedure for executing a preventive measure: 1) preparation by the preliminary investigation bodies of documents necessary to exercise control over the suspected (accused); 2) registration of the suspected (accused) with the criminal executive inspectorate; 3) control over the presence of the suspected (accused) in the place of execution of the preventive measure in the form of house arrest; 4) removal from the register of a suspected (accused), of whom a measure of restraint in the form of house arrest has been chosen.

Key words: criminal procedure; preventive measure; house arrest; suspected; accused.

12.00.09 – Criminal procedure.

For citation: Palchikova N. V. The procedure for applying a preventive measure in the form of house arrest. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 113–117, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-113-117.

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации для обеспечения охраны прав и свобод граждан, беспрепятственного производства по уголовному делу и разрешению уголовных дел в судах предусмотрена система мер принуждения и пресечения, что является неотъемлемой частью уголовно-процессуальных отношений.

В п. 6 ст. 98 УПК РФ предусмотрена мера пресечения – домашний арест. По отношению к заключению под стражу она является альтернативной и применяется в случае, когда более мягкие меры пресечения не могут обеспечить надлежащее участие подозреваемого (обвиняемого) в уголовном судопроизводстве.

Сущность меры пресечения заключается в установлении контроля за поведением подозреваемого (обвиняемого) и изоляции его от общества с целью предупреждения совершения им новых правонарушений. При этом контроль за надлежащим поведением подозреваемого (обвиняемого) осуществляется путем введения ограничения или запрета покидать определенное судом помещение либо общаться с кругом лиц.

Исследуя данную тему, считаем необходимым рассмотреть систему понятий «применение домашнего ареста», «избрание домашнего ареста» и «исполнение домашнего ареста».

На наш взгляд, применение домашнего ареста – это осуществление и использование данной меры пресечения на практике, то есть в ходе предварительного расследования. В связи с этим в применении домашнего ареста следует выделить два этапа: 1) процедура избрания домашнего ареста и 2) процедура исполнения домашнего ареста.

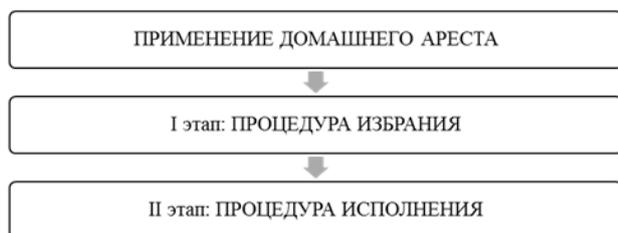

Рис. 1. Этапы применения домашнего ареста

Процессуальный порядок избрания домашнего ареста регулируют нормы ст. 107, 108 УПК РФ.

Единообразный порядок исполнения домашнего ареста обеспечивают следующие нормативно-правовые акты:

– Постановление Правительства Российской Федерации от 18.02.2013 № 134

«О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»¹;

– приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог».

Международным правом также предусмотрены стандарты применения домашнего ареста².

Домашний арест избирается в отношении подозреваемого (обвиняемого) для обеспечения им надлежащего поведения и предупреждения совершения им действий, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Избрание меры пресечения в виде домашнего ареста требует выполнения определенных условий. Одним из условий является место исполнения домашнего ареста. Местом исполнения меры пресечения должно быть собственное жилое помещение гражданина, в отношении которого избран домашний арест, где он зарегистрирован либо проживает на законных основаниях (аренда, найм).

В случаях если подозреваемому (обвиняемому) требуется проведение лечения в стационаре медицинского учреждения, законодательство допускает рассматривать и определять в качестве места исполнения домашнего ареста лечебные учреждения.

Кроме того, избрание домашнего ареста позволяет ограничить свободу не только передвижения, но и общения, наложить запреты, что оказывает воспитательное воздействие на подозреваемого (обвиняемого), поскольку не представляется возможным вести полноценную жизнедеятельность.

Практика свидетельствует о росте применения домашнего ареста в ходе уголовного судопроизводства. Это указывает на то, что

органы предварительного следствия более активно выносят ходатайства, собирают материалы для избрания меры пресечения в виде домашнего ареста и предоставляют их в суд. При этом статистика избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражей свидетельствует о снижении³.

В УПК РФ институту домашнего ареста посвящена ст. 107, которая регламентирует порядок избрания данной меры, но носит отсылочный характер, поскольку указывает на применение положений ст. 108 УПК РФ при избрании меры домашнего ареста с учетом его специфики.

Анализ ст. 107, 108 УПК РФ позволяет выделить досудебную и судебную стадии в процедуре избрания домашнего ареста. На досудебной стадии следователь (дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело, собирает материалы для рассмотрения вопроса об избрании меры пресечения, выносит ходатайство и направляет их в суд. Одновременно сообщает в уголовно-исполнительную инспекцию сведения о направлении в суд материалов, о предстоящем судебном заседании по рассмотрению вопроса избрания домашнего ареста. Далее следует судебная стадия, на которой компетентный судебный орган принимает решение об избрании либо отказе в избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении подозреваемого (обвиняемого).

Согласно действующему законодательству суды при избрании домашнего ареста вправе устанавливать запреты, предусмотренные п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Однако из справки Воронежского областного суда по результатам изучения практики рассмотрения судами ходатайств об избрании и продлении меры пресечения следует, что суды продолжают устанавливать отдельно запрет на выход за пределы места исполнения домашнего ареста, что не требуется исходя из сущности данной меры пресечения, которая заключается в изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества в жилом помещении⁴.

Необходимо подчеркнуть, что при избрании домашнего ареста компетентный судебный орган изолирует гражданина, наделенного уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, от общества за некоторым исключением. В первую очередь наше замечание касается того, что недопустима изоляция конкретного гражданина (даже в условиях домашнего ареста) от адвоката, а также законного представителя.

Правила о запретах в использовании телефонов, иных электронных механизмов для общения с другими гражданами не могут ограничивать право гражданина, обладающего уголовно-процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого, на получение юридической помощи, в том числе консультации с адвокатом.

Помимо адвоката и законного представителя гражданин, наделенный уголовно-процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого), обладает правом пригласить на дом нотариуса для нотариальных действий в виде удостоверения доверенности на представление интересов такого гражданина в области предпринимательских отношений. Попутно заметим, что такая доверенность может быть изготовлена конкретным гражданином самостоятельно на дому⁵.

В связи со сказанным представляется необходимым скорректировать ч. 1 ст. 107 УПК РФ, в частности предусмотреть в данной норме, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого (обвиняемого) в изоляции в жилище и при этом право на выход за его пределы у него отсутствует. Это позволит более четко отразить позицию законодателя и практиков относительно запрета на выход из дома в случае применения домашнего ареста. Безусловно, при внесении такой законодательной новеллы положение о допустимости нахождения гражданина в медицинском учреждении при наличии соответствующих показаний должно сохраниться.

Судебная стадия является завершающей процедуру избрания меры пресечения, поскольку на ней оформляется итоговое решение по вопросу избрания домашнего ареста. После принятия судом решения наступает необходимость исполнения избранной меры пресечения.

Надлежащее исполнение домашнего ареста подозреваемым (обвиняемым) контролируется уголовно-исполнительной инспекцией.

В постановлении от 18.02.2013 № 134 перечислены специальные технические средства, посредством которых инспекция осуществляет контроль за надлежащим исполнением домашнего ареста. Инспекция реализует свои полномочия, сотрудничая с органами предварительного расследования, в производстве которых находится уголовное дело, и с медицинскими учреждениями.

Анализ норм законодательства, регулирующих применение домашнего ареста, по-

зволяет выделить следующие стадии в процедуре исполнения домашнего ареста:

1. Подготовка органами предварительного расследования документов, необходимых для осуществления контроля за подозреваемым (обвиняемым).

2. Постановка подозреваемого (обвиняемого) на учет в уголовно-исполнительной инспекции.

3. Контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Посещая конкретного гражданина в месте, где непосредственно исполняется домашний арест, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции обязаны проверить документы, которые удостоверяют его личность (как правило, паспорт); оформить анкету с указанием места осуществления трудовой деятельности, семейно-правово-

го статуса, образовательной организации, с уточнением круга близких родственников и знакомых (друзей). Сотрудники инспекции также должны разъяснить гражданину все назначенные запреты, их содержание, особенности, негативные правовые последствия их несоблюдения, возможности изменения домашнего ареста⁶.

Для реализации более качественного и детального контроля за гражданином в месте использования домашнего ареста контролирующий государственный орган может прибегнуть к электронным, техническим механизмам. При этом должны соблюдаться правила, закрепленные в постановлении от 18.02.2013 № 134. Одной из главных задачи применения технических механизмов выступает отслеживание того места, где находится в конкретное время гражданин, имеющий уголовно-процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого.

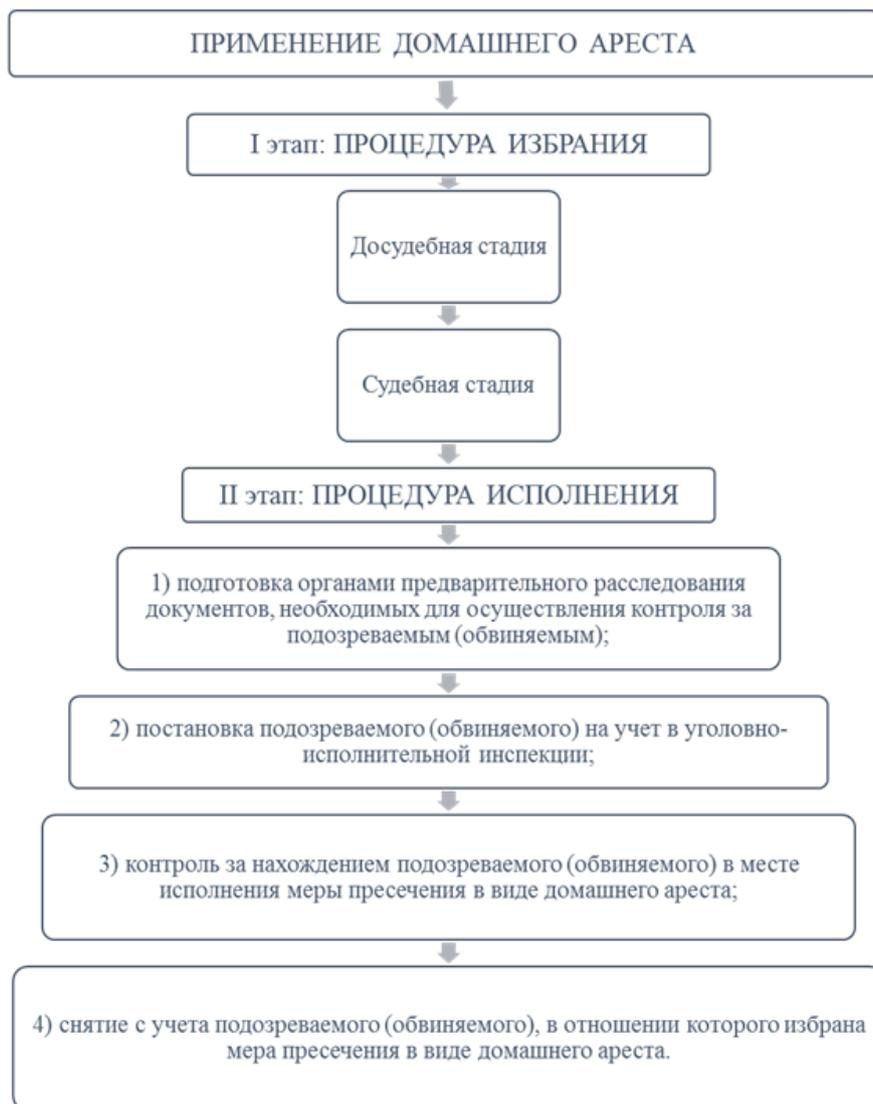

Рис. 2. Стадии в процедуре исполнения домашнего ареста

Развитие технологий, используемых при домашнем аресте гражданина, необходимо развивать, поскольку возможности контроля находятся в прямой зависимости от уровня технического прогресса.

4. Снятие с учета подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого избрана мера пресечения.

Не позднее десяти суток до окончания срока назначенной меры пресечения начальник уголовно-исполнительной инспекции информирует органы дознания, следствия, суд и прокуратуру об истечении срока домашнего ареста.

Информацию о снятии с учета подозреваемого (обвиняемого) инспекция направляет в следующие органы: 1) территориальный орган МВД России, 2) военный комиссариат по месту жительства подозреваемого (обвиняемого), 3) медицинскую организацию (в случае госпитализации подозреваемого (обвиняемого)).

Таким образом, применение меры пресечения в виде домашнего ареста в ходе расследования уголовного дела включает в себя процедуру избрания меры пресечения и процедуру исполнения меры пресечения (рис. 2). В процедуре избрания данной меры выделяются досудебная и судебная стадии. В процедуре исполнения меры пресечения можно выделить четыре стадии: 1) подготовка органами предварительного расследования документов, необходимых для осуществления контроля за подозреваемым (обвиняемым); 2) постановка подозреваемого (обвиняемого) на учет в уголовно-исполнительной инспекции; 3) контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста; 4) снятие с учета подозреваемого (обвиняемого), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 8. Ст. 838.

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (приняты 14.12.1990 Резолюцией 45/110 Генеральной ассамблеи ООН от 14.12.1990) URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 01.08.2021).

³ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 01.08.2021).

⁴ Справка по результатам изучения практики рассмотрения судами ходатайств об избрании и продлении меры пресечения Воронежского областного суда. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=489 (дата обращения: 05.05.2021).

⁵ Ларкина Е. В. Запрет определенных действий и предусмотренные им запреты в сочетании с залогом и домашним арестом: первые полгода применения // Lexrussica. 2019. № 4. С. 129–138.

⁶ Апостолова Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Рос. юстиция. 2019. № 3. С. 24.

¹ Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 2013. № 8. St. 838.

² Minimal'ny'e standartny'e pravila Organizacii Ob`edinenny'x Nacij v otnoshenii mer, ne svyazanny'x s tyuremny'm zaklyucheniem (Tokijskie pravila) (prinyaty 14.12.1990 Rezolyuciej 45/110 General'noj assamblei OON ot 14.12.1990) URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (data obrashheniya: 01.08.2021).

³ Obzor sudebnoj statistiki o deyatel'nosti federal'ny'x sudov obshhej yurisdikcii i mirovy'x sudej v 2020 godu URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (data obrashheniya: 01.08.2021).

⁴ Spravka po rezul'tatam izucheniya praktiki rassmotreniya sudami xodatajstv ob izbranii i prodlenii mery` presecheniya Voronezhskogo oblastnogo suda. URL: http://oblsud.vrn.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=489 (data obrashheniya: 05.05.2021).

⁵ Larkina E. V. Zapret opredelenny'x dejstvij i predusmotrenny'e im zaprety` v sochetanii s zalogom i domashnim arestom: pervy'e polgoda primeneniya // Lexrussica. 2019. № 4. S. 129–138.

⁶ Apostolova N. N. Zapret opredelenny'x dejstvij v sisteme mer presecheniya // Ros. yusticiya. 2019. № 3. S. 24.

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-118-123

УДК 34.08

Организационно-правовые аспекты проблемы текучести кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

Л. Л. МАЛКОВА – доцент кафедры экономики, управления и инженерно-технического обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент

В статье представлен научно-теоретический анализ существующих в научной литературе точек зрения относительно содержания и причин текучести кадров. На основании результатов социологического опроса, проведенного среди практических сотрудников кадровых и иных подразделений территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний, установлены основные причины снижения уровня удовлетворенности трудом и роста текучести кадров в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, увольнения со службы молодых сотрудников, предложены меры организационно-правового характера по совершенствованию кадрового обеспечения на современном этапе. Отмечается необходимость дальнейшего повышения правовых гарантий при прохождении службы в уголовно-исполнительной системе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : уголовно-исполнительная система; организация правоохранительной деятельности; кадровая работа; текучесть кадров; удовлетворенность трудом.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Малкова Л. Л. Организационно-правовые аспекты проблемы текучести кадров в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 118–123, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-118-123.

Organizational and legal aspects of the problem of staff turnover in the penal system of the Russian Federation

L. L. MALKOVA – Associate Professor of the Department of Economics, Management and Technical Support of the Penal System of the Engineering and Economic Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Economic, Associate Professor

The article presents a scientific-theoretical analysis of the points of view existing in the scientific literature regarding the content and reasons for staff turnover. Based on the results of a sociological survey conducted among practical employees of personnel and other subdivisions of territorial bodies of the Federal Penal Service the main reasons for a decrease in the level of job satisfaction and an increase in staff turnover in institutions and bodies of the penal system, and the dismissal of young employees were established. Measures of an organizational and legal nature are proposed to improve staffing at the present stage. The need to further increase the legal guarantees during service in the penal system is noted.

К e y w o r d s : penal system; organization of law enforcement; personnel work; staff turnover; job satisfaction.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Malkova L. L. Organizational and legal aspects of the problem of staff turnover in the penal system of the Russian Federation. *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 4 (14), pp. 118–123, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-118-123.

Ключевым условием повышения эффективности исполнения уголовных наказаний на современном этапе является формирование стабильного высокопрофессионального кадрового состава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, способного обеспечить устойчивое и безопасное ее функционирование в соответствии с общепризнанными международными стандартами пенитенциарной деятельности. Решение данной задачи определено в качестве одной из основных мер по совершенствованию условий несения службы в УИС наряду с повышением привлекательности службы и стимулированием персонала¹.

С момента передачи в 1998 г. УИС в ведение Минюста России на государственном-правовом уровне реализован целый комплекс мер по развитию ее кадрового обеспечения: законодательно урегулирован правовой статус сотрудника, сформирована система правовых и социальных гарантий его деятельности, развивается ведомственное профессиональное образование, приняты решительные шаги в направлении противодействия коррупции, совершенствуется институт воспитательной работы с личным составом.

Вместе с тем в научной литературе отмечается, что в последние годы наблюдается снижение престижа службы в УИС, безразличие, безынициативность значительного числа сотрудников, их слабая заинтересованность в результатах своей служебной деятельности по причине как невысокой заработной платы, так и неуверенности в будущем, непрочности служебного положения². Следствием данных негативных явлений является все возрастающая неудовлетворенность сотрудников результатами своего труда и социально-профессиональным статусом, а в конечном счете рост текучести кадров учреждений и органов УИС. Данное обстоятельство требует проведения исследования причин и условий текучести кадров в УИС, выработки адекватных мер по ее снижению до приемлемого уровня.

В 2020 г. со службы в УИС уволено 16 347 сотрудников, или 7,68 % от штатной численности (в 2019 г. – 17 208 чел., или 8,10 %), из них по соглашению сторон, инициативе сотрудника – 5262, по отрицательным основаниям – 380, в связи с нарушением условий контракта – 335, в связи с сокращением должности в УИС, замещаемой сотрудником, при отсутствии возможности перемещения по службе либо при отказе сотрудника от перемещения по службе – 167 сотрудни-

ков. На первом году службы уволены 5,84 % сотрудников (в 2019 г. – 6,48 %), в том числе 77 чел., или 8,07 % от уволенных на первом году службы, в связи с признанием сотрудника, проходившего испытание, не выдержавшим его³.

Современные проблемы кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений УИС, в том числе и проблема текучести кадров, стали предметом научного исследования в трудах А. А. Аксенова, Н. Н. Барановского, Д. А. Брыкова, Д. А. Гришина, А. Я. Гришко, В. М. Демина, В. Н. Летунва, В. И. Огородникова, А. Г. Перегудова, В. М. Позднякова, С. Н. Чудаковой и др.

Большинство ученых сходятся во мнении, что к текучести кадров следует относить только неорганизованные (планово не регулируемые) каналы их движения. Остальные их виды отличаются от текучести по причинам и целям перемещений кадрового ресурса, а также степени организованности. Так, руководству учреждения (органа) УИС известно, сколько сотрудников и когда, например, будет переведено в другое учреждение (орган) УИС или выйдет на пенсию. Все это позволяет заранее принять меры к поиску или профессиональной подготовке сотрудников взамен увольняющихся. В «Современном экономическом словаре» текучесть кадров определяется следующим образом: 1) показатель, фиксирующий уровень изменения состава работников вследствие увольнения и перехода на другую работу по личным мотивам; 2) текучесть рабочей силы, процесс неорганизованного перемещения работников⁴.

В «Словаре социально-психологических понятий» данный термин трактуется как «движение кадров на производстве, которое обусловлено неудовлетворенностью работников какими-либо аспектами производственной ситуации или неудовлетворенностью администрации предприятия производственным поведением работника»⁵. Вместе с тем в настоящее время подвергается сомнению целесообразность объединения в одно понятие «текучесть» двух различных по своей природе процессов – добровольного и принудительного увольнения.

Основываясь на результатах анализа основных признаков текучести кадров, изложенных в научной литературе, можно сформулировать соответствующее определение применительно к УИС. Текучесть кадров в УИС мы понимаем как один из каналов движения кадрового ресурса органов и учреж-

дений УИС, состоящий из индивидуальных неорганизованных перемещений сотрудников между сферами служебной деятельности или за пределы УИС, осуществляемых самими сотрудниками и по их инициативе в силу влияния дезадаптирующих факторов, обуславливающих несоответствие места службы потребностям и запросам сотрудников.

В настоящее время все чаще говорят не о стабильности, а об устойчивости трудового коллектива. По мнению отдельных исследователей, это понятие в более полной мере отражает сущность процесса текучести кадров, поскольку коллектив можно считать устойчивым, если динамика персонала не сказывается отрицательно на трудовом процессе, а также сохраняет и повышает трудовой потенциал его работников, в особенности кадрового ядра⁶. Данный подход вполне обоснован, учитывая, что текучесть кадров может иметь как отрицательные, так и позитивные последствия для деятельности организации. Наиболее значимыми отрицательными последствиями высокой текучести кадров являются снижение производительности труда, необходимость поиска и подготовки новых сотрудников, дестабилизация трудового коллектива; а положительными – перераспределение рабочей силы, профессиональное продвижение кадров (трудова́я мобильность), качественное кадровое обновление (омоложение) трудового коллектива, разностороннее развитие сотрудника на новом месте работы⁷. Кроме того, анализ причин текучести кадров позволяет установить недостатки, существующие в области организации труда, взаимоотношений в трудовом коллективе.

В целях выявления причин текучести кадров в учреждениях и органах УИС, а также разработки мер, направленных на снижение ее уровня, в 2021 г. нами было проведено исследование в форме анкетирования сотрудников кадровых аппаратов и руководителей структурных подразделений территориальных органов ФСИН России (УФСИН России по Республике Карелия – 47 чел.; УФСИН России по Вологодской области – 37 чел.).

По результатам опроса 38,2 % респондентов из числа сотрудников УФСИН России по Республике Карелия указали на наличие проблем с кадровым обеспечением в деятельности их территориального органа; в УФСИН России по Вологодской области доля таких респондентов составила 67,6 %. В числе наиболее значимых проблем опрошенные сотрудники УФСИН России по

Республике Карелия и УФСИН России по Вологодской области назвали проблемы прохождения медицинского освидетельствования кандидатов на службу (61,7 и 44 % соответственно), низкий уровень денежного довольствия сотрудников УИС (48,3 и 84 % соответственно), а также нежелание самих сотрудников продолжать службу в УИС (48,3 и 12 % соответственно).

В УФСИН России по Республике Карелия уровень заинтересованности сотрудников в продолжительной службе в УИС позиционируют как высокий 34 % респондентов, в УФСИН России по Вологодской области – всего 19 % респондентов, как средний – 62 и 59 % респондентов соответственно.

В качестве основных причин прекращения службы в УИС опрошенные сотрудники УФСИН России по Республике Карелия и УФСИН России по Вологодской области указывают главным образом низкий уровень денежного довольствия (60 и 76 % соответственно), неудовлетворенность режимом работы и высокую служебную нагрузку (64 и 60 % соответственно), отсутствие перспектив служебного и профессионального роста (26 и 32 % соответственно), низкий престиж службы в УИС (13 и 16 % соответственно). Такие факторы, как чрезмерное психологическое напряжение (34 %) и неудовлетворительные жилищно-бытовые условия (28 %), значимы при принятии решения об увольнении со службы для сотрудников в УФСИН России по Республике Карелия. В УФСИН России по Вологодской области они менее актуальны (11 и 14 % соответственно), здесь респонденты отмечают недовольство качествами руководителя или методами руководства (11 %), недовольство сотрудником со стороны руководства – (8 %).

Среди основных причин увольнения молодых специалистов со службы в УИС респонденты указывают низкий уровень материального обеспечения (74 и 68 % соответственно), высокую интенсивность и сложные условия службы, режим труда и отдыха (55 и 41 % соответственно). Утрата «иллюзий» относительно службы в УИС является еще одной из причин увольнения молодых специалистов (21 и 19 % соответственно), отсутствие перспектив профессионального и служебного роста актуально в большей степени для сотрудников, впервые поступивших на службу в УФСИН России по Вологодской области (30 %).

Низкий уровень социальной и правовой защищенности сотрудников отмечают 19 % респондентов из УФСИН России по Ре-

спублике Карелия и 14 % из УФСИН России по Вологодской области. Плохое техническое оснащение и методическое обеспечение служебной деятельности усматривают 14 % респондентов в УФСИН России по Вологодской области и 9 % в УФСИН России по Республике Карелия. Сложности в решении жилищно-бытовых проблем являются одной из основных причин увольнения молодых сотрудников со службы в УФСИН России по Республике Карелия (34 %).

Уровень работы руководителей структурных подразделений с молодыми сотрудниками 52 % респондентов из УФСИН России по Республике Карелия оценили как высокий (40 % – средний), в то время как в УФСИН России по Вологодской области такую оценку дали всего 2 % респондентов (76 % – средний).

В целях закрепления молодых сотрудников, повышения уровня их мотивации к прохождению службы в УИС и предотвращения текучести кадров 78 % респондентов из УФСИН России по Вологодской области и 43 % респондентов из УФСИН России по Республике Карелия считают необходимым совершенствовать формы и методы работы с вновь прибывшими на службу сотрудниками. Большинство респондентов (59 % в УФСИН России по Республике Карелия и 76 % в УФСИН России по Вологодской области) предлагают реализовывать дифференцированный подход в работе с начинающими сотрудниками в целях их закрепления на службе.

Решение проблемы мотивации персонала УИС значительная часть сотрудников УФСИН России по Республике Карелия и УФСИН России по Вологодской области связывает с повышением размеров денежного довольствия (89 и 100 % соответственно), пересмотром системы премирования за достижения в служебной деятельности (44 и 49 % соответственно), повышением уровня социальных гарантий (40 и 24 % соответственно), улучшением режима труда и условий служебной деятельности (38 и 46 % соответственно), расширением возможностей для карьерного роста (17 и 30 % соответственно). Респонденты из УФСИН России по Вологодской области отмечают также необходимость совершенствования стиля руководства подразделениями УИС (14 %) и установления четких ориентиров (требований) в работе с осужденными, в том числе в части противодействия проявлениям в их среде криминальной (тюремной) субкультуры (11 %).

Основываясь на результатах исследования, можно заключить, что причины увольнения со службы в УИС напрямую связаны с неудовлетворенностью тех или иных потребностей сотрудников, недовольством работников своим положением (низкий уровень денежного довольствия, плохие условия труда и напряженный режим работы (высокая служебная нагрузка), высокое психологическое напряжение, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия, непрестижность службы в УИС, неуважительное отношение со стороны руководства, неустойчивость служебного положения и невозможность сделать карьеру).

Проведенное изучение существующих точек зрения по вопросу классификации факторов, влияющих на текучесть кадров, позволило прийти к выводу о том, что, несмотря на отличия в наименовании оснований их выделения, можно обнаружить нечто более общее, наиболее значимо характеризующее их отдельные группы и виды. По нашему мнению, целесообразно рассмотреть классификацию факторов, влияющих на текучесть кадров в УИС, в зависимости от элементов процесса трудовой адаптации сотрудников (профессиональная, социально-психологическая, организационная, экономическая, психофизиологическая, культурно-бытовая).

Трудовая адаптация и текучесть кадров рассматриваются нами как взаимосвязанные социальные процессы, поскольку текучесть кадров как неорганизованный элемент движения трудовых ресурсов предстает в качестве показателя трудовой дезадаптации работников под воздействием совокупности различных социальных, материально-бытовых и иных причин и условий, демографических и нравственно-психологических характеристик личности, которые затрудняют процесс вхождения в профессиональную среду и закрепления в ней. Текучесть кадров предстает в качестве индикатора трудовой адаптации сотрудников УИС. Исходя из этого представляется, что классификация указанных факторов в зависимости от элементов процесса трудовой адаптации сотрудников УИС включает следующие основные группы:

– факторы, характеризующие как уровень профессиональной подготовки самого сотрудника, так и эффективность системы профессиональной подготовки сотрудников в подразделениях УИС (процесс становления сотрудника УИС зависит не только от практического опыта, но и от базового уров-

ня профессиональной подготовки сотрудника, развития профессионально значимых качеств его личности, наличия у сотрудника возможности постоянно совершенствоваться, повышать свой профессиональный уровень);

– социально-психологические факторы (различного рода конфликты среди сотрудников УИС, неэффективный стиль работы руководителя и другие аналогичные факторы могут самым негативным образом отразиться на уровне текучести кадров);

– организационные факторы (наличие или отсутствие у сотрудника достаточных полномочий для выполнения обязанностей по должности, наличие или отсутствие в учреждении сложившейся эффективной системы профессионального взаимодействия между структурными подразделениями и отдельными должностями, оптимальность распределения функциональных обязанностей между структурными подразделениями и сотрудниками, степень объективности оценки служебной деятельности сотрудников, возможности для карьерного роста и др.);

– экономические факторы (уровень денежного довольствия, система материального стимулирования, социальные гарантии и др.);

– психофизиологические факторы (повышенные физические и психические нагрузки, риск жизни и здоровью, монотонность и однообразность труда (особенно в службе надзора и подразделениях охраны), неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия труда, неустроенность рабочего места, трудные климатические условия);

– факторы, связанные с культурно-бытовыми характеристиками организации (уровень культуры организации, развития ее социальной инфраструктуры, общий уровень развития членов организации, наличие положительных служебных традиций).

Текучесть кадров в УИС можно исследовать и через ее правовой аспект. Так, например, законодательство оказывает влияние на текучесть кадров, устанавливая требования к профессиональному уровню сотрудников УИС, их квалификации, определяя периодичность повышения квалификации, регламентируя институты наставничества и служебной подготовки сотрудников, работу с резервом руководящих кадров. Правовыми нормами регламентируются состав денежного довольствия сотрудников УИС, объем их правовых и социальных гарантий, предусматриваются условия карьерного

продвижения в зависимости от уровня профессионального образования, регламентируется процедура аттестации, которая призвана выявить путем экспертной оценки уровень профессиональной пригодности конкретного сотрудника. Анализ правовых основ деятельности органов и учреждений ФСИН России позволяет говорить о двойном влиянии правовых норм на текучесть кадров в УИС: они способны привести как к снижению ее уровня (например, повышение денежного довольствия), так и к росту (например, повышение требований к сотрудникам, отмена льгот).

Знание перечисленных выше факторов, взаимосвязей между ними позволяет прогнозировать развитие и будущее состояние кадровой ситуации, регулировать процессы текучести кадров и условия, в которых они протекают. В связи с этим руководителям органов и учреждений УИС имеет смысл постоянно держать в поле зрения следующие моменты:

1. Выявление и систематизация факторов, оказывающих позитивное влияние на текучесть кадров в подразделении.

2. Выявление и систематизация существующих и возможных (потенциальных) факторов, влияние которых способно вызвать рост текучести кадров. Важно определить, какие из них действительно негативно сказываются на кадровой ситуации, сосредоточить внимание на основных факторах, которые могут реально привести к негативным последствиям в ближайшей перспективе.

3. Разработка комплекса технико-экономических (улучшение условий труда, совершенствование системы материального стимулирования наставников и др.), организационных (совершенствование процедур приема и увольнения работников, системы оценки мотивационных предпочтений работников, системы профессионального обучения и продвижения работников и др.), социально-психологических (совершенствование стиля и методов руководства, взаимоотношений в коллективе, системы морального поощрения, мотивация сотрудников на дальнейшее профессиональное развитие и др.) и иных мероприятий, принятие и реализация управленческих решений, позволяющих стабилизировать кадровый состав подразделения, своевременно и адекватно реагировать на воздействие негативных факторов.

Соответствующие стратегии реагирования на изменение кадровой ситуации можно

разработать в случае, если принять, что пенициарные системы более не являются статичными иерархичными организациями, а представляют собой динамичные институты, подверженные непрерывному изменению и развитию. Поэтому руководителю необходимо рационально, взвешенно подойти к управлению текучестью кадров, учитывая как негативные (деструктивные), так и позитивные (конструктивные) ее последствия.

Знание руководителями органов и учреждений УИС общих, типичных для всей систе-

мы факторов и закономерностей текучести кадров во многом помогает им осуществлять управление персоналом, формировать профессиональное ядро сотрудников в подразделении. Вместе с тем движение кадров в любом конкретном органе (учреждении) УИС может осуществляться под воздействием совокупности специфических, только ему присущих факторов. Умение их выявлять, анализировать и использовать в управлении коллективом – важное качество любого руководителя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.

² Гришин Д. А., Чудакова С. Н. Организационные и административно-правовые проблемы текучести кадров (прекращения службы) в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4 (87). С. 72.

³ Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2020 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2021. С. 213.

⁴ Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2005. С. 137.

⁵ Коллектив. Личность. Общение : словарь социально-психологических понятий / под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1987. С. 112.

⁶ Бердникова Л. Ф., Ситдикова Г. М. Социально-экономическое содержание текучести кадров в современных условиях труда // Карел. науч. журн. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 99.

⁷ Кондакова А. А. Текучесть кадров: подходы и классификация понятий // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № S1. С. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekuchest-kadrov-podhody-i-klassifikatsiya-ponyatiy> (дата обращения: 03.06.2021).

¹ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29.04.2021 № 1138-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 20. Ст. 3397.

² Grishin D. A., Chudakova S. N. Organizatsionny'e i administrativno-pravovy'e problemy tekuchesti kadrov (prekrashheniya sluzhby) v uchrezhdeniyax i organax Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2014. № 4 (87). S. 72.

³ Osnovny'e pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy` (yanvar`–dekabr` 2020 g.) : inform.-analit. sb. Tver`, 2021. S. 213.

⁴ Rajzberg B. A., Lozovskij L. Sh., Starodubceva E. B. Sovremennyj e`konomicheskij slovar`. M., 2005. S. 137.

⁵ Kollektiv. Lichnost`. Obshhenie : slovar` social'no-psihologicheskix ponyatij / pod red. E. S. Kuz'mina, V. E. Semenova. L., 1987. S. 112.

⁶ Berdnikova L. F., Sitdikova G. M. Social'no-e`konomicheskoe sodержание tekuchesti kadrov v sovremenny`x usloviyax truda // Karel. nauch. zhurn. 2018. T. 7, № 1 (22). S. 99.

⁷ Kondakova A. A. Tekuchest` kadrov: podhody i klassifikatsiya ponyatij // Nauchno-metodicheskij e`lektronnyj zhurnal «Koncept». 2017. № S1. S. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekuchest-kadrov-podhody-i-klassifikatsiya-ponyatiy> (data obrashheniya: 03.06.2021).

DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-124-128
УДК 343.721:343.811

Способы сокрытия мошенничеств, совершаемых осужденными с территории исправительных учреждений

Е. А. ЛАПУТИНА – заместитель начальника кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук;

В. Н. ОСТАПЕНКО – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье рассмотрены способы сокрытия мошенничества, совершенного осужденными с территории исправительных учреждений ФСИН России, как элемент криминалистической характеристики данной группы преступлений. Проанализированы такие способы, как утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация, раскрыто их содержание, приведены примеры из практики расследования. Перечислены факторы, определяющие особенности деятельности по сокрытию: личность преступника и очевидцев, специфика обстановки и способ совершения мошенничества. Определено теоретическое значение данных сведений для развития методики расследования мошенничеств, а также прикладное в виде разработки практических рекомендаций по выявлению, противодействию и расследованию преступных действий.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; расследование; мошенничество; мобильная связь; осужденный; сокрытие.

12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Лапутина Е. А., Остапенко В. Н. Способы сокрытия мошенничеств, совершаемых осужденными с территории исправительных учреждений. *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 124–128, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-124-128.

Methods of frauds concealment committed by convicts from the territory of correctional institutions

E. A. LAPUTINA – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. of Law;

V. N. OSTAPENKO – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Operational-Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article discusses ways of fraud concealment committed by convicts from the territory of correctional institutions of the Federal Penal Service of Russia as an element of the forensic characteristics of this group of crimes. Methods such as concealment, destruction, camouflage, falsification are analyzed, their content is disclosed, examples from the practice of investigation are given. The factors that determine the features of the concealment activity are listed: the identity of the perpetrator and eyewitnesses, the specifics of the situation and the method of committing fraud. The theoretical value of this information for the development of methods for investigating fraud has been determined as well as applied in the form of developing practical recommendations for identifying, countering and investigating criminal acts.

Key words: forensic characteristics; investigation; fraud; mobile connection; convicted; concealment.

12.00.12 – Forensic science, forensic activity, operational searching.

For citation: Laputina E. A., Ostapenko V. N. Methods of frauds concealment committed by convicts from the territory of correctional institutions. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 124–128, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-124-128.

Согласно одному из наиболее распространенных определений под криминалистической характеристикой понимается комплекс типичных сведений о расследуемом преступлении (подготовке, способах совершения и сокрытия, механизме деяния, обстановке совершения, личности субъекта преступления и т. п.).

Большинство криминалистов представляют следующую структуру криминалистической характеристики преступления: «характеристика типичной исходной информации; данные о типичных способах совершения и сокрытия преступлений; данные о личности преступника, мотивах и целях преступления; данные о личности потерпевшего; данные о предмете посягательства; данные о месте, времени, обстановке совершения преступления и обстоятельствах, способствовавших его совершению»¹. При этом следует отметить, что данная характеристика включает не только систему информации о криминалистически значимых признаках преступления, но и их взаимосвязи.

Криминалистическую характеристику мошенничеств, совершаемых осужденными с использованием средств сотовой связи, давали такие специалисты, как А. В. Акчурин, В. М. Горбанев, Д. А. Мезеря, А. Б. Максимович, А. А. Нуждин и др. При этом наиболее подробно элементы характеристики раскрываются в работах А. А. Нуждина. Так, он раскрывает следующие ее элементы: «подготовка к совершению осужденными мошенничества; свойства личности субъекта мошенничества; место и время совершения мошенничества; способ совершения мошенничества; способы сокрытия мошенничества; обстановка совершения мошенничества»².

В целом следует признать, что авторы считают данную концепцию наиболее удачной, но ее элементы требуют постоянной доработки в связи с объективными причинами – появлением новых способов и схем совершения преступлений, развитием систем сотовой связи, разработкой новых видов техники (абонентских устройств) и расширением их функционала.

В рамках данной статьи подробно рассмотрим такой элемент криминалистической характеристики исследуемой группы преступлений, как способ сокрытия преступлений.

Именно благодаря разнообразию, технологичности и скрытности совершаемых дистанционных мошенничеств значительная их доля остается нераскрытой. Данное утверждение находит подтверждение в статистических отчетах МВД России. Так, раскрываемость в 2020 г. по всем зарегистрированным преступлениям составила 51,7 %, по мошенничествам в общем – 21,5 %, а по мошенничествам, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, – 6,8 %³. В данную группу преступлений входят рассматриваемые нами мошенничества, совершаемые осужденными.

С точки зрения М. Г. Бушинской, «сокрытием являются умышленные действия (или система действий), а также умышленное бездействие, направленное на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению объективной истины по уголовному делу в ходе судебного разбирательства»⁴.

Исследования материалов правоприменительной практики расследования мошенничеств, совершаемых осужденными с территории исправительных учреждений, позволили выделить факторы, которые наиболее существенно влияют на содержание деятельности по их сокрытию. Такими факторами выступают: способ совершения мошенничества, личностные свойства преступника, вовлеченных в данную деятельность участников и иных лиц, обстановка исправительного учреждения.

Нередко преступники хорошо осведомлены о способах совершения и сокрытия мошенничеств из открытых информационных источников, а также вследствие собственного преступного опыта, которым они обмениваются, находясь в местах лишения свободы.

Основными субъектами сокрытия, как правило, являются лица, непосредствен-

но совершившие мошенничество. К субъектам сокрытия могут быть отнесены иные осужденные, не участвующие в схеме мошенничества (свидетели), потерпевшие, их родственники и знакомые (свидетели), сотрудники исправительных учреждений, адвокаты и иные лица⁵.

Говоря об объективной стороне, действия преступников обычно направлены на уничтожение материальных и иных следов преступления. Объектом данного воздействия является криминалистически значимая информация о событии, в первую очередь ее носители, к которым относятся орудия мошенничества, материальные и идеальные следы преступления.

С точки зрения Р. С. Белкина, существуют следующие виды способов воздействия на информацию: «утаивание, уничтожение, фальсификация, маскировка, смешанные способы»⁶. Предложенное разделение способов воздействия на информацию было взято нами за основу при анализе деятельности по сокрытию мошенничеств.

Первым рассмотрим утаивание, которое распространяется на материальные и идеальные следы мошенничества. При утаивании преступником преследуются цели по сокрытию источников значимой информации о деталях и обстоятельствах совершенного деяния. Кроме того, сокрытию подвержены и источники информации, позволяющие установить непосредственно объекты-носители информации о преступлении и отдельных его обстоятельствах. Носителями такой информации выступают люди, материальные следы и объекты.

В практике совершения мошенничества можно выделить пассивное и активное утаивание. Наиболее распространенным видом активного утаивания является сокрытие именно материальных следов мошенничества, а также объектов, содержащих о нем информацию. К категории таких следов и объектов в первую очередь относятся орудия совершения мошенничества: сотовые телефоны и сим-карты. Наиболее простым и часто применяемым приемом является обустройство и использование тайников для их хранения (например, сооружение тайника в стенке прикроватной тумбочки⁷).

В качестве самого распространенного пассивного способа утаивания выступает умалчивание. Изучение материалов более 80 уголовных дел позволило выделить следующие отдельные обстоятельства совершения мошенничества или источник

информации о нем: содержание и последовательность действий на подготовительном этапе и этапе совершения преступления, деятельность, направленная на его сокрытие; источники информации или ее носители, личность мошенников и иных вовлеченных в данную деятельность лиц, выполняемые ими действия, способ получения средств совершения; механизм получения информации о личности жертв, количестве эпизодов преступной деятельности и размере материального ущерба, обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, связях с должностными лицами, необходимых для осуществления мошеннических действий, и т. п.

Умалчивание может быть представлено в виде невыполнения требуемых действий. Например, во время проведения следственного действия по получению образцов для сравнительного исследования с осужденным А., который совершал мошеннические действия с помощью сотовой связи, он отказался зачитать текст, представленный следователем, для записи образцов его голоса на диктофон⁸.

Следующим способом сокрытия выступает уничтожение, которое направлено на устранение непосредственно следов совершенного мошенничества и его орудий. Может быть выражено как в полном уничтожении объекта, так и частичном. Пенитенциарными мошенниками, как правило, уничтожаются средства и орудия их совершения: сотовые телефоны, сим-карты, записи на бумажных носителях и др.

Например, осужденный С. совершал мошенничества, используя сотовый телефон, находясь на территории исправительного учреждения. После замены очередной сим-карты использованная им ранее уничтожилась измельчением⁹.

Маскировка «как способ сокрытия предполагает искажение представлений о преступных действиях, личности виновного, назначении объектов – носителей информации и их круге»¹⁰.

Нами были выделены следующие способы маскировки, наиболее часто встречающиеся в материалах уголовных дел:

- «изменение информации о субъекте преступления (изменение или искажение голоса, использование сим-карт, оформленных на других лиц, и др.);

- перемещение объектов в необычные места расположения или хранения (в предметах для повседневной деятельности, в т. ч. в тубиках из-под шампуня, геля для душа,

производственных механизмах, готовой продукции и т. д.)»¹¹;

– действия, направленные на создание ложного представления о целях мошеннических действий (например, поручения мошенника своим родственникам и знакомым открывать на свое имя пластиковые карты и электронные кошельки различных платежных систем с ложным информированием, что данные инструменты будут использованы администрацией учреждения для перечисления заработанных средств или перечисления на них долгов осужденных. На самом же деле все вышеперечисленные средства использовались для совершения мошенничеств).

Четвертым способом сокрытия выступает фальсификация, основной целью которой является создание ложной информации об обстоятельствах мошенничества или ложных носителей истинной информации о нем.

В материалах уголовных дел чаще всего встречается такой вид фальсификации, как дача заведомо ложных показаний. Классическим примером дачи ложных показаний субъектам расследования являются аргументированные сведения осужденных о их непричастности к расследуемым эпизодам преступной деятельности, об отсутствии сведений о предъявляемых абонентских номерах, сотовых телефонах, лицах и обстоятельствах событий, по существу которых им задаются вопросы, и т. д.

Нетипичными видами фальсификации могут выступать заведомо ложные заявления и явки с повинной о совершенных преступлениях. Например, осужденный Л. сделал несколько явок с повинной об эпизодах мошеннических действий. В ходе расследования было установлено, что сведения являются ложными и Л. не имеет к ним отношения, но хочет отвести подозрение от брата – осужденного Н., который отбывал

наказание в этом же исправительном учреждении и у него истекал срок наказания в виде лишения свободы¹².

В качестве примера использования смешанных способов могут выступать различные инсценировки, направленные, например, на изменение обстановки совершения мошенничества, состоящие из различных комбинаций ранее рассмотренных способов.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными способами сокрытия мошенничества являются разновидности воздействия на значимую для дела информацию и (или) на ее носителей: утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация.

Особенности этой деятельности определяются в первую очередь личностью преступника и очевидцев, спецификой обстановки и способа его совершения.

Для исследуемой группы мошенничеств характерно осуществление большого количества действий по их сокрытию. Наличие эффективных навыков сокрытия преступной деятельности объясняется тщательным ее планированием, изучением схем совершения мошенничеств, размещенных в открытом доступе, а также наличием собственного преступного опыта и возможностью обмениваться им с другими лицами, находящимися в исправительном учреждении.

Выявление и обобщение информации о способах сокрытия исследуемой группы мошенничеств, являющейся важным элементом криминалистической характеристики, способствует совершенствованию криминалистической методики расследования. На основе данных о способах сокрытия мошенничеств, совершаемых осужденными, возможна разработка практических рекомендаций по их выявлению, противодействию и расследованию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павлин Д. С. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, в структуре частных криминалистических методик // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад., 2012. № 3. С. 230.

² Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 19.

³ Официальный сайт МВД РФ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ Бушинская М. Г. Криминальное противодействие и пути его преодоления при расследовании мошенничества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 28.

⁵ Карнаухова О. Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 38–48.

⁶ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории к практике. М., 1988. С. 217.

⁷ Приговор Свердловского районного суда г. Костромы № 1-187/2018 от 18.05.2018.

⁸ Приговор Октябрьского районного суда г. Красноярск № 1-168/2018 от 16.05.2018.

⁹ Приговор Благовещенского городского суда Амурской области. № 1-430/2018 от 22.05.2018.

¹⁰ Николайчук И. А. Сокрытие преступлений как форма противодействия расследованию : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 55.

¹¹ Нуждин А. А. Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. С. 51.

¹² Приговор Кировского районного суда г. Перми № 1-89/2018 от 08.05.2018.

¹ Pavlin D. S. Obstoitel'stva, podlezhashhie dokazyvaniyu, v strukture chastny'x kriminalisticheskix metodik // Vestn. Saratov. gos. yurid. akad.. 2012. № 3. S. 230.

² Nuzhdin A. A. Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdenny'mi v uchrezhdeniyax UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovy'x sistem podvizhnoj svyazi : dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2013. S. 19.

³ Oficial'ny'j sajt MVD RF. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/> (data obrashheniya: 10.09.2021).

⁴ Bushinskaya M. G. Kriminal'noe protivodejstvie i puti ego preodoleniya pri rassledovanii moshennichestva : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. S. 28.

⁵ Karnauhova O. G. Taktika preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu so storony' svidetelej i poterpevshih : dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2015. S. 38–48.

⁶ Belkin R. S. Kriminalistika: problemy', tendencii, perspektivy': ot teorii k praktike. M., 1988. S. 217.

⁷ Prigovor Sverdlovskogo rajonnogo suda g. Kostromy' № 1-187/2018 ot 18.05.2018.

⁸ Prigovor Oktyabr'skogo rajonnogo suda g. Krasnoyarska № 1-168/2018 ot 16.05.2018.

⁹ Prigovor Blagoveshenskogo gorodskogo suda Amurskoj oblasti. № 1-430/2018 ot 22.05.2018.

¹⁰ Nikolajchuk I. A. Sokry'tie prestuplenij kak forma protivodejstviya rassledovaniyu : dis. ... d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2000. S. 55.

¹¹ Nuzhdin A. A. Rassledovanie moshennichestva, sovershennogo osuzhdenny'mi v uchrezhdeniyah UIS s ispol'zovaniem sredstv sotovy'h sistem podvizhnoj svyazi : dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2013. S. 51.

¹² Prigovor Kirovskogo rajonnogo suda g. Permi № 1-89/2018 ot 08.05.2018.

Размышление о содержании криминалистической дефиниции «противодействие расследованию преступлений»

О. С. КУЧИН – профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки и техники Российской академии естественных наук, почетный доктор

В статье анализируется криминалистическая дефиниция «противодействие расследованию преступлений». Отмечается, что действующий УПК РФ предоставляет стороне защиты довольно широкие права, позволяющие участвовать в объективном установлении всех обстоятельств расследуемого уголовного дела даже в том случае, если позиция защиты расходится с доводами обвинения. Однако в криминалистике в последние годы такие действия защиты стали восприниматься как противодействие расследованию преступлений. Автор аргументирует несостоятельность сложившегося подхода в криминалистической деятельности.

Ключевые слова: следователь; преступление; расследование; противодействие расследованию; участники процесса; сторона обвинения; сторона защиты; законность; криминалистическая дефиниция.

12.00.12 – Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Кучин О. С. Размышление о содержании криминалистической дефиниции «противодействие расследованию преступлений». *Ius publicum et privatum* : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права, 2021, № 4 (14), с. 129–132, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-129-132.

Reflection on the content of a forensic definition "Counteraction to the investigation of crimes"

O. S. KUCHIN – Professor of the Department of Forensic Expertise and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Dsc. of Law, Associate Professor, Academician of RANH, Honored Worker of Science and Technology of RANH, Doctor of Science Honoris Causa

The current Criminal Procedure Code of the Russian Federation grants the defense party quite broad rights that allow it to participate in the objective establishment of all the circumstances of the criminal case under investigation, even if the defense position is fundamentally at odds with the prosecution's arguments. However in the forensic science, in recent years, such actions of defense have begun to be perceived as counteraction to the investigation of crimes. The author argues the inconsistency of the existing approach in forensic activity.

Keywords: investigator; the crime; investigation; opposition to an investigation; participants in the process; the prosecution; party of the defense; legality; forensic definition.

12.00.12 – Forensic science, forensic activity, operational searching.

For citation: Kuchin O. S. Reflection on the content of a forensic definition "Counteraction to the investigation of crimes". *Ius publicum et privatum* : online scientific and practical journal of private and public law, 2021, no. 4 (14), pp. 129–132, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-129-132.

Еще в начале XX в. основатели российской криминалистической науки С. Н. Трегубов, И. Н. Якимов, В. И. Громов и другие специалисты в своих трудах поднимали вопрос о способах сокрытия преступлений и других действиях преступников, направленных на уклонение от уголовной ответственности.

В советский период развития криминалистики такие ученые, как Р. С. Белкин, Е. В. Баранов, И. Е. Быховский, А. Н. Васильев, А. В. Дулов, А. А. Закатов, В. А. Овечкин, Н. И. Порубов, А. Р. Ратинов, А. Б. Соловьев, А. А. Шмидт и др., в публикациях по методике расследования преступлений рассматривали распространенные приемы противодействия установлению обстоятельств совершенного преступления. Причем исследовались приемы противодействия расследованию, противоречившие нормам права того времени и являвшиеся незаконными или преступными.

В 1990-е гг. в теории криминалистики появился новый термин «противодействие расследованию преступлений», анализу которого было посвящено большинство научных трудов по методике расследования. Полагаем, что научная общественность до сих пор не определилась с составляющими элементами противодействия, что приводит к сложностям в правоприменительной практике.

В первую очередь следует изучить и определиться с понятием «противодействие». Необходимо установить его истинное значение в языке, в том числе в юридической или криминалистической терминологии.

По определению В. И. Даля, «противодействие» – это значит действовать в соответствии с однокоренным глаголом «противодействовать», корнями сложного слова являются «против» и «действовать», то есть «действовать против чего-то». Поэтому слово «противодействовать» толкуется как «перечить, идти против, наперекор, мешать и стараться уничтожить другое действие»¹.

В толковом словаре С. И. Ожегова противодействие определено как «действие, препятствующее другому действию»².

Толковый словарь под редакцией профессора Н. Д. Ушакова определяет противодействие как «действие, служащее препятствием к проявлению, развитию другого действия, сопротивление»³.

В современном социологическом словаре противодействие раскрывается как «сопротивление, оказываемое субъектом кому-либо, воздействию на него»⁴.

Малый академический словарь определяет противодействие как действие, «препятствующее другому действию; сопротивление»⁵.

Таким образом, можно выделить следующие компоненты дефиниции «противодействие»:

1. Действие. Хотя, по нашему мнению, противодействие может быть осуществлено и бездействием. Поэтому правильнее это назвать деянием (действием или бездействием).

2. Противодействие направлено на иное деяние, так как противодействовать можно как действию, так и бездействию. В данном случае оно направлено против предварительного расследования.

3. В противодействии имеются два субъекта: тот, кто противодействует, и тот, кому противодействуют.

4. Цель противодействия – это мешать, противоречить, противостоять, сопротивляться, препятствовать деяниям другого субъекта.

5. Противодействие всегда является умышленным деянием противодействующего субъекта.

Спорным вопросом в юридической науке является смысл противодействия, его направленность и роль в общей системе методов предварительного расследования.

Многие специалисты считают, что в смысл противодействия предварительному расследованию входят как законные методы или способы его совершения, так и незаконные. Мы полагаем, что это является основной дискуссионной проблемой в определении смыслового значения термина «противодействие предварительному расследованию».

Так, В. П. Лавров определил противодействие расследованию преступлений как «совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников (а также связанных с ними лиц), направленных на воспрепятствование деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний»⁶.

Данное определение не противоречит и толкованиям, представленным в работах Р. С. Белкина, В. Н. Карагодина, Н. П. Яблокова и многих других ученых⁷.

Мы согласны с мнением А. Ю. Головина, который предлагает рассматривать противодействие предварительному расследованию «как умышленную и преимущественно противоправную деятельность субъектов

преступления»⁸. Особо отметим, что противодействие – это исключительно противоправная деятельность субъекта предварительного расследования.

В своих трудах В. Н. Карогодин однозначно говорит о преодолении противодействия предварительному расследованию⁹. Эту же позицию поддерживают многие ученые. В связи с чем возникают закономерные вопросы: зачем преодолевать законное противодействие? стоит ли считать законные действия иной стороны уголовного процесса противодействием следователю или дознавателю? УПК РФ в своих нормах предоставляет каждой из сторон уголовного процесса определенные права и обязанности, а также декларирует равноправие и состязательность сторон. Например, обвиняемый или подозреваемый имеет право на защиту, и ему предоставлена возможность защищаться всеми законными методами, иметь защитника, которому также предоставлены определенные права, в том числе и собирать доказательства, которые в дальнейшем он может предоставить следователю, а последний не имеет права их отклонить. Поэтому можно говорить о правовом противоборстве (противостоянии) сторон, так как каждая сторона пытается доказать свою позицию по делу и имеет на это полное право. В связи с этим не совсем понятно, почему правовое противоборство, например стороны защиты или обвиняемого (подозреваемого) со следователем, мы должны считать противодействием предварительному расследованию и почему следователь должен преодолевать какие-то законные ходатайства стороны защиты, заявленные на основании ст. 119–122 УПК РФ, считая их противодействием своей процессуальной деятельности. В соответствии со ст. 121 и 122 УПК РФ следователь должен просто рассмотреть ходатайство стороны защиты в определенный срок и вынести соответствующее постановление о его удовлетворении или отказе в его удовлетворении. Кроме того, согласно гл. 16 УПК РФ обвиняемый (подозреваемый) и сторона защиты имеют полное право обжаловать действия и решения должностных лиц (следователя, дознавателя), осуществляющих уголовное судопроизводство.

Следует обратить внимание на то, что термин «противодействие расследованию преступлений» не является легальным, то есть он не предусмотрен в уголовно-процессуальном законодательстве. Он придуман представителями науки криминали-

стики с целью «подыграть» практическим работникам в их обвинительном позиционировании, представить действия процессуально противоборствующей стороны не совсем корректными, отнеся их не к попыткам объективного установления всех событий совершенного деяния (возможно, и не признанного преступлением), а к противодействию действиям следователя, которые почему-то априори считаются законными и обоснованными. В этом случае данная позиция противоречит общей теории криминалистики о том, что эта наука опирается на положения уголовного процесса и его правовые нормы.

Так почему же мы должны воспринимать законную процессуальную деятельность следователя, направленную на разрешение ходатайств, заявлений стороны защиты, как пример преодоления противодействию предварительному расследованию? Получается, что криминалистическая позиция в отношении противодействия предварительному расследованию в корне расходится с уголовно-процессуальной, а это недопустимо, так как нарушается принцип законности и равноправия сторон, в том числе в криминалистической деятельности.

По нашему мнению, противодействие предварительному расследованию может осуществляться только незаконными, противоправными, преступными действиями и не только процессуальными противниками стороны обвинения, но и иными лицами, которые в этом заинтересованы (например, иными членами организованных преступных групп, не имеющими отношения к расследуемому уголовному делу, родственниками, друзьями подследственных, руководством преступных групп, заинтересованными помочь своим «подчиненным», должностными лицами и т. п.). Причем поведение противодействующих (противоборствующих) лиц должно определенным образом подпадать под соответствующие нормы уголовного или административного законодательства или в некоторых случаях и под действие дисциплинарных правил поведения. Все эти деяния и будут в своей совокупности составлять объективную сторону противодействия. Поэтому в криминалистике следует отличать законные действия, направленные на защиту прав и свобод обвиняемого, от незаконных, противоборствующих. Как один из доводов такого анализа действий стороны защиты можно привести следующее обоснование. В криминалистике в последнее время существует такой

раздел (институт, направление), как криминалистическое обеспечение деятельности адвоката, защитника. И если мы будем рассматривать все проводимые ими законные действия по защите своих доверителей как противодействие предварительному расследованию, то в криминалистике следует выделить такой институт, как «криминалистическое обеспечение противодействию

расследования», что недопустимо. Не может криминалистика способствовать проведению незаконных или преступных деяний. Не для того она создавалась, и не для того она предназначена. А вот разрабатывать методические рекомендации по расследованию и криминалистическому обеспечению преодоления противодействия расследованию преступлений просто необходимо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 06.09.2021); <http://rus-yaz.niv.ru/doc/explanatory-dictionary-dalya/index.htm> (дата обращения: 06.09.2021).

² URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (дата обращения: 06.09.2021).

³ URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/988230 (дата обращения: 06.09.2021).

⁴ URL: vslovar.info/slovo/protivodejstvie (дата обращения: 06.09.2021).

⁵ Там же.

⁶ Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению : учеб. для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. М., 2017. С. 18.

⁷ Криминалистика / под ред. А. Ф. Волынского. М., 1999; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. В. Криминалистика. М., 1999; Криминалистика / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. М., 2008; Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. М., 2003.

⁸ Головин А. Ю. Противодействие предварительному расследованию: некоторые вопросы системных исследований // Вестн. Восточ.-Сибир. ин-та МВД России. Вып. 1 (88). 2019. С. 137–149.

⁹ Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

¹ URL: <https://gufo.me/dict/dal> (data obrashheniya: 06.09.2021); <http://rus-yaz.niv.ru/doc/explanatory-dictionary-dalya/index.htm> (data obrashheniya: 06.09.2021).

² URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_a_d.txt (data obrashheniya: 06.09.2021).

³ URL: dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/988230 (data obrashheniya: 06.09.2021).

⁴ URL: vslovar.info/slovo/protivodejstvie (data obrashheniya: 06.09.2021).

⁵ Tam zhe.

⁶ Protivodejstvie rassledovaniyu prestuplenij i mery` po ego preodoleniyu : ucheb. dlya vuzov / pod obshh. red. B. Ya. Gavrilova, V. P. Lavrova. M., 2017. S. 18.

⁷ Kriminalistika / pod red. A. F. Voly`nskogo. M., 1999; Aver`yanova T. V., Belkin R. S., Koruxov Yu. G., Rossinskaya E. V. Kriminalistika. M., 1999; Kriminalistika / pod red. A. F. Voly`nskogo, V. P. Lavrova. M., 2008; Kriminalisticheskoe obespechenie raskry`tiya i rassledovaniya kory`stno-nasil`stvenny`x prestuplenij. M., 2003.

⁸ Golovin A. Yu. Protivodejstvie predvaritel`nomu rassledovaniyu: nekotory`e voprosy` sistemny`x issledovanij // Vestn. Vostoch.-Sibir. in-ta MVD Rossii. Vy`p. 1 (88). 2019. S. 137–149.

⁹ Karagodin V. N. Osnovy` kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodejstviya rassledovaniyu : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 1992.

Значение прогностической функции в развитии современной дактилоскопии

О. А. СОКОЛОВА – профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

В статье рассматривается современное состояние дактилоскопии как наиболее разработанного в теоретическом в практическом плане направления исследований в судебной экспертизе. Научно-технический прогресс, характеризующийся непрерывным процессом развития науки, техники, появлением инновационных технологий, способствует возникновению многочисленных отраслей знания, включая дактилоскопию, что позволяет периодически пересматривать достижения и определять векторы дальнейшего движения. В связи с этим автор предлагает рассматривать прогностическую функцию в качестве одной из форм научного предвидения в дактилоскопии и обосновывает выделенные в дактилоскопии перспективные направления. Среди них, по мнению автора, помимо собственно дактилоскопического и интегрального (папилляроскопического) важное место отводится научно-техническому, связанному с разработкой новых средств, форм и методов, применяемых для выявления, фиксации, изъятия и исследования следов рук.

К л ю ч е в ы е с л о в а : прогностическая функция; прогнозирование; инновационные технологии; дактилоскопия; дерматоглифика; папилляроскопия.

12.00.12 – Криминалистика, экспертно-криминалистическая деятельность, оперативно-розыскная деятельность.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Соколова О. А. Значение прогностической функции в развитии современной дактилоскопии. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 133–138, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-133-138.

The importance of prognostic function in the development of modern fingerprinting

O. A. SOKOLOVA – Professor of the Department of Forensic Science of the Educational and Scientific Complex of Forensic Science of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Dsc. of Law, Associate Professor

The article presents the current state of fingerprinting as the most developed in the theoretical and practical terms of research in forensic science. Scientific-technological progress characterized by a continuous process of development of science, technology, the emergence of innovative technologies contributes to the appearance of numerous branches of knowledge, including fingerprinting, which allows to periodically review achievements and determine the vectors of further development. In this regard the author proposes to consider the prognostic function as one of the forms of scientific foresight in fingerprinting and substantiates the promising directions identified in fingerprinting. Among them, according to the author's opinion, in addition to the actual fingerprint and integral (papillaroscopic), an important place is given to the scientific-technical, associated with the development of new means, forms and methods used to identify, fix, remove and study handprints.

Key words: prognostic function; forecasting; innovative technologies; fingerprinting; dermatoglyphics; papillaroscopy.

12.00.12 – Criminalistics, forensic expert activity, operational searching.

For citation: Sokolova O. A. The importance of prognostic function in the development of modern fingerprinting. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 133–138, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-133-138.

В общей теории судебной экспертизы в настоящее время выделяется несколько ее функций, которые приняты научным сообществом. Наряду с методологической, информационной, объяснительной, синтезирующей, эвристической, практической, профилактической Н. П. Майлис выделяет и прогностическую функцию¹. Прогнозирование в теории и практике судебных экспертиз связано с развитием и совершенствованием как их теоретической базы, так и практической составляющей, направленной на разработку новых методов и методик решения экспертных задач. Такой подход, как нам представляется, может применяться и в дактилоскопии.

В настоящее время дактилоскопию, открытую английскими учеными У. Гершелем и Г. Фолдсом, с одной стороны, можно считать наиболее разработанной как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку, по мнению ряда ученых, все прорывы в этой области знания уже сделаны. С другой стороны, научно-технический прогресс, характеризующийся непрерывным процессом развития науки, техники, использования инновационных технологий, способствует совершенствованию многочисленных отраслей знания, включая и рассматриваемую нами.

Отметим, что анализ и обобщение экспертной практики, позволяющие предвидеть развитие новых направлений и совершенствовать известные, уже существующие, являются необходимым условием экспертного прогнозирования. Принимая это во внимание, выделим некоторые направления в дактилоскопии, которые, по нашему мнению, будут в дальнейшем активно развиваться: собственно дактилоскопическое, интегральное (папиллярское), а также ее научно-техническая составляющая, связанная с разработкой новых средств, форм и методов, применяемых для борьбы с преступностью, в частности средств выявления, фиксации, изъятия и исследования следов рук. На последнем направлении мы в данной работе останавливаться не будем.

Характеризуя собственно дактилоскопическое направление, рассмотрим две его взаимосвязанные стороны: научную и практическую. Наука зависит от потребностей практики, одновременно рекомендует ей использовать новые разработки, кото-

рые должны пройти апробацию, поэтому эти составляющие сложно разграничить. Отметим, что именно постоянное взаимодействие науки и практики обеспечивает их поступательное взаимосвязанное развитие.

Что касается научного направления в дактилоскопии, то, как мы уже отмечали ранее, оно считается наиболее разработанным. Вместе с тем имеющиеся нерешенные задачи стимулируют к поиску новых путей развития. Так, перспективными, с нашей точки зрения, следует считать исследования следов рук, образованных в условиях негативного влияния свойств следовоспринимающей поверхности, ее загрязненности, искаженных и смазанных следов, определение влияния некоторых факторов внешней среды и выяснение давности их образования, установление факта фальсификации следов рук, искусственно изготовленных следов, появление новых объектов дактилоскопического исследования и др.

В настоящее время в науке и практике не выработан единый методический подход к исследованию следов рук, образованных в условиях так называемого негативного влияния свойств следовоспринимающей поверхности (ее маслянистости, загрязненности, повышенной адгезиозности и др.), а также воздействия некоторых факторов внешней среды. При работе с такими следами особое внимание следует обращать на сложные случаи их образования, требующие учета большого числа обстоятельств, принимаемых во внимание при обнаружении и экспертном исследовании². Помимо этого актуальным остается вопрос изъятия таких следов, поскольку в некоторых случаях, когда изъять следы без их повреждения невозможно, они, как правило, фиксируются с помощью фотоаппаратуры, и фотоснимки представляют на исследование в качестве объектов дактилоскопической экспертизы.

Отсутствие экспертных методик, позволяющих определять относительную давность образования следов, обнаруженных на месте происшествия, на протяжении длительного времени не позволяет решать этот важный диагностический вопрос. Изучение морфологических признаков старения (матовость, сужение или прерывистость папиллярных линий, утрата липкости потожирового вещества) позволяют дифференцировать папиллярные узоры только как свежие или

старые, без уточнения периода времени с момента образования следов.

Отметим, что в 2000 г. Т. Ф. Моисеевой была предложена методика установления давности образования потожирового вещества следа человека, основанная на изучении как непосредственных изменений состава потожирового вещества, так и внешних проявлений этих изменений в морфологии следа и чувствительности к выявляющим реагентам, изменяющимся в течение определенного времени³. Однако данная методика, основанная на специальных биологических знаниях, выходит за границы дактилоскопического исследования.

В этой связи определенный интерес представляет способ установления давности потожирового следа руки, предложенный В. Е. Корноуховым. Для оценки давности используется относительная разница в величине отклонения яркости непосредственно в области следа и яркости фона, на котором дактилоскопическим порошком был выявлен след. Впоследствии они преобразуются в цифровое изображение. Данная методика основана на использовании тест-объекта, поверхность которого по свойствам является близкой к исследуемой, той, на которой был обнаружен след. При этом следует соблюдать определенные требования. Прежде всего условия хранения (старения) следа должны быть приближены к условиям его обнаружения на месте происшествия; экспериментальные следы через различные интервалы времени должны выявляться дактилоскопическим порошком, который был использован при обработке исследуемого следа и т. д. В дальнейшем по этим выявленным следам определяется разница в отклонении яркости области следа к яркости области фона. Применение коэффициентов обратной экспоненциальной зависимости, установленных экспериментально с использованием тест-объекта, позволяет определить давность следа⁴.

Подчеркнем, что рассматриваемое направление имеет большую практическую значимость, как и методика установления принадлежности одному человеку разных следов рук, оставленных им одновременно. Последняя основана на сложном вычислительном процессе с применением математико-логических и статистических методов исследования дактилоскопической информации. В данном случае речь идет об исследовании, проведенном в 2011 г. И. М. Никитиным. Предложенная им методика позволяет выдвигать версии о количестве

лиц, совершивших преступление и не состоящих на дактилоскопическом учете. Она относится к статистической дактилоскопии, которая заслуживает отдельного рассмотрения.

Однако, как ранее приведенная методика установления давности потожирового следа руки, так и методика установления принадлежности одному человеку разных следов рук, оставленных им одновременно, таят в себе определенные трудности при применении в практической экспертной деятельности. Данное обстоятельство не позволяет в настоящее время использовать их в предложенном виде для решения диагностических и идентификационных дактилоскопических задач.

Другое актуальное направление, обусловленное современным уровнем развития технологического прогресса, связано с фальсификацией следов рук и искусственным изготовлением следов. Заметим, что данная тема не является новой. Так, Г. Л. Грановским в 1974 г. были описаны признаки фальсификации следов папиллярных узоров рук, выявленные при производстве дактилоскопической экспертизы. К ним были отнесены: недостаточная четкость папиллярных линий; отсутствие пор; неравномерное распределение потожирового вещества следа на папиллярных линиях; наличие фрагментов бумажной поверхности дактокарты, с которой был откопирован след; наличие примесей вещества клише и др.⁵

В 2015–2018 гг. нами были проведены экспериментальные исследования с целью установления признаков, свидетельствующих о возможной фальсификации папиллярных узоров, выполненных механическими и технологическими способами с помощью полимерных моделей. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно изложить ход экспериментов, поэтому остановимся только на полученных результатах. Так, в ходе проведенного сравнительного исследования следа, оставленного пальцем руки, и следа, оставленного изготовленной нами полимерной моделью, было установлено совпадение по таким общим признакам папиллярного узора, как направление и крутизна потоков папиллярных линий, их наличие, расположение и взаиморасположение, тип папиллярного узора, а также по частным признакам, а именно началу и окончанию папиллярных линий, слиянию и разветвлению папиллярных линий. Качество отображения папиллярных линий в следе пальца руки оказалось более четким, чем в следе, оставленном полимерной моделью. Поми-

мо этого, конфигурация папиллярных линий в следе, оставленном полимерной моделью, нечеткая, края расплывчатые, поры не наблюдаются⁶.

Полученные результаты проведенных экспериментов, в частности отсутствие пор, подразумевают обязательность проведения дополнительного поро- и эджеоскопического исследования по морфологическим признакам отображенных папиллярных линий. Отметим, что решение вышеуказанной проблемы также возможно при исследовании биохимического состава потожирового вещества следа путем производства биологической экспертизы.

Таким образом, с учетом актуальности данного направления и прогнозируя появление соответствующих объектов в экспертной практике, следует учитывать возможность постановки вопроса об установлении природы происхождения следов рук. Проведенные нами эксперименты позволяют прийти к выводу, что подтвердить естественность процесса оставления следовой информации на месте происшествия дают возможность как комплексные исследования, так и перечень экспертиз. В частности, назовем судебно-биологическую экспертизу (исследование потожирового вещества следа, запаховых следов), традиционную дактилоскопическую, технико-криминалистическую экспертизу документов (технико-криминалистическая экспертиза оттисков печатей и штампов), трасологическую (установление места изъятия следа пальца руки), СЭВМИ (исследование красящего вещества дактилоскопической краски, перекopированной на липкую поверхность пленки, а также дактилоскопического порошка, которым обработан или мог быть обработан след непосредственно в момент его изъятия) и др. Отчасти решение данной проблемы было обозначено в работе А. В. Козлова, посвященной комплексному исследованию следов рук при установлении их возможной фальсификации⁷.

Представляется возможным прогнозировать развитие другого нового направления – топографического или фалангометрического, которое в настоящее время используется врачами-терапевтами при диагностировании у пациентов хронических сердечно-сосудистых заболеваний по специфической форме ногтевых фаланг пальцев их рук и наличию синюшного оттенка. Эти признаки можно рассматривать как состояние следообразующего объекта или его особенности. Отметим, что в методике ЭКЦ МВД России

по определению руки и пальцев по оставленным следам, разработанной Т. В. Кругловой, форму и размеры относят к контурным признакам, а расположение следов на поверхности предмета – к топографическим⁸. Однако в рамках предварительного исследования на месте происшествия требуют решения некоторые другие диагностические задачи, направленные на определение пола человека, его роста, возраста и др.

Что касается проведения дополнительного поро- и эджеоскопического исследования по морфологическим признакам отображенных папиллярных линий, то отметим, что в 2009 г. изучению проблемы исследования фрагментарных следов, отображенных не в полном объеме или искаженно, было посвящено диссертационное исследование В. В. Пономарева. Результаты его представлены в учебном пособии «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: микропапилляроскопия»⁹. Несомненно, данная разработка позволяет решать сложные дактилоскопические задачи, требующие значительных временных затрат. Однако использование термина «папилляроскопия» целесообразно рассматривать, как было предложено его авторами Л. Г. Эджубовым и Н. Н. Богдановым, применительно к интегральному направлению, изучающему общий объект исследования – папиллярные линии, и объединяющему дактилоскопию и дерматоглифику¹⁰.

Говоря о перспективах развития интегрального направления, следует отметить, что в настоящее время диагностические задачи, решаемые в дерматоглифических исследованиях, значительно превосходят аналогичные задачи, решаемые в дактилоскопии. Так, современные возможности дерматоглифики позволяют установить видовую принадлежность (принадлежат ли следы человеку или тропическим растениям, экзотическим животным, таким как обезьяны – гиббоны, орангутаны, шимпанзе, гориллы и др.), антропологические характеристики (расовые, популяционные, этнические группы и др.), натомото-физиологические характеристики человека (половую принадлежность, возраст, рост (длину тела), телосложение (тип конституции), функциональные свойства (правша ли левша), родство, возможную группу крови, патологические анатомо-физиологические свойства и заболевания или предрасположенность человека к ним и др.), а также определить некоторые поведенческие и психические особенности человека (предрасположенность к суицидальным действиям, наркомании,

преступной специализации и др.), личностные качества человека (темперамент, характер и др.), профессиональную (привычную) деятельность и др.¹¹

Отметим, что дерматоглифика, как и дактилоскопия, на протяжении более чем столетнего периода активно развивалась, и в настоящее время ее систему образуют следующие направления: медицинское, антропологическое (включающее собственно антропологический, этнический и антропогенетический подразделы), физиологическое и генетическое. Каждый из них заслуживает отдельного рассмотрения, однако ограниченный объем данной статьи позволяет остановиться только на некоторых достижениях.

Так, в физиологическом, в частности спортивном, направлении дерматоглифические признаки коррелируют с определенными видами спорта. Наличие простых узоров и незначительное количество гребешков в узоре связывают со скоростно-силовыми видами спорта, к которым относят метания, тяжелую и легкую атлетику (спринт, прыжки, бег, многоборье), коньки (спринт), современное пятиборье и др. Для сложнокоординационных видов спорта, к которым относят фигурное катание, гимнастику, прыжки в воду, стрельбу и др., характерным является сложный рисунок узора в сочетании с максимальным гребневым счетом. Этот же дерматоглифический комплекс признаков является отличительным для игровых видов спорта (баскетбол, волейбол и др.), где дополнительно сочетается с большим количеством завитков, небольшим количеством петель и отсутствием дуговых узоров.

Определенный интерес представляют исследования, связанные с адаптационными возможностями человека. Так, низкие адаптационные возможности соотносят с наличием простых папиллярных рисунков, для высокоэнергетических и высокореактивных систем характерны петлевые узоры на всех пальцах, для высоких адаптационных возможностей – сочетание петлевых и завитковых узоров.

Полученные данные позволяют актуализировать не менее важный вопрос практической направленности, связанный с установлением по отпечаткам пальцев рук в дактокарте лиц с ассоциативным поведением. Представляется, что для проведения данного исследования должна быть проанализирована большая выборка дактокарт с привлечением специалистов в области дактилоскопии, дерматоглифики, психологии, психоантропогенетики и других направле-

ний, изучающих признаки и свойства человека, содержащиеся в одном объекте исследования – папиллярных линиях. Результаты такого междисциплинарного исследования могут быть востребованы не только для целей уголовного судопроизводства, но и для профилактики правонарушений, корреляции девиантного поведения человека по папиллярным узорам¹².

Заслуживают внимания и достижения, имеющиеся в области генетической и медицинской (патологической) дерматоглифики. Так, в рамках последнего направления выявлены дерматоглифические признаки, позволяющие диагностировать три группы заболеваний, связанных с наследственно предопределенными нарушениями в формировании человеческого организма, его нервной системы, соматическими заболеваниями (язвенная болезнь, сахарный диабет и др.) и инфекционными заболеваниями (туберкулез и др.).

Большие возможности имеет другое развивающееся направление, связанное с медицинской диагностикой заболеваний. Например, аплазия, дисплазия и др. характеризуются нарушением строения кожи, миопатия – гигантскими атипичными узорами, синдром Дауна – единственной складкой мизинца и др. Следует отметить, что диагностика врожденных дефектов в настоящее время возможна в 90 % случаев.

Как нам представляется, для активизации данного направления следует унифицировать терминологический аппарат, используемый в дерматоглифике и дактилоскопии; систематизировать имеющиеся данные в общее интегральное научное направление – папиллярскопическое; определить перспективные векторы исследования; продолжить целенаправленный сбор эмпирического материала, его обработку и т. д.

Таким образом, прогнозирование развития современной дактилоскопии складывается из двух частей: во-первых, прогнозирования научных исследований и их результатов, во-вторых, прогнозирования трансформации средств, форм и методов, применяемых для борьбы с преступностью, то есть практической составляющей. Именно от последней зависят тенденции и закономерности развития выделенных нами направлений: собственно дактилоскопического, интегрального, а также технической составляющей, включающей разработку новых средств выявления, фиксации, изъятия и исследования следов рук.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Майлис Н. П. Настольная книга эксперта : моногр. М., 2020. С. 86–89.
- ² Донцова Ю. А. Современное состояние научных знаний и практики криминалистического исследования следов рук, образованных в условиях негативного влияния свойств объектов или действия факторов внешней среды // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2019. № 3 (93). С. 124–129.
- ³ Моисеева Т. Ф. Комплексное криминалистическое исследование потожировых следов человека : моногр. М., 2018. С. 194–219.
- ⁴ Резниченко Г. Ю. Лекции по математическим моделям в биологии. Ижевск, 2011. С. 310, 450.
- ⁵ Грановский Г. Л. Основы трасологии. Особенная часть. М., 1974. С. 139.
- ⁶ Соколова О. А., Лаптева А. О. Особенности выявления признаков фальсификации следов папиллярных узоров рук при производстве дактилоскопических экспертиз (экспериментальные исследования) // Вестн. экон. безопасности. 2018. № 1. С. 94–101.
- ⁷ Козлов А. В. Значение комплексных исследований следов рук при установлении их возможной фальсификации // Эксперт-криминалист. 2020. № 2. С. 7–10.
- ⁸ Круглова Т. В. Определение руки и пальцев по оставленным следам // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств / под ред. Ю. М. Дильдина и В. В. Мартынова. М., 2010. Ч. 1. С. 116–132.
- ⁹ Пономарев В. В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: микропапилляроскопия : учеб. пособие для вузов. М., 2020.
- ¹⁰ Эдзубов Л. Г., Богданов Н. Н. Введение в папилляроскопию // Папиллярные узоры: идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). М., 2002. С. 12.
- ¹¹ Божченко А. П., Попов В. Л., Заславский Г. И. Дерматоглифика при идентификации личности. СПб., 2008. С. 126–127.
- ¹² Самищенко С. С., Колотушкин С. М. Прогнозирование девиантного поведения человека по папиллярным узорам // Теория и практика судебной экспертизы : материалы I Междунар. форума. М., 2017. С. 300–304.

- ¹ Majlis N. P. Nastol'naya kniga e'ksperta : monogr. M., 2020. S. 86–89.
- ² Donczova Yu. A. Sovremennoe sostoyanie nauchny'x znaniy i praktiki kriminalisticheskogo issledovaniya sledov ruk, obrazovanny'x v usloviyax negativnogo vliyaniya svojstv ob'ektov ili dejstviya faktorov vneshnej sredy` // Vestn. S.-Peterb. un-ta MVD Rossii. 2019. № 3 (93). S. 124–129.
- ³ Moiseeva T. F. Kompleksnoe kriminalisticheskoe issledovanie potozhirov'y'x sledov cheloveka : monogr. M., 2018. S. 194–219.
- ⁴ Reznichenko G. Yu. Lekcii po matematicheskim modelyam v biologii. Izhevsk, 2011. S. 310, 450.
- ⁵ Granovskij G. L. Osnovy` trasologii. Osobennaya chast`. M., 1974. S. 139.
- ⁶ Sokolova O. A., Lapteva A. O. Osobennosti vy'yavleniya priznakov fal'sifikacii sledov papillyarn'y'x uzorov ruk pri proizvodstve daktiloskopicheskix e'kspertiz (e'ksperimental'ny'e issledovaniya) // Vestn. e'kon. bezopasnosti. 2018. № 1. S. 94–101.
- ⁷ Kozlov A. V. Znachenie kompleksny'x issledovaniy sledov ruk pri ustanovlenii ix vozmozhnoj fal'sifikacii // E'kspert-kriminalist. 2020. № 2. S. 7–10.
- ⁸ Kruglova T. V. Opredelenie ruki i pal'cev po ostavlenny'm sledam // Tipovy'e e'kspertny'e metodiki issledovaniya veshhestvenny'x dokazatel'stv / pod red. Yu. M. Dil'dina i V. V. Martynova. M., 2010. Ch. 1. S. 116–132.
- ⁹ Ponomarev V. V. Daktiloskopiya i daktiloskopicheskaya e'kspertiza: mikropapillyaroskopiya : ucheb. posobie dlya vuzov. M., 2020.
- ¹⁰ E'dzhubov L. G., Bogdanov N. N. Vvedenie v papillyaroskopiyu // Papillyarny'e uzory` : identifikaciya i opredelenie karakteristik lichnosti (daktiloskopiya i dermatoglifika). M., 2002. S. 12.
- ¹¹ Bozhchenko A. P., Popov V. L., Zaslavskij G. I. Dermatoglifika pri identifikacii lichnosti. SPb., 2008. S. 126–127.
- ¹² Samishhenko S. S., Kolotushkin S. M. Prognozirovaniye deviantnogo povedeniya cheloveka po papillyarny'm uzoram // Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy` : materialy` I Mezhdunar. foruma. M., 2017. S. 300–304.

Об особенностях применения мер ответственности в органах прокуратуры

А. В. СМIRNOV – старший помощник прокурора Вологодской области по взаимодействию с законодательными (представительными) и исполнительными органами области, органами местного самоуправления, правовому обеспечению, соискатель кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

В статье предпринимается попытка исследования действующего национального законодательства, регулирующего отдельные вопросы функционирования института государственной службы в органах прокуратуры. Автором на основе анализа различных научных позиций и действующих нормативных правовых актов производится структурирование видов применяемых к работникам прокуратуры мер ответственности, выделяются их характеристики, обуславливающие особенности данного вида федеральной государственной службы, определяются проблемы их правоприменения, оказывающие негативное влияние на эффективность самой служебной деятельности. Делается вывод, что административно-правовой статус работников прокуратуры имеет значительное сходство со статусом служащих других государственных органов, выполняющих правоохранительные функции, при этом он содержит целый ряд элементов, свидетельствующих о его исключительности, что подтверждает особое положение служащих данного вида в системе государственной службы. Резюмируется необходимость корректировки отдельных положений нормативно-правового регулирования служебных отношений в органах прокуратуры.

Ключевые слова: государственная служба; административно-правовой статус государственных служащих; органы прокуратуры; работники прокуратуры; меры ответственности; моральные и этические требования; внеслужебная деятельность.

12.00.14 – Административное право; административный процесс.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Смирнов А. В. Об особенностях применения мер ответственности в органах прокуратуры. *Ius publicum et privatum : сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, 2021, № 4 (14), с. 139–143, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-139-143.

On peculiarities of application of measures of responsibility in the prosecutor's office

A. V. SMIRNOV – Senior Assistant to the Prosecutor of the Vologda Region for interaction with legislative (representative) and executive bodies of the region, local government bodies, legal support, Applicant of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Faculty of Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

The article attempts to study the current national legislation regulating certain issues of the functioning of the institution of civil service in the prosecutor's office. Based on the analysis of various scientific positions and current regulatory legal acts the author structured the types of liability measures applied to employees of the prosecutor's office, highlights their characteristics that determine the characteristics of this type of federal public service, identifies the problems of their law enforcement, which have a negative impact on the efficiency of the official activity itself. It is concluded that the administrative and legal status of

employees of the prosecutor's office has a significant similarity with the status of employees of other state bodies performing law enforcement functions, while it contains a number of elements indicating its exclusivity, which confirms the special position of employees of this type in the civil service system. It summarizes the need to adjust certain provisions of the legal regulation of service relations in the prosecutor's office.

Key words: public service; administrative and legal status of civil servants; bodies of the prosecutor's office; employees of the prosecutor's office; measures of responsibility; moral and ethical requirements; off-duty activities.

12.00.14 – Administrative law; administrative process.

12.00.11 – Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement activity.

For citation: Smirnov A. V. On peculiarities of application of measures of responsibility in the prosecutor's office. *Ius publicum et privatum : online scientific and practical journal of private and public law*, 2021, no. 4 (14), pp. 139–143, DOI 10.46741/2713-2811-2021-4-139-143.

Институт государственной службы, наряду с другими системными образованиями, обладает интегративными свойствами и качествами¹. Свое проявление такие системные признаки находят в многочисленных внутриорганизационных связях между формирующими ее элементами. В свою очередь, наличие таких внутренних связей обеспечивает взаимодействие последних между собой, что способствует достижению более качественного уровня функционирования всего механизма государственного управления.

При таких условиях выделенные характеристики дают повод рассматривать государственную службу как сложную систему, призванную обеспечить эффективное функционирование всего государственного аппарата. Среди элементов, образующих столь многоаспектную систему, ключевое место принадлежит институту административно-правового статуса (положения) государственных служащих, который имеет свои особенности, predetermined видо государственной службы и ролью (местом) конкретного государственного органа, в котором проходит служба, в системе государственного аппарата.

В данном аспекте особая роль органов прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации обуславливается выполнением государственными служащими – прокурорскими работниками – одновременно различных правоохранительных, правозащитных, контрольно-надзорных и ряда других функций². Подобная многофункциональность рассматриваемого вида службы, одновременно указывающая на ее надведомственный характер, детерминирует уникальность значительной части составляющих правовой статус данной категории служащих элементов.

В настоящей статье остановимся на характеристике исключительно такого элемента рассматриваемого института, играющего одно из фундаментальных значений для укрепления служебной дисциплины и обеспечения режима законности в профессиональной служебной деятельности, как привлечение служащих к ответственности, которое по причине имманентности прокурорской службы по отношению к государственной службе в целом, а также повышенных требований к данному виду службы, к моральным и деловым качествам прокуроров имеет как общие черты, так и свои особенности в сравнении с иными видами государственной службы.

Уникальность выполняемых различными государственными органами, составляющими механизм государственного управления, функций, наделение их сотрудников (работников) властными полномочиями определяют специфику предъявляемых к каждой из данных категорий государственных служащих повышенных требований, прежде всего с профессиональной и нравственной сторон.

Поступая на службу и добровольно принимая на себя обязательства по соблюдению действующих правовых предписаний об ограничениях и запретах, государственные служащие должны осознавать возможные последствия их нарушения. Как и соблюдение любой другой законодательно установленной обязанности, соблюдение запретов и ограничений обеспечивается применением к служащим мер государственного принуждения, реализуемых в данном случае в виде юридической ответственности за их несоблюдение.

Юридическая ответственность на государственной службе представлена всеми ее возможными видами: дисциплинарная, административная, уголовная, гражданско-правовая и материальная.

Согласно положениям ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» установление ответственности государственных служащих отнесено к исключительной юрисдикции федерального закона о соответствующем виде государственной службы. В данном случае законодатель, очевидно, ведет речь сугубо об основном виде ответственности служащих – дисциплинарной, поскольку все иные ее виды регламентированы другим законодательством (административным, уголовным, гражданским, трудовым).

Вопреки общепринятому толкованию термина «дисциплинарная ответственность» в качестве правовой формы воздействия на служащего за нарушение служебной дисциплины, выразившееся в неисполнении или неудовлетворительном исполнении возлагаемых на него служебных обязанностей и повлекшее определенные негативные последствия (дисциплинарный проступок)³, Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» дает расширительное его понятие, включая в него положения о нарушении работниками моральных и этических требований⁴, которые предъявляются как к служебной, так и к внеслужебной их деятельности. В данной части следует отметить взаимосочетаемость таких положений с ч. 1 ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации».

Данная особенность приводит к фактической возможности совершения служащими органов прокуратуры правонарушения двоякого рода – проступка, образующего состав административного правонарушения, за совершение которого он одновременно может быть подвергнут и дисциплинарной ответственности.

Особый статус прокурорских работников детерминирует, наряду с особыми условиями применения к ним мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, исключительность самой процедуры привлечения прокуроров к административной ответственности⁵, что является неким гарантом в обеспечении их независимости и защиты от неправомерного воздействия (в форме безосновательного преследования) на принимаемые в рамках своей служебной деятельности решения.

В данной части статус прокурорского работника вновь приближен к статусу судьи,

который также подлежит ответственности за совершение любых административных правонарушений, но отличается особым порядком привлечения к такому виду ответственности (п. 4 ст. 16 Закона «О статусе судей в Российской Федерации»).

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд аподиктичность приведенных аргументов рациональности анализируемых законодательных положений, практическая их реализация может иметь значительные трудности: при решении вопроса об административной ответственности судьи – в части длительности процесса получения представления генпрокурора, при решении вопроса об административной ответственности прокурорского работника – в части длительности проведения процедур служебного расследования. Подобное в обоих случаях может привести к простому истечению сроков давности данного вида ответственности, что в свою очередь способно оказать негативное влияние на состояние дисциплины.

Данная ситуация усугубляется отсутствием конкретных сроков выполнения отдельных элементов процедуры установленного в органах прокуратуры порядка рассмотрения материалов и ходатайств о привлечении к ответственности и даче согласия на назначение административного наказания в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом, включая судей (приказ Генпрокурора от 23.11.2015 № 645 «О порядке реализации прокурорами полномочий в сфере привлечения к административной ответственности лиц, обладающих особым правовым статусом»). Отсутствуют и нормативно закрепленные предельные сроки рассмотрения в органах прокуратуры материалов о фактах совершения административных правонарушений самими прокурорскими работниками, принятия по итогам таких проверок решений о привлечении к дисциплинарной ответственности и направлении материалов в уполномоченные органы (приказ Генпрокурора от 18.04.2008 № 70 «О проведении проверок в отношении прокурорских работников органов и организаций прокуратуры Российской Федерации»).

Отличительной чертой правового статуса прокурора является также установленный законодательством особый порядок его привлечения к уголовной ответственности, предусматривающий исключительность компетенции на проведение проверки сообщения о совершенном прокурором престу-

плении, возбуждение в отношении прокурора уголовного дела и его предварительное расследование Следственным комитетом России.

В этой связи нельзя не обратить внимание на два момента, существенно влияющих на статус прокурорских работников и требующих, по нашему мнению, внесения изменений в действующие законодательные акты.

Во-первых, при разграничении компетенции на проверку сообщения о факте совершенного прокурором правонарушения п. 1 ст. 40 закона о прокуратуре одновременно устанавливает, что проверка сообщения о факте такого преступления осуществляется Следственным комитетом России (абз. 2) и что проверка сообщения о любом совершенном прокурором правонарушении, к числу которых принято относить как проступки (дисциплинарные, административные и гражданско-правовые), так и преступления, является исключительной компетенцией самих органов прокуратуры (абз. 1).

Данное несоответствие, очевидно, явилось следствием принятия Федерального закона от 28.12.2010 № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия», которым из системы органов прокуратуры были выделены следственные органы. При этом ранее действовавшая редакция закона предполагала единое правило, в соответствии с которым любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором или следователем прокуратуры, являлась исключительной компетенцией органов прокуратуры, что было обусловлено наличием на тот период времени у органов прокуратуры в лице их следственных подразделений полномочий на проверку сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел.

Во-вторых, действующая терминология (относительно понятия «прокурор») распространяет положения п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ исключительно на лиц, замещающих должности прокуроров.

На наш взгляд, учитывая концептуальное назначение данной нормы, заключающееся в пресечении фактов неправомерного вмешательства в деятельность отдельных субъектов путем их необоснованного уголовного преследования и обеспечении тем самым их независимости, ее положения должны быть в полной мере распространены на замести-

телей прокуроров и других прокурорских работников в соответствии с критериями, определенными в ст. 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Элементами статуса прокурорских работников являются также меры таких родственных видов ответственности, как гражданско-правовая и материальная, применяемых к ним в порядке, установленном гражданским и трудовым законодательством. Каких-либо исключений для прокурорских работников в данной части законодательство не устанавливает.

Проведенное исследование действующего правового регулирования одного из элементов административно-правового статуса федеральных государственных служащих органов прокуратуры позволяет сделать вывод, что по своей природе правовое положение данных лиц имеет значительное сходство со статусом служащих органов государственной власти, выполняющих правоохранительные функции, направленные на обеспечение безопасности, законности и правопорядка, борьбу с преступностью, защиту прав и свобод человека и гражданина⁶, что является явным подтверждением имманентности прокурорской службы по отношению к государственной службе, связанной с правоохранительной деятельностью⁷.

При всем этом административно-правовой статус работника органов прокуратуры содержит значительное число элементов, свидетельствующих о его исключительности, что подтверждает особое положение служащих данного вида в системе государственной службы и в полной мере коррелируется с отводимой самим органам прокуратуры ролью в функционировании всего государственного аппарата.

Такие элементы статуса нередко имеют черты, схожие со статусом лиц, замещающих государственные должности судей, что одновременно является подтверждением реализуемого в системе государственной службы общепринятого постулата о прямой связи перспективной юридической ответственности служащих и выполняемых ими в силу установленной компетенции обязанностей.

Вместе с тем необходимо резюмировать, что нормативно-правовое регулирование служебных отношений в органах прокуратуры нуждается в пересмотре отдельных законодательных положений. Допускаемая в действующем законодательстве субсидиарность его отдельных положений при определении статуса прокурорских работников,

имеющаяся противоречивость и излишнее дублирование отдельных его норм комплексного и полного представления о видах их ответственности, что затрудняет реализацию таких правовых норм на практике и оказывает негативное воздействие на эффективность самой служебной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 23.

² Смирнов А. В. Понятие и административно-правовая природа государственной службы в органах прокуратуры Российской Федерации // Пенитенциар. наука. 2020. № 14 (3). С. 395.

³ Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянов и др.; отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2009. С. 178.

⁴ Добробаба М. Б. Проблема поиска фактических оснований дисциплинарной ответственности государственных служащих // Административ. и муницип. право. 2013. № 6. С. 633.

⁵ Винокуров А. Ю., Кулакова Н. А., Васькина И. А. Институт привлечения прокуроров к административной ответственности: история вопроса // Вестн. Акад. Генпрокуратуры Рос. Федерации. 2015. № 5 (49). С. 3–9.

⁶ Нагорных Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 248–268.

⁷ Смирнов А. В. Государственная служба в органах прокуратуры в системе государственной службы в правоохранительной сфере // Пенитенциар. наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 96–106.

¹ Afanas'ev V. G. Sistemnost' i obshhestvo. M., 1980. S. 23.

² Smirnov A. V. Ponyatie i administrativno-pravovaya priroda gosudarstvennoj sluzhby` v organax prokuratury` Rossijskoj Federacii // Penitenciar. nauka. 2020. № 14 (3). S. 395.

³ Yuridicheskij e`nciklopedicheskij slovar` / M. O. Buyanov i dr.; отв. red. M. N. Marchenko. M., 2009. S. 178.

⁴ Dobrobaba M. B. Problema poiska fakticheskix osnovanij disciplinarnoj otvetstvennosti gosudarstvenny`x sluzhashhix // Administrativ. i municip. pravo. 2013. № 6. S. 633.

⁵ Vinokurov A. Yu., Kulakova N. A., Vas`kina I. A. Institut privlecheniya prokurorov k administrativnoj otvetstvennosti: istoriya voprosa // Vestn. Akad. Genprokuratury` Ros. Federacii. 2015. № 5 (49). S. 3–9.

⁶ Nagornyh R. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj sluzhby` Rossijskoj Federacii v pravooxranitel`noj sfere : dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2016. S. 248–268.

⁷ Smirnov A. V. Gosudarstvennaya sluzhba v organax prokuratury` v sisteme gosudarstvennoj sluzhby` v pravooxranitel`noj sfere // Penitenciar. nauka. 2021. T. 15. № 1 (53). S. 96–106.